

Государственное образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»
Покровский филиал

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Москва)

Мозырский государственный педагогический университет»
имени И.П.Шамякина (Беларусь)

Международный университет SilkWay (Казахстан)

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: Психологические и лингвистические аспекты

Материалы XIX-й Международной
научной конференции, посвящённой 100-летию
со дня рождения В.И.Кодухова
(Покров, 15-17 мая 2019 года)

Москва, 2019

УДК 81'23
ББК 81.001.3
Я 41

Редколлегия:

доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор **А.В. Пузырёв** (Покров; отв. редактор);

кандидат филологических наук, доцент **Л.В. Бойченко** (Покров);

кандидат филологических наук, доцент **И.И. Ковалевская** (Орехово-Зуево);

доктор филологических наук, доцент **О.В. Ломакина** (Москва);

кандидат филологических наук, доцент **С.Б. Кураш** (Мозырь, Беларусь);

кандидат филологических наук, доцент **Ф.И. Артыкбаева** (Шымкент, Казахстан).

*Печатается по решению оргкомитета
XIX-й Международной научной конференции
«Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты»*

Я 41 Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XIX-й Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.И.Кодухова (Покров, 15-17 мая 2019 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – Москва: ФБГОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», 2019. – 136 с.

В сборнике представлены результаты исследований вечной проблемы психологии и лингвистики – «язык и мышление». Особое внимание уделено рассмотрению проблемы «язык и мышление поэта и писателя», проблем фоносемантики.

Предназначено лингвистам, психологам, студентам, специалистам смежных областей знания.

ISBN

© Коллектив авторов, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление	3
От редколлегии	7
К 100-летию со дня рождения В.И. Кодухова	12
<i>Доктор филол. наук И.С. Карабулатова (Москва)</i>	
ПРОВИДЧЕСКИЙ ДАР В.И. КОДУХОВА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ:	
ВОСПОМИНАНИЯ О РАЗГОВОРАХ С УЧИТЕЛЕМ	12
<i>Доктор филол. наук, канд. психол. наук А.В. Пузырёв (Покров)</i>	
ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ КОДУХОВ: ИСТОРИЯ ТРЁХ ВСТРЕЧ	15
Логико-структурные аспекты проблемы язык и мышление	20
<i>Докт. филол. наук Т.Е. Владимирова (Москва)</i>	
ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	20
<i>Докт. филол. наук Н.В. Дмитрюк (Шымкент, Казахстан)</i>	
ИНТЕГРАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ: ВЫЗОВЫ ХХІ ВЕКА	21
<i>Докт. филол. наук А. В. Жуков (Великий Новгород)</i>	
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ	23
<i>Канд. филол. наук О.А.Касаткина (Орехово-Зуево)</i>	
«ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА» ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ ТОЖДЕСТВА	25
<i>Канд. филол. наук И.И. Ковалевская (Орехово-Зуево)</i>	
СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ И ДЕЙСТВИЙ, ОПОСРЕДОВАННЫХ РЕЧЬЮ, ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ)	26
<i>Доктор филол. наук Е.А. Красина, А.А. Васильева (Москва)</i>	
КАРТЕЗИАНСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: ДВЕ УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ГРАММАТИКИ	28
<i>Аспирантка В.В.Ларина (Орехово-Зуево)</i>	
СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ В РАКУРСЕ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТОВ «ПРАВДА» И «ЛОЖЬ»	31
<i>Лю Фанбин (Харбин, Китай)</i>	
ЛЕКСИКА ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ КАК АРЕНА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	33

<i>Канд. филол. наук Е.С. Никитина (Москва)</i>	
К МЕТАЛОГИКЕ ЯЗЫКОВ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА	34
<i>Доктор филол. наук Е.В. Огольцева (Москва)</i>	
ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ОТСУБСТАНТИВНОГО ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ.....	36
<i>Канд. психол. наук, доктор филол. наук А.В. Пузырёв (Покров)</i>	
ИДИОСТИЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ЭСТЕТИКИ МЫШЛЕНИЯ, ЯЗЫКА, ПСИХОФИЗИОЛОГИИ, РЕЧИ И ОБЩЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ...	39
<i>Аспирантка С.М. Рзаева (Орехово-Зуево)</i>	
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ НЕОЛОГИЗМОВ	46
<i>Докт. филол. наук С. Л. Сахно (Париж)</i>	
МОДАЛЬНОСТЬ ОГРАНИЧЕНИЯ: КОГНИТИВНЫЕ И СЕМАНТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКИХ ЧАСТИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОГРАНИЧЕНИЯ (ТОЛЬКО VERSUS ЛИШЬ).....	48
<i>Доктор филол. наук И.В. Труфанова (Москва)</i>	
К ВОПРОСУ О МЕСТОИМЕНИИ ОДИН ДРУГОГО	50
<i>Докт. филол. наук Л.М. Шатилова, Е.И. Ануфриева (Орехово-Зуево)</i>	
СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ЗДОРОВЬЕ» В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА	58
Динамические аспекты	
проблемы язык и мышление	62
<i>Канд. филол. наук Ф.И. Артыкбаева, преподаватель Г.Р. Писарева, магистрантка Ш.М. Султанкулова (Казахстан, Шымкент)</i>	
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ	62
<i>David Krasovec, PhD (France)</i>	
LE LANGAGE ET LA PENSÉE: ONT-ILS UNE GÉNÉTIQUE ET UN LIEU DANS LE CERVEAU ?.....	63
<i>Давид Красовец, PhD (France)</i>	
ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: ИХ ЗАРОЖДЕНИЕ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ В МОЗГЕ?	65
<i>Докт. психол. наук Л.В. Черемошкина (Москва)</i>	
ЧУВСТВО ЯЗЫКА В СТРУКТУРЕ ИНТЕЛЛЕКТА	65
<i>Канд. пед. наук Н.В. Шишонина (Пятигорск)</i>	
О СЛОЖНОСТИ ЯЗЫКА ПЕРЕВОДА В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА	67
Функциональные и педагогические аспекты	
исследования языка и мышления	70
<i>Магистр И.М. Алиханова, преподаватель Г.Т. Юсупова (Казахстан, Шымкент)</i>	
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС	70

<i>Канд. филол. наук Е.Н. Антонова, канд. филол. наук В.И. Ершов (Москва)</i>	
ФЕНОМЕН ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПАРАМЕТРИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ К ОБЩИМ ВОПРОСАМ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ	72
<i>Асп. С.Е. Виноградова, студ. А.Е. Воробьева, Ю.В. Качанова (Москва)</i>	
АЛГОРИТМЫ СОСТАВЛЕНИЯ КОРПУСОВ ДЛЯ «ЖИВОГО СТИЛИСТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»	76
<i>Канд. филол. наук Ф.Н. Даулет (Казахстан, Алматы)</i>	
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТА “СУДЬБА” В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	79
<i>Соискательница И.В. Крашенинникова (Ульяновск)</i>	
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛАСТ МАССОВЫХ ПЕСЕН	81
<i>Канд. филол. наук Т.В. Демидович (Волгоград)</i>	
МИРОВОЗЗРЕНИЕ ВОЕННОГО ВРАЧА (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)	84
<i>Канд. филол. наук Е.А. Зацепина (Москва)</i>	
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В ЯЗЫКЕ РОССИЙСКИХ МУЗЫКАНТОВ	86
<i>Канд. филол. наук Е.Ю. Кукушкина (Москва)</i>	
ЛЕКСИКА И ГРАММАТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА (На материале текстов художественной галереи «Ковчег»).....	88
<i>Канд. филол. наук Н.Ю. Нелюбова (Москва)</i>	
ЛЮБОВЬ КАК ЦЕННОСТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА (На материале пословиц)	92
<i>Аспирантка П.С. Сёмина (Москва)</i>	
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР БЕЛЬГИЙЦЕВ (На материале паремиологического фонда французского языка Бельгии)	94
<i>Канд. филол. наук В.Л. Соколова (Москва).....</i>	97
КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ВНИМАНИЕМ АУДИТОРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ)	97
<i>Канд. филол. наук Н.А. Филатова, студ. А.А. Воеводина (Орехово-Зуево)</i>	
ТЕРМИН «НЕОЛОГИЗМ»: К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ.....	98
<i>Доктор филол. наук Н.В. Юдина (Владимир)</i>	
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ И ЕЁ РЕГИОНОВ: ДИСКУРС VS. СОЗНАНИЕ.....	100
<i>Docteur Nabil SADI (Laboratoire LESMS – Université de Bejaia, Algérie)</i>	
<i>Sofiane ASSIAKH (Laboratoire LESMS – Université de Bejaia, Algérie)</i>	
ENSEIGNEMENT DE LA GRAMMAIRE : SCIENTIFICITÉ LINGUISTIQUE ET DIDACTICITÉ DU DISCOURS AUTOUR DE LA PRÉPOSITION EN CLASSE DE FLE	102

<i>Доктор филологии г-н Набиль Сади (Алжир)</i>	
<i>Аспирантка Ассиах Софиана (Алжир)</i>	
ГРАММАТИКА КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА: ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ И МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЛЯ УСВОЕНИЯ УЧАЩИМИСЯ ФРАНЦУЗСКИХ ПРЕДЛОГОВ И ПРЕДЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ	104

Фоносемантические аспекты исследования

языка и мышления	105
-------------------------------	------------

<i>Канд. филол. наук Е.И. Беседина (Санкт-Петербург)</i>	
О РЕЗУЛЬТАТАХ ОДНОГО НЕОПУБЛИКОВАННОГО ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА	105
<i>Преподаватель А.Д.Гимаева (Ульяновск)</i>	
НЕСПЕЦИФИЧЕСКИЕ, ОТНОСИТЕЛЬНО И АБСОЛЮТНО СПЕЦИФИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЗВУКОВЫХ ПРОДЛЕНИЙ.....	107
<i>К. филол. н. М.А.Еливанова, к. филол. н. В.А.Семушина (Санкт-Петербург)</i>	
ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Р.Л.СТИВЕНСОНА «THE LAND OF COUNTERPANE» СИНЕСТЕТАМИ.....	110
<i>Канд. филол. наук И.В. Кузьмич (Санкт-Петербург)</i>	
К ВОПРОСУ О ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СЛЕНГЕ	112
<i>Канд. филол.н. М. А. Флакман (Санкт-Петербург)</i>	
ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПОЭМЕ «БЕОВУЛЬФ»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	114
<i>Канд. филол. наук Е.А. Шамина (Санкт-Петербург)</i>	
КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФОНОСЕМАНТИКИ.....	117

Исследование языка и мышления поэта и писателя

в художественной речи	120
------------------------------------	------------

<i>Докт. филол. наук Г.В. Векшин, студентка Ю.А. Бушунова (Москва)</i>	
ОБРАЩЕННЫЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ В ЗВУКОВОМ СТРОЕ РУССКОЙ ПОСЛОВИЦЫ	120
<i>Канд. филол. наук С.Б. Кураш (Мозырь, Беларусь)</i>	
ФОНЕТИЧЕСКАЯ И МЕТРО-РИТМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ	123
<i>Канд. филол. н. О.Г.Мукина (Ульяновск)</i>	
АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СИНЕСТЕЗИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ	125
<i>Доктор филол. наук Г.Г. Хисамова (Уфа)</i>	
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В АСПЕКТЕ «ДИАЛОГА КУЛЬТУР».....	127

Сведения об авторах	130
----------------------------------	------------

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Конференция посвящена 100-летию со дня рождения замечательного учёного-лингвиста – Виталия Ивановича Кодухова, человека с чрезвычайно широким и глубоким взглядом на язык и проблемы лингвистики.

В материалах конференции отражены проблематика и результаты исследований в области одной из «вечных» для науки тем – «Язык и мышление», причём в конференции оказались задействованными специалисты-смежники – философы, психологи, лингвисты, педагоги и др.

Объединение усилий учёных-смежников под одной обложкой вызвано несколькими причинами. Самой важной из них является стремление ответить за просу времени преодолеть концептуальную разобщённость учёных различных научных специальностей, их практическое игнорирование друг друга. Думается, что материалы настоящей конференции являются своего рода попыткой синтеза различных подходов по отношению к одной и той же проблеме – проблеме взаимосвязей между мышлением человека и его языком (пусть даже попыткой весьма неполной и несовершенной).

При формировании сборника материалов конференции, при распределении поступивших докладов и сообщений по секциям редколлегия по-прежнему исходила из первого правила Рене Декарта «для руководства ума»: «Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих» (Р. Декарт 1936: 49). Именно поэтому материалы конференции группировались не по принципу рода занятий участников конференции, но по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. Методологической базой для распределения докладов конференции по конкретным аспектам является универсальная схема научного исследования, предложенная в середине 80-х годов 20-го столетия философом (доктором философских наук, профессором) А.А. Гагаевым.

Первая группа статей представлена воспоминаниями о В.И. Кодухове профессором И.С.Карабулатовой (Провидческий дар В.И. Кодухова в решении проблем этноязыковой политики: воспоминания о разговорах с Учителем) и А.В. Пузырёва (Виталий Иванович Кодухов: история трёх встреч).

Во второй группе статей рассматриваются логико-структурные аспекты проблемы *язык и мышление*. Рассмотрены: методологический и психолого-педагогический аспекты языка и мышления (докт. филол. наук Т.Е. Владимирова; Москва), интегративные аспекты лингвистики в свете вызовов XXI века (докт. филол. наук Н.В.Дмитрюк; Шымкент, Казахстан), фразеологическое значение и употребление (докт. филол. наук А. В. Жуков; Великий Новгород), «внутренняя форма» предложений с общим значением тождества (канд. филол. наук О.А. Касаткина; Орехово-Зуево), системные отношения в лексике – на примере группы глаголов говорения и действий, опосредованных речью, во французском языке (канд. филол. наук И.И. Ковалевская; Орехово-Зуево), картезианская лингвистика (доктор филол. наук Е.А. Красина, А.А. Васильева;

Москва), современное языковедение в ракурсе изучения концептов «правда» и «ложь» (аспирантка В.В.Ларина; Орехово-Зуево), лексика цветоименований как арена взаимодействия и противодействия культур в современном мире (Лю Фанбин; Харбин, Китай), металогика языков понимания текста (канд. филол. наук Е.С. Никитина; Москва), внутренняя форма отсубстантивного имени прилагательного как проявление диалектического единства языка и мышления (доктор филол. наук Е.В. Огольцева; Москва), постановка проблемы идиостилических аспектов эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения (канд. психол. наук, доктор филол. наук А.В.Пузырёв; Покров), лингвокогнитивный подход в изучении неологизмов (аспирантка С.М. Рзаева; Орехово-Зуево), когнитивные и семантико-коммуникативные аспекты русских частиц со значением ограничения (*только versus лишь*) (докт. филол. наук С.Л. Сахно; Париж), местоимения *один другого* (доктор филол. наук И.В. Труфанова, Москва), структурная характеристика лексических единиц, репрезентирующих концепт «здоровье» в немецкой и русской фразеологических картинах мира (докт. филол. наук Л.М. Шатилова, Е.И. Ануфриева; Орехово-Зуево).

По сравнению с прошлым годом несколько снизилась – по количеству докладов – группа докладов, посвящённых динамическим аспектам проблемы *язык и мышление*. Здесь анализируются психолингвистические исследования в области теории сознания и межкультурного общения (канд. филол. наук Ф.И.Артыкбаева, преподаватель Г.Р.Писарева, магистрантка Ш.М.Султанкулова; Казахстан, Шымкент), обсуждается вопрос о мозговых аспектах зарождения и локализации языка и мышления (Давид Красовец, PhD; France), чувство языка рассматривается как природная данность базового уровня интеллекта и формируемая способность в процессе изучения языка и развития вербального интеллекта (докт. психол. наук Л.В. Черемошкина; Москва), обсуждается сложность языка перевода в смысловой структуре текста (канд. пед. наук Н.В.Шишониная; Пятигорск).

В четвёртой группе статей объединены материалы, посвящённые функциональным аспектам исследования языка и мышления. Перед читателем предстанут: политический дискурс (магистр И.М. Алиханова, преподаватель Г.Т. Юсупова; Казахстан, Шымкент), феномен поэтического дискурса в параметрическом отношении к общим вопросам психолингвистики (канд. филол. наук Е.Н. Антонова, канд. филол. наук В.И. Ершов; Москва), алгоритмы составления корпусов для «Живого стилистического словаря русского языка» (асп. С.Е. Виноградова, студентки А.Е. Воробьева, Ю.В. Качанова; Москва), лексико-семантические аспекты концепта «судьба» в китайской лингвокультуре (канд. филол. наук Ф.Н. Даулет; Казахстан, Алматы), фразеологический пласт массовых песен (соискательница И.В. Крашенинникова; Ульяновск), мировоззрение военного врача, зафиксированное в материале художественной литературы (канд. филол. наук Т.В. Демидович; Волгоград), психолингвистический аспект функционирования англицизмов в языке российских музыкантов (канд. филол. наук Е.А. Зацепина; Москва), лексика и грамматика профессионального дискурса – на материале текстов художественной галереи «Ковчег» (канд. филол. наук Е.Ю. Кукушкина; Москва), любовь как ценность и её отра-

жение во французской и русской национальной картине мира – на материале пословиц (канд. филол. наук Н.Ю. Нелюбова; Москва), национальный характер бельгийцев – на материале паремиологического фонда французского языка Бельгии (аспирантка П.С. Сёмина; Москва), коммуникативные стратегии управления вниманием аудитории – на материале жанра англоязычной аналитической статьи (канд. филол. наук В.Л. Соколова; Москва), история возникновения термина «неологизм» (канд. филол. наук Н.А. Филатова, студ. А.А. Воеводина; Орехово-Зуево), лингвистический образ России и её регионов в соотношении дискурса и сознания (доктор филол. наук Н.В. Юдина; Владимир). Завершает эту секцию доклад «Грамматика как учебная дисциплина: Лингвистическое и методическое обеспечение для усвоения учащимися французских предлогов и предложных конструкций», представленный коллегами из Алжира – доктором филологии г-ном Набилем Сади и аспиранткой Ассиах Софианой (Université de Bejaia, Algérie). Текст доклада представлен на французском языке, поэтому сопровождается кратким переложением на русский язык, осуществлённым кандидатом филологических наук И.И. Ковалевской (Орехово-Зуево).

В этом году педагогические аспекты изучения проблемы языка и мышления почему-то практически выпали из сферы исследовательских интересов, поэтому доклад коллег из Алжира и помещён в секцию, посвящённую функциональным аспектам исследования языка и мышления.

В материалах конференции впервые выделены в отдельную секцию-группу фоносемантические аспекты исследования языка и мышления. В её рамках рассмотрены: результаты одного неопубликованного психолингвистического эксперимента (канд. филол. наук Е.И. Беседина; Санкт-Петербург), звукоимовительное восприятие синестетам стихотворения Р.Л.Стивенсона «The Land of Land of Counterpane» (канд. филол. наук М.А.Еливанова, канд. филол. наук В.А. Семушина; Санкт-Петербург), звукоизобразительность заимствований в сленге (канд. филол. наук И.В. Кузьмич; Санкт-Петербург), высказаны предварительные замечания о звукоизобразительной лексике в англосаксонской поэме «Беовульф» (канд. филол. н. М. А. Флакман; Санкт-Петербург), рассмотрены когнитивные аспекты фоносемантики (канд. филол. наук Е.А. Шамина; Санкт-Петербург). Секция фоносемантических аспекты исследования языка и мышления полностью представлена докладчиками ленинградской-петербургской научной фоносемантической школы, надеемся, что в дальнейшем число докладчиков вырастет за счёт участников других городов России и зарубежья.

И, конечно, участники конференции обратили внимание на специфику языка и мышления поэта и писателя в художественной речи. Ими были рассмотрены: обращенный параллелизм в звуковом строе русской пословицы (докт. филол. наук Г.В. Векшин, студентка Ю.А. Бушунова; Москва), фонетическая и метро-ритмическая метафора в русской поэтической речи (канд. филол. наук С.Б. Кураш; Мозырь, Беларусь), обсуждены проблемы антропоцентрического подхода к изучению синестезии в русской поэзии (канд. филол. н. О.Г. Мукина; Ульяновск) и художественного текста в аспекте «диалога культур» (доктор филол. наук Г.Г. Хисамова; Уфа).

Завершается сборник материалов XIX-й Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.И. Кодухова (Покров, 15-17 мая 2019 г.), краткими сведениями об авторах-докладчиках.

Как это уже традиционно в истории проведения конференций «Язык и мышление: психологический и лингвистический аспекты», материалы конференции опубликованы к началу её проведения.

Редколлегия считает своим долгом оговориться, что при подготовке к опубликованию доклады и сообщения подвергались минимальной правке, они публикуются в авторской редакции, и ответственность за уровень преподнесения, как это и принято в научном мире, полностью ложится на плечи авторов.

А.В. Пузырёв

Виталий Иванович Кодухов (05.05.1919 - 18.04.1996)

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.И. КОДУХОВА

*Доктор филол. наук И.С. Карабулатова (Москва)
radogost2000@mail.ru*

ПРОВИДЧЕСКИЙ ДАР В.И. КОДУХОВА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ: ВОСПОМИНАНИЯ О РАЗГОВОРАХ С УЧИТЕЛЕМ¹

Выдающийся ученый современности В.И. Кодухов в середине 90-х годов прозорливо отмечал, что мы стоим перед необходимостью адекватного отбора языковых средств для решения вопросов, связанных с определением идентичности человека (гражданской, национальной, социальной и даже половой) [1993]. Начиная со своих ранних работ, В.И. Кодухов старался доказать, что главным является определение вектора развития, именно об этом говорят его работы, ориентированные на изучение внутреннего мира человека.

Мне повезло быть ученицей этого великого человека. Я писала под его руководством и дипломную работу, и кандидатскую диссертацию.

Так уж случилось, что я стала последней аспиранткой В.И. Кодухова, который трагически погиб незадолго до моей защиты. Его сбила машина в Страстную пятницу, пьяный водитель на скорости заехал на тротуар в маленьком сибирском городке Ишиме и сбил В.И. Кодухова, который вышел из магазина и направлялся к нам в гости.

Как я могу забыть, что его последние слова предназначались мне! Перед тем как уйти навсегда, он пришел в себя в реанимации и сказал: «Передайте Ирочке, пусть она защищается». Когда мне передали последние слова моего учителя, я восприняла как напутствие по жизни, до сих пор при работе со своими студентами, аспирантами и докторантами я использую ту кодуховскую модель, которой научил меня Виталий Иванович.

Сегодня мы вспоминаем его творческое наследие и особенности его личностного стиля как ученого, просветителя, человека с активной жизненной позицией. Например, наши разговоры неизменно касались не только научного поиска, но и геополитического выбора. Конец 80-х – середина 90-х годов XX века – время распутья, когда каждый искал свой путь, выстраивая свою идентичность. Эволюция русской ментальности, представленная в работах В.И. Кодухова, привела ученого к мысли о необходимости превалирования психолингвистического подхода к проблемам языка и методике преподавания языка [Гаврилова, 1995].

Это тем более важно, если принимать во внимание возрастающее значение региональных политических исследований, обусловленных необходимостью тщательного анализа и учета специфики политических институтов и субъектов регионального уровня. Сегодня регионы пытаются действовать на поле соци-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-04-00607ОГН

альной политики все более самостоятельно, ориентируясь, прежде всего, на собственный экономический и культурный потенциал. Всё это влияет на проведение государственной этноязыковой политики, когда значимым становится слово.

В специфическом контексте радикальных трансформаций в России проблемы современной государственной этноязыковой политики остаются новыми, актуальными, и все больше привлекают внимание ученых как в России, так и за ее пределами, в особенности в связи с изменившимися геополитическими и лингвокультурными приоритетами на постсоветском пространстве. Можно констатировать, что в последние десятилетия в этой области интенсивно трудились лингвисты, историки, философы, культурологи, а уже в 1990-х гг. активно подключились юристы, экономисты, социологи, специалисты в области управления, программисты. Однако как лингвистическая категория этноязыковая политика является относительно мало исследованной.

Одной из главных проблем является традиционное для России понимание этноязыковой культуры как сферы неполитической [Федулов и др., 2015]. Это выводит ее из области приоритетных направлений социального развития. В сознании региональных элит и лиц, принимающих политические решения на федеральном уровне, этноязыковая политика выступает неким дополнительным, вторичным фактором развития, решение проблем которой можно безболезненно отложить до лучших времен. Едва ли нужно объяснять, к каким реальным последствиям приводит такой подход.

В науке рассмотрение политики и культуры как составляющих общественной системы имеет широкое распространение и глубокие корни – как в позитивистской традиции западного мышления, так и в марксистско-ленинской традиции. Предполагается, что культура не способна оказать значительного воздействия на процессы, формирующие политические отношения в обществе. Однако В.И. Кодухов предрекал то, что сегодня признают многие западные и российские исследователи, а именно: необходимость пересмотра традиционных представлений о государственной культурной политике [Кодухов, 1993]. Он подчеркивал необходимость сохранения паритета между государствообразующим русским языком и языками народов России, при этом русскому языку он отводил стержневую роль в достижении геополитической стабильности в стране.

В России государство длительное время стремилось преодолеть полисубъектность и унифицировать этноязыковые процессы, отказываясь от учета в своей политике регионального многообразия. В.И. Кодухов неоднократно подчеркивал, что только региональная специфика создает неповторимый колорит местности [Кодухов, 1993]. Государственная политика рассматривается как политический процесс управленческого воздействия государства на основные сферы общества, непосредственно связанный с осуществлением публичной власти (как в рамках разработки стратегии и тактики управленческого воздействия на различные сферы и компоненты общества, так и практического регулирующего воздействия на них со стороны разнообразных институтов и органов государства).

Глобализация мировых социальных и экономических процессов существенно влияет на тенденции нового современного развития Российской Федерации. Оговорюсь сразу: о глобализации мы говорим скорее как о вероятностных направлениях социального развития, формирующих достаточно противоречивые тенденции к универсализации и в то же время плюрализации общественно-политической сферы. В известном смысле глобализация сочетает в себе как объективно-исторические тенденции, так и результаты социального конструирования ключевых агентов международных отношений, в первую очередь стран Запада во главе с США, т.е. практику глобализма.

Обе эти стороны глобализации оказывают собственные воздействия на российское общество, на трансформацию тех матриц, которые были сформированы ранее, еще в советскую эпоху [Karabulatova et al, 2017].

Предвидя этот катаклизм фундаментальных основ русской ментальности, В.И.Кодухов разграничивал технократическое и экологическое сознание [1993], как два основных полюса, где на одной вершине – искусственный интеллект, а на другой – естественный интеллект. В этой борьбе он отводил естественному интеллекту гармонизирующую роль в сохранении духовных констант этноса. Этнические интересы, по мысли В.И.Кодухова, представляют собой общественно-психологические явления, отражающие мотивационные приоритеты представителей этноса, а сам характер развития межэтнических взаимоотношений находится в тесной связи с множеством аспектов жизни социального целого: особенностями государственно-политической системы, экономическими структурами, национально-культурными традициями, социально-статусными позициями взаимодействующих этнических групп, правовой структурой поля этносоциального бытия, процессами социальной стратификации, характером взаимоотношений диаспор с ядром своего этноса и т.д.

Удивительно, что эти проблемы, которые столь актуальны сегодня, В.И. Кодухов поднимал еще в начале 90-ых гг., печатая на обычной печатной машинке. Не случайно В.И.Кодухов сформировал в глубокой сибирской провинции в Ишиме научный центр (как он сам говорил: «Это моя цель: показать, что можно создать даже в такой глухой провинции серьезный научный центр! Надо дать возможность людям поверить в себя, помочь открыть им внутри нереализованный потенциал творца»); стал организатором крупных конференций, которые благотворно повлияли на социально-экономическую жизнь города. Его стараниями был открыт издательский центр в местном пединституте. Благодаря ходатайству В.И. Кодухова Ишимский государственный педагогический институт получил имя П.П. Ершова. Это был человек с огромной энергией, для которого не было закрытых тем.

Национальные, политические, экономические интересы и цели множества действующих в политическом поле России субъектов этноязыковой политики могут переплетаться, вступают в противоречие, образуют временные и постоянные альянсы, что в наиболее концентрированном виде можно наблюдать именно в вопросе государственного устройства. Это и понятно, ведь в российской политической культуре именно властный статус является определяющим. Превалирующим в дискуссиях обозначенных субъектов этноязыковой полити-

ки оказывается институциональный подход, что объяснимо логикой борьбы за государственную власть. И правящие элиты, и оппозиция, а вслед за ними и прочие политические субъекты всецело увлечены верой в действенность социальных технологий, стоит только овладеть структурами политической системы (государством) и сделать их «рычагами» этих технологий. Поэтому логика этой борьбы закономерно выводит их на предложение собственного проекта государственного и политического устройства, отвечающего их целям и интересам.

Однако при таком подходе не учитываются глобальные социокультурные и экономические процессы, которые формируют внешние условия, а также эндогенный фактор многообразия, который сознательно или невольно отбрасывается, а без их учета этих факторов трудно рассчитывать на реализацию тех или иных моделей государственного устройства.

Литература

Виталий Иванович Кодухов : науч.-вспом. библиогр. указ. / Ишим. гос. пед. ин-т им. П.П. Ершова ; сост. Г.П. Гаврилова. – Ишим : Изд-во ИГПИ, 1995. – 79 с. – Алф. указ. трудов В.И. Кодухова: с. 57–73. – Имен. указ.: с. 74–78.

Кодухов В.И. Психологическое направление в языкознании и преподавании русского языка. Ишим: Полиграфия, 1993. – 323 с.

Федулов А.М. Феномен «русской души» и традиция русского консерватизма: новые теоретико-методологические подходы и обыденное восприятие консерватизма / Кареева С.Г., Карабулатова И.С., Ахметова Б.З., Истамгалин Р.С. // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. Москва : Уфа : Ростов-н/Д., 2015. Т. 2. С. 103–112.

Karabulatova I., Vildanov Kh., Zinchenko A., Vasilishina E., Vassilenko A. Problems of transformation matrices modern multicultural identity of the person in the variability of the discourse of identity Electronic Information Society //Pertanika Journal of Social Science & Humanities, 2017, № 25(S). Jul., p.1–16.

*Доктор филол. наук, канд. психол. наук А.В. Пузырёв (Покров)
puzyrev-a-v@yandex.ru*

ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ КОДУХОВ: ИСТОРИЯ ТРЁХ ВСТРЕЧ

Встреча первая (реальная). Впервые я встретился с Виталием Ивановичем Кодуховым в Лиманчике, спортивно-оздоровительном лагере Ростовского государственного университета (ныне – ЮФУ), в 1994 году, во время проведения межвузовской конференции «Фундаментальные и специальные дисциплины в системе университетской многоуровневой образовательно-профессиональной подготовки филологов и журналистов».

Это была не первая конференция в Лиманчике, в которой я участвовал. Самым большим достоинством конференций в этом месте было то, что участники могли активно общаться друг с другом в неформальной обстановке. – Вплоть до общения на танцевальной веранде. Это позволяло завязывать научные знакомства в максимально комфортной обстановке.

И я активно производил впечатление легкомысленного, беззаботного человека – кандидата наук, который приехал в Лиманчик развлекаться. А Виталий Иванович изо всех сил делал вид, что никак не может запомнить мою фамилию, и потому ошибался, произнося её «Пузырьков». И многие это видели...

Ожидалось, что на секции, где я должен был выступать с докладом, а Виталий Иванович был председателем, мой доклад – Общая теория систем и системность вузовского курса "Современный русский язык" – будет подвергнут жесточайшей критике.

Но случилось нечто неожиданное... После доклада он отозвал меня в сторону и с нескрываемым изумлением произнёс: «Да вы, батенька, – УЧЁНЫЙ!» Повёл меня под навес у пирса в Лиманчике, и мы там с ним не менее двух часов разговаривали... На темы науки, жизни в ней, нравах, царящих в науке... В разговоре признался, что изначально негативно относился ко мне с подачи пензенского «учёного с мировым именем» (как тот себя обычно рекомендовал) и его московского друга, известного историка-этимологоведа... С горечью заметил, что после того как перестал возглавлять какой-то известный журнал, эти друзья о нём забыли...

Друзья забеспокоились о моей судьбе, в записках предлагали под благовидным предлогом развести нас в разные стороны, но я отвечал, что всё в порядке. Я не мог завершить беседу досрочно просто потому, что разговаривал со вторым в своей жизни очень крупным учёным, который увидел во мне учёного (первым был незабываемый Юрий Александрович Сорокин, обозначенный затем в качестве моего научного консультанта по докторской диссертации).

Мой доклад понравился В.И. ещё, наверно, и потому, что в нём исповедовался комплексный, системный подход, суммирующий достижения и лингвистики, и смежных наук. Этот подход отстаиваю и в настоящее время, например [Пузырев, 2015]. В психологической практике использую «градусник психолога», демонстрирующий теснейшую связь мыслительных и речевых процессов [Балыкин, Балыкина-Милушкина, 2015]. Но рассматривать лингвистические явления в тесной связи с психологическими призывал в своих работах и сам Виталий Иванович, в частности, в только что вышедшей к тому времени своей монографии [Кодухов, 1993]. Судьба распорядилась так, что мы объективно оказались научными соратниками и единомышленниками, хотя до поры до времени это нам было неизвестно (хочется поставить какой-нибудь смайлик с улыбкой, но научный дискурс этого не допускает)...

Встреча вторая (эпистолярная). Летом 1995-го Лидия Ивановна Баранникова (лингвистам её представлять не надо) предложила защитить у них в совете докторскую диссертацию. Это был подарок судьбы, отказаться от которого было невозможно.

Работа у меня уже была написана, хоть я её ещё никому не показывал. Я её отправил Лидии Ивановне, а та ответила, что её надо издать в виде книги (правила тогда позволяли защищаться по монографии) или переделать в диссертационный текст. Я выбрал первый вариант (думаю, не надо объяснять, почему).

Макет мне бесплатно сделал человек, которому я за одну встречу «отремонтировал» отношения с женой (этой консультации, как затем оказалось, ему хватило на два года спокойной семейной жизни). А.Ю. Казаков, бывший тогда ректором Пензенского пединститута, помог издать книгу...

Одним из адресов, на который была послана книга, значился и адрес Виталия Ивановича.

В декабре 1995-го я защитил свою докторскую работу «Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления» в диссертационном совете Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

В.И. долго молчал, и ответил в феврале 1996-го, уже после защиты мною диссертации. Привожу текст его письма дословно:

Дорогой Александр Владимирович!

Я бесконечно рад и бесконечно огорчен: рад тому, что блестяще защитились (у меня нет ни граммульки сомнения), огорчен тому, что злой рок помешал поучаствовать в этом пиршестве познания: Ваш пакет (порванный и истрепанный) "почта" доставила только в конце января.

Я говорил и повторяю, что Ваше исследование имеет принципиальное теоретическое значение (и не только для языкознания, где Соссюр истолковывается однозначно и односторонне) благодаря его высокому методологического и фактически-исследовательского уровня, но самой его тенденцией не обособляться амбициозно-декларативно без серьезного доказательства, а так простенько pro domo sua. Действительно, не размельчать (размельчать? размельчаясь? – прим. А.П.), а искать пути объединения в системно-почвенную российскую, европейскую, мировую лингвистику в системе современной науки (наук), ~~не глгое отрицание~~, а удержания всего ценного, что было в прошлом и есть в современном состоянии науки.*

Да много другое похвальное сказал бы я Вам, хотя и понимаю, что со стороны лингвистической обывательщины это кажется "похвалой глупости"

Я предполагаю, что Ваша монография будет выдвинута на разные премии – сообщите, пожалуйста, в С-Петербург (3564265), там всегда запишут и передадут. (я звоню еженедельно, где бы я ни был).

Я сейчас – опять в командировках (Тюмень, Екатеринбург, Ишим, Екатеринбург, С-Петербург, Новгород, Лиманчик).

*Еще раз: Ave! ** Verba volant, scripta manent. ****

С-Петербург (Петроград, Ленинград)

10.02.96

**букв. «за свой дом»; по личному вопросу; в защиту себя и своих дел.*

***латинская фраза, которую римляне использовали в качестве приветствия Фраза представляет собой повелительную форму от глагола avere, «здоровствоваться».*

****Слова улетают, написанное остается.*

Встреча третья (научного объяснения пока не имеющая). Я почти сразу же ответил Виталию Ивановичу, к сожалению, копии своего письма не сохранил. Он мне не ответил.

Ответа я ждал долго. Какое-то время спокойно. К майским праздникам забеспокоился. К концу мая 1996 года (то ли 27 мая, то ли 28-го) моё нетерпение и беспокойство возросли настолько, что я не выдержал. Телефонные разговоры тогда были очень накладны, и я подошёл к Ивану Фёдоровичу Шувалову, тогда проректору по учебной работе Пензенского педуниверситета. Попросил разрешения у него позвонить со служебного телефона по указанному в письме В.И. Кодухова номеру. Иван Фёдорович, знавший меня со студенческих лет, разрешил.

Я набрал номер. И попросил пригласить к телефону Виталия Ивановича. А из трубки женский голос:

– Сегодня 40-й день, как Виталия Ивановича нет!

Так получилось, что я стал одним из последних, с кем В.И. решил попрощаться...

Литература

Кодухов В.И. Психологическое направление в языкознании и преподавании русского языка: Научно-учебное издание / Редактор доктор педагогических наук А.И.Мищенко. – Ишим: Полиграфия, 1993. 323 с.

Пузырёв А.В. Общая теория систем и системность вузовского курса "Современный русский язык" // Фундаментальные и специальные дисциплины в системе университетской многоуровневой образовательно-профессиональной подготовки филологов и журналистов: Тезисы межвузовской научно-методической конференции (14-16 сентября 1994 г.). Выпуск 1. Ростов-н/Д. : РГУ, 1994. С. 41–43.

Пузырёв А.В. Детство известных писателей и объём их произведений / А.В.Пузырёв, М.Андреев, А.Григорян // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XV-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 13-15 мая 2015 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: Ин-т языкознания РАН, Институт русского языка РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», 2015. С. 77–91.

Балыкин А.И., Балыкина-Милушкина Т.В. Метод оценки ресурсного потенциала спортсмена (на примере вольной борьбы, женщины) // Современная наука: опыт, инновации, перспективы: III Международная научно-практическая конференция (Астрахань, 02 октября 2015 г.). Астрахань, 2015. С. 10–14.

Дорогой Александр Владимирович!

Я бесконечно рад и бесконечно огорчен: рад тому, что блестяще защитились (у меня нет грамматки сомнения), огорчен тому, что злой рок помещал поучаствовать в этом пирушей познания: Ваш пакей (порваный и испорченный) "подпись" доставила только в конце января.

Я говорил и повторяю, что Ваше исследование имеет принципиальное теоретическое значение (и не только для языковедения, где Соссюр истолковывается односторонне и односторононе) благодаря его высокому методологическому и фактически-исследовательскому уровню, но и самой тенденцией не абсолютироваться амбициозно-декларативно без серьезного доказательства, а так простенько про это зна. Действительно, не размыкая, а ищет пути объединения в системно-полевую российскую, европейскую, мировую лингвистику в системе современной науки (наука) - не полное отрицание, а удержание всего ценного, что было в прошлом и есть в современном состоянии науки.

Да только грубо похвалить сказал бы я Вам, хотя и понимаю, что с другой стороны лингвистической общащественности это по крайней мере "похвалой глупости"

Я предполагаю, что Ваша монография будет продвинута на разны премии - сообщите, пожалуйста, в С-Петербурге (3564265), там будет записан и передан (я звоню еженедельно, где бы я ни был).

Я сейчас - опять в Командировках (Тюмень, Екатеринбург, Ишим, Екатеринбург, С-Петербург, Новосибирск, Москва).

Еще раз: Ave! Verba volant, scripta manent.

С-Петербург (Тюмень, Ленинград)

10.02.96

см. н/о

Написан в отпуске. Спешу.

ЛОГИКО-СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

Докт. филол. наук Т.Е. Владимирова (Москва)
yusvlad@rambler.ru

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Становление «философской антропологии» в 20-е годы прошлого века и последовавший затем «антропологический поворот» в гуманитарных науках существенно расширили их понятийный аппарат. Исследовательское внимание к языковой личности повлекло за собой ее изучение не только с позиций науки о языке, но и смежных с ней дисциплин. Здесь мы имеем в виду психолингвистику, философскую и лингвистическую онтологию, онтолингвистику и синергетику, занимающуюся анализом сложных, неравновесных состояний (конфликт, спор, ссора и т.п.). Так, в число актуальных вошло «понятие единого континуума бытия-сознания» [Мамардашвили, 1992, с. 281], в котором особую значимость приобретает речемыслительная деятельность.

Предлагаемый полипарадигмальный подход возвращает нас к античной методологии, которая позволяет раскрыть природу целостного единства сознания, речемыслительной деятельности и «выразительного и говорящего бытия» [Бахтин, 1997, с. 8]. Настоящая работа посвящена выявлению того психолого-педагогического потенциала, который заложен в собственно бытийной природе языка, речи и языкового сознания и который необходимо учитывать в обучении русскому языку как иностранному (РКИ). При этом, следуя Гумбольдтианскому наказу абстрагироваться от того, что язык служит для называния предметов и общения, мы будем стремиться «с большим вниманием отнестись к его тесной связи с внутренней духовной деятельностью и к факту взаимовлияния этих двух явлений» [Гумбольдт, 1984, с. 69]. В этой связи заметим, что сознание рассматривается психологами как целостное взаимодействие 3-х составляющих: рефлексивной, бытийной (экзистенциальной) и духовной [Зинченко, 2010, с. 113].

Чтобы раскрыть природу духовной составляющей в целостном взаимодействии и единстве сознания, мышления и языкового бытия, воспользуемся античной триадой <dynamis – energeia – entelecheia> [Аристотель, 2008, с. 232–233]. Речевая интенция / бытие как потенция (dynamis) и собственно речемыслительная деятельность / языковое бытие (energeia) соотносятся с искомым совершенством речи / бытия (entelecheia). Если же собственная оценка речевого поведения и бытия не совпадает с культурно обусловленными (энтелехийными) представлениями, то возникают экзистенциальные переживания и «познавательно-этическое напряжение жизни изнутри ее самое» [Бахтин, 1979, с. 96]. Такова синергетическая природа взаимодействия сознания, мышления и бытия: прообраз искомого направляет речевой замысел и представление о должном бытии, а человек при этом опирается на собственный опыт, принадлежащий прошлому. Так, в речи / языковом бытии проявляется синергетический принцип

целостности, когда прошлое, настоящее и будущее выступают в их взаимосвязи, содействии и единстве.

Раскрывая лингводидактический потенциал «языкового существования» (Б.М. Гаспаров) на занятиях по РКИ, отметим, что их эффективность возрастает в процессе «живого», заинтересованного и личностно значимого речевого общения, активизирующего резервные возможности психики обучаемых. При таком понимании русский образовательный дискурс предстает для студентов как личностно осознаваемое, эмоционально и интуитивно воспринимаемое актуальное бытие. Если же в аудитории доминирует знаково-знаниевая направленность занятий (*пойми, выучи и ответь*), которая сковывает речемыслительную и творческую активность студентов, то занятия превращаются в рутинное присутствие. А свойственное молодым людям стремление к «полноте времени» и «полноте бытия» (М.М. Бахтин) сопровождается экзистенциальными переживаниями в силу личностной неудовлетворенности предложенной технологией обучения.

Завершая рассмотрение экзистенциально-онтологических основ русского образовательного дискурса, подчеркнем, что перед преподавателем встает сложная задача – создать в аудитории атмосферу «понимающего бытия» (М. Хайдеггер), которая способствует «присвоению» (А.Н. Леонтьев) русского языка и развитию когнитивно-коммуникативной компетенции, необходимой для продолжения обучения в российских вузах.

Литература

Аристотель С. Метафизика. – М.: Эксмо, 2008. 608 с.

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / Он же. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. С. 7-180.

Бахтин М.М. Собр. соч. в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М.: Русские словари, 1997. 731 с.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. 398 с.

Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. – М.: Языки славянской культуры, 2010. 592 с.

Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992. 416 с.

*Докт. филол. наук Н.В. Дмитрюк (Шымкент, Казахстан)
nvdmitr@yandex.ru*

ИНТЕГРАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Развитие любой науки определяется объективными причинами и условиями поиска новых форм ее существования, формирования и функционирования. Современные науки, начиная в прошлого столетия, практически все перестали

быть едионаправленными – иметь один объект и один предмет для исследования. Закономерным представляется то положение, когда на стыке разных наук возникают так называемые «точки роста», которые несут с собой, во-первых, кооперацию, интеграцию смежных наук, и, во-вторых, своеобразные революционные изменения, замещения, когда устаревающие элементы не способны существовать с появившимися новыми и стремительно развивающимися, активно завоевывающими свои позиции структурами.

Переход к новой научной парадигме в лингвистике на рубеже XX–XXI вв., постановка новых вопросов, так называемый «экспансионизм» (Е.С. Кубрякова) лингвистики во многие отрасли современной науки обусловили значительное расширение круга изучаемых явлений, так или иначе связанных с передачей и восприятием информации в современном мире. На первый план были выдвинуты задачи всестороннего исследования языка во всем многообразии его связей, в том числе с другими семиотическими системами.

Одной из причин обращения к новой научной парадигме в современной лингвистике стало не только ее объединение, интеграция со смежными науками (психологией, социологией, культурологией, философией), но и появление таких новых областей знаний, как психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, менталингвистика и т.д.

Принципиально новым и отчасти революционным стало вовлечение в сферу исследовательских задач лингвистики все более широкого круга явлений, которые раньше не входили в объектную область языкознания. В частности, в XXI веке стало уже привычным и эффективным использование в теории языкознания исследовательских методов, заимствованных из психологии и психиатрии (ассоциативные эксперименты разных типов), из философии и логики (вечные проблемы взаимосвязи языка и мышления, структурирование языкового сознания), множества инженерных и математических технологий (в компьютерных программах, связанных с изучением языка). Но именно свойство языка быть средством общения, сообщения и передачи информации в последние десятилетия стало наиболее широко востребованным и используемым в мире высоких информационных систем.

Вот почему первостепенной задачей современной интегративной лингвистики (все более актуализирующейся в процессе развития компьютерной технологии) на сегодняшний день становится разностороннее изучение языка во всем многообразии его связей со знаковыми системами и кодами других семиотических систем, в том числе с невербальными знаковыми системами.

В контекст данных рассуждений вписывается и ставшая традиционной, начиная с 2001 года, вот уже XIX Международная конференция «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты», проводимая в разных городах и вузах ее организатором и идейным вдохновителем профессором А.В. Пузыревым, который не только названием конференции, но и фактом своей биографии (будучи уже доктором филологических наук, он защитил кандидатскую диссертацию по психологии) подтверждает необходимость и плодотворность кооперации знаний и наук, разработав свою «универсальную схему научного исследования» [Пузырев, 2005].

Вызовом XXI века стало и более стереоскопическое расширение объектов исследований уже внутри интегративных наук, когда происходит определенная ревизия методов и инструментов исследования и появляются новейшие отрасли знаний с элементом *нео-*, например, неопсихолингвистика, о зарождении которой настойчиво говорят И.А.Бубнова и В.В.Красных: «Фундаментальные преобразования в жизни общества, вошедшего в XXI веке в новую фазу своего существования, для которой характерна смена системы ценностей и кардинальная трансформация образа мира, потребовали изменения направления развития всех областей науки. Вполне естественно, что главным следствием этих изменений стало изучение и осмысление различных сторон окружающей нас действительности, не привлекавших ранее внимания ученых. В результате в настоящее время начинает формироваться иная система гуманитарного знания. Во-первых, применение принципов естественнонаучного подхода при изучении проблем, традиционно относящихся к гуманитарным аспектам, привело к изменению самого контекста познания. Во-вторых, современные данные об окружающем нас мире не просто дополняют накопленные знания, но дают основу для их переосмысления и прогнозирования дальнейших путей развития мирового сообщества» [Бубнова, Красных, 2014, с. 128]. Так что самые интересные исследования еще впереди.

Литература

Бубнова И.А., Красных В.В. Неопсихолингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 3 (21). – С. 128-135.

Пузырев А.В. Педагогические и методические аспекты использования универсальной схемы научного исследования в практике преподавания современного русского языка // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Материалы 5-ой Всероссийской научной конференции (Пенза, 11-14 мая 2005 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В.Г.Белинского; Администрация г. Пензы, 2005. – С. 205–211.

Докт. филол. наук А. В. Жуков (Великий Новгород)
angen.zhosse@yandex.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ

Под фразеологизмом понимается воспроизводимое и семантически целостное (идиоматичное) образование, построенное по типу словосочетания, а в семантическом и грамматическом отношении соотносимое со словом.

Автор разграничивает понятия план содержания фразеологизма и фразеологическое значение. План содержания фразеологизма – понятие более широкое, в объем которого наряду с фразеологическим значением входят некоторые дополнительные характеристики.

Фразеологическое значение представляет собой содержательное ядро фразеологической единицы и состоит из предметного (вещественного, денотативного) и понятийного (сигнификативного) элементов. Но точно так же как содержание не может существовать без формы, так и фразеологическое значение невозможно без грамматического оформления. Следовательно, содержательное ядро фразеологического значения триедино и объединяет в себе предметное, понятийное и общеграмматическое (категориальное) значения, находящиеся в тесном взаимодействии.

Ближнюю к ядру фразеологического значения периферию составляет коннотация, включающая образный компонент (внутреннюю форму) и мотивировку, как правило, дополняемые оценочностью и эмоционально-экспрессивным значением.

Третий аспект плана содержания фразеологизма определяют парадигматические (многозначность, синонимия, вариантность, антонимия и др.), синтагматические (сочетаемость, или валентность), эпидигматические (например, активность фразеологического формообразования, словообразования и фразообразования) связи, а также «четвертое измерение» – отношения фразеологизма в тексте.

Видимо, особую переходную зону на условной границе второго и третьего уровней плана содержания образуют культурные (фоновые), а также функционально-стилистические свойства устойчивого оборота.

Все три уровня плана содержания фразеологизма так или иначе связаны друг с другом, но наиболее тесной и органичной является взаимодействие первого и второго уровней, именно они прежде всего определяют само фразеологическое значение, его характер и типологические особенности. При этом значимость и роль ядра и ближайшего окружения не являются постоянными, достаточно вероятна их обратимость, взаимопереход в зависимости от специфики фразеологического значения, условий его употребления и других факторов.

Сравните в этой связи устойчивые обороты, в семантике которых в разных пропорциях соотносятся предметно-понятийное и коннотативное содержание (*удельный вес, на два фронта; брать быка за рога, как бедный родственник; воротить нос (рыло) от кого, на ходу подмётки рвёт (режет) кто и т. п.*).

Кроме того, следует учитывать и влияние на собственно фразеологическое значение и дальнейшей периферии плана содержания: роль системных связей фразеологизма – парадигматических, синтагматических, эпидигматических – и контекста может быть, как известно, весьма существенной. В конечном итоге именно эти связи и отношения определяют реальное состояние и развитие фразеологического значения в целом.

«Лексическое значение слова, – отмечает В.И. Кодухов, – содержит понятие, представление, оценку, т. е. отношение говорящего к понятию и представлению, причем это отношение может быть рациональным и эмоциональным. Соотношение компонентов семантической структуры лексического значения друг с другом, а также их отношение к культурно-историческому содержанию слова различно. В конкретной речи, в контексте может быть актуализирован

любой компонент; в словарном составе языка, в лексических значениях слов происходит специализация лексического значения» [Кодухов, 1974, с. 160].

Специализация лексического или фразеологического значения может быть связана с влиянием как содержательных (переносно-образных), так и формальных (грамматических) факторов. См. в этой связи [Жуков, 2017].

Под влиянием прежде всего трудов В.В. Виноградова широкое распространение в языкознании получил термин употребление [Виноградов, 1972, с. 23].

В русле виноградовской концепции употребления воспринимаются и сходные высказывания других ученых.

«Употребление, – подытоживает А.И. Горшков, – это реализация существующих в данное время у данного народа традиций отбора и организации языковых единиц в единое композиционное целое (текст) в соответствии с той или иной ситуацией общения... Текст – феномен языкового употребления» [Горшков, 1984, с. 6-7].

Итак, употребление – важнейшая и во многом определяющая форма существования и реальная стихия фразеологизма и слова. В горниле употребления языковые единицы обретают содержание и форму, преобразуются и обогащаются.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1972. 601 с.

Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. – М.: Высшая школа, 1984. 319 с.

Жуков А.В. Формоизменение и семантико-грамматическая специализация фразеологизма // Филологические науки. – НДВШ. – 2017. – № 2. – С. 10–14.

Кодухов В.И. Общее языкознание. – М.: Высшая школа, 1974. 303 с.

*Канд. филол. наук О.А.Касаткина (Орехово-Зуево)
olga_kasatkina49@mail.ru*

«ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА» ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ ТОЖДЕСТВА

Установление факта тождества основывается на существовании различной информации об объекте, обладающем множеством свойств. Выбор наименования зависит от природы отождествляемого объекта, фона, на котором он фигурирует, фонда общих знаний собеседников и внеязыкового контекста. По «внутренней форме», то есть по признаку, положенному в основу наименования, номинации, входящие в состав предложения тождества, могут быть самыми разнообразными. В предложениях номинативного тождества используются имена собственные и их эквиваленты, употребляющиеся автонимно, то есть для обозначения самих себя. В основе наименования, как правило, лежат собственные признаки объектов, их свойства и качества. В предложениях денотативного

тождества употребляются имена собственные, имена нарицательные в составе именных групп, включающих:

1) демографическую номинацию (обозначение объекта по возрасту, профессии);

2) функциональную (обозначение объекта в зависимости от его функции, уникальной в том или ином денотативном пространстве, или его роли в конкретном событии);

3) относительную (то есть отражающую объективно существующие отношения между объектами);

4) абстрактную (для местоимений и числительных).

В организации предложений сигнификативного тождества участвует любая часть речи, реализующая свое сигнификативное содержание.

Литература

Касаткина О.А. Структурно-семантические особенности кваликативного предложения в современном французском языке // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров, 2015. – № 3. – С. 74–78.

Касаткина О.А. Тождество и его виды // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2015. – № 4. – С. 91–96.

Ковалевская И.И. К вопросу об отражении признака «количества» в лексике (на материале современного французского языка) // Известия Юго-Западного государственного университета. – Том 8. – № 4 (29). – Курск, 2018.

Филатова Н.А. Семантические особенности французских фразеологизмов с компонентом цветообозначения // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Материалы XVI-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 11-13 мая 2016 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», 2016. – С. 46–47.

*Канд. филол. наук И.И. Ковалевская (Орехово-Зуево)
irinakovalevsk@yandex.ru*

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ И ДЕЙСТВИЙ, ОПОСРЕДОВАННЫХ РЕЧЬЮ, ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ)

Речевая деятельность – один из важнейших аспектов сторон человеческой жизни. Практически, деятельность человека как субъекта, как члена общества обретает свою реальность, «материализуется» посредством языка, речи.

Глаголы говорения, т.е. те глаголы, которые обозначают процесс речи неоднократно привлекали внимание лингвистов. Исследования проводились на материале русского, французского, немецкого языков. Проводилась и семанти-

ческая классификация глаголов, см.: [Маркевич, Серeda, 2016; Кролль, 1969; Эбзеева, 2002].

Представляется, что тщательное исследование семантики глаголов речи на материале французского языка с точки зрения их связей с другими семантическими группировками позволит сделать интересные выводы об особенностях системной организации лексики французского языка.

Устная речь представляет собой в самой общей форме оформление мысли языковыми средствами – отсюда связь с глаголами мыслительной деятельности.

Процесс речи пронизывает все стороны человеческой деятельности, и с глаголами говорения связаны глаголы, обозначающие мыслительную деятельность, чувства (ср.: *louer* – ‘хвалить’, *vénéraler* – ‘почитать, уважать’. Глаголы говорения являются непосредственным средством общения – отсюда связь с глаголами, основным содержанием которых является содержание или целоположение сообщения, которые описывают способ (со)общения, ср.: *dévoiler*, *révéler* – ‘вскрывать, обнаруживать’).

Речь является одним из основных способов воздействия на человека – отсюда связь с глаголами побуждения (ср.: *ordonner* – ‘приказывать’, *imposer* – ‘навязывать’), психического воздействия (*humilier* – ‘унижать’).

В анализируемую группу мы включили французские глаголы, словарные дефиниции которых включают указание на действия, связанные с говорением.

В результате были выявлены две большие подгруппы глаголов, а именно: подгруппа глаголов *dire* – ‘сказать’), т.е. обозначение действия, акта речи и подгруппа *parler* – ‘говорить’), обозначение, процесса.

Глаголы *parler*, *dire*. определяется нами в качестве ядерных в анализируемой ЛСГ, т.к. реализуют прямое значение «передача информации посредством говорения, членораздельная речь». Остальные глаголы на основании анализа словарных дефиниций, распределяются с учетом дополнительных семантических оттенков на две семантические подгруппы:

К группе ***dire*** относятся глаголы:

1) говорения как такового, указывающие на способ, манеру говорения: *articuler, émettre, proférer, prononcer, chuchoter, souffler, crier hurler, balbutier, bégayer, drebouiller*;

2) характеризующие содержание речи: *rappporter, discuter, consentir*;

3) обозначающие специальные виды устной речи и указывающие на количество участников (*citer, déclamer, commenter, monologuer, dialoguer, discuter, dénier, contredire, consentir, autoriser. rappporter, dénoncer, divulguer, repartir, gronder*;

4) указывающие на оценку содержания, оформления речи: *bavarder, babiller, jaser, jacasser, jaboter, louer, féliciter*;

5) глаголы, указывающие на содержание (просьба, требование): *prier, revendiquer, sommer, plaider, intercéder*).

Глаголы группы ***parler***:

1) глаголы, обозначающие фонетический аспект речи: *crier, murmurer, chuchoter, articuler, balbutier, écrire, rédiger*;

2) глаголы, указывающие на содержательный аспект оформления речи: *formuler, professer, promettre*;

3) глаголы, указывающие на содержание речи, оценку, взаимодействие с другим адресатом, воспроизведение (чужой/своей) речи: *dialoguer, conter, réciter, signifier, louer*).

Проведённый сопоставительный глаголов речи в соответствии с их разбиением на семантические подгруппы, позволяет определить отношения между единицами внутри подгрупп, а также связи данной группы с другими семантическими зонами.

В силу того, что речевая деятельность в той или иной степени опосредует все стороны жизни человека, семантическая зона, описываемая глаголами говорения, связана с множеством смежных зон.

Литература

Маркевич Ю.В., Середа П.В. Глаголы речи и их семантическая классификация // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. – 2016. – № 2. – С. 1-9.

Ковалевская И.И. Семантические отношения в группе прилагательных размера : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1988. 16 с.

Кроль М. И. Глаголы речи в современном французском языке (в сопоставлении с русским) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1969.

Эбзеева Ю.Н. Семантические отношения глаголов введения реплик : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002.

*Доктор филол. наук Е.А. Красина, А.А. Васильева (Москва)
elena_krassina@mail.ru ; vasilyeva_aa_mgimo@mail.ru*

КАРТЕЗИАНСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: ДВЕ УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ГРАММАТИКИ

Французская «Общая и рациональная грамматика» А. Арно и К. Лансло (1660 г.) стала первой лингвистической работой в Европе эпохи Просвещения, которая, развивая философскую линию Платона, опиралась на рационалистическую теорию Р. Декарта. В основу грамматики положен тезис о человеческой природе всех языков и общих принципах их строения, поскольку язык основан на логике и управляется разумом.

Две части Грамматики Пор-Рояль – *Часть I, в которой говорится о буквах и знаках письма, и Часть II, в которой говорится о началах и причинах, лежащих в основании разнообразных видов значения слов* – представляют единую концепцию, определяемую «операциями разума». Если декларируется понимание грамматики как искусства речи, когда звуки-буквы, или «чистые знаки» люди используют для составления слов, чтобы обозначить собственные мысли, то язык – это средство постижения и анализа мысли, при том, что «операции

разума постижимы только через язык и на языке» [ЛЭС, 1990, с.536]. Три операции разума – созерцание, суждение и умозаключение, объединенные картезианским дедуктивно-индуктивным методом намечают соотношение логических и языковых категорий: понятие – имя; суждение – простое предложение, умозаключение – сложное предложение, период и текст. В итоге различаются предмет/объект мысли и форма, или образ мысли, и в языке формируется «наиболее общее разделение слов» на два типа: 1) имена, артикли, местоимения, причастия, предлоги, наречия; 2) глаголы, союзы и междометия [Арно, Лансло, 1990, с. 93].

Имена-объекты мысли субстанциональны, и зачастую они обладают «ясными и смутными значениями (коннотациями)», например, анализ слова *rouge* ‘красный’ [Там же. С. 94–95], а глаголы [Там же. С. 147–157], обозначают способ мысли, и объединяют субъект и атрибут, ср. *La terre est ronde* и *Земля (есть) круглая*. Их основная функция, как и связок и вспомогательных глаголов, типа франц. *être* и *avoir*, обозначать в речи утверждение, не исключая возможности обозначать и «другие движения нашей души» [Там же. С. 148]. Такой рационалистический подход определил функциональные различия, оппозицию имени и глагола в различных языках: быть субъектом или предикатом предложения, и впоследствии это стало одной из лингвистических универсалий.

Категориальное противопоставление предмета и формы мысли далее уточняется с точки зрения языковых категорий: рода, числа, падежа имени и лица, числа, времени и модуса (наклонения) глагола. В итоге складывается система классов слов, которая представляет универсальную структуру языка, построенную на картезианском методе: его точка отсчета – операции разума как дедуктивное основание в отношении осмысления языка с целью дальнейшего анализа и синтеза языкового выражения мыслительного содержания. Таким образом, Общая и рациональная Грамматика Пор-Рояль открыла новый подход к исследованию языка, заложила основы общей теории языка [Амирова, 2007, с. 184–185].

В лингвистике XX в. идея универсальных категорий и свойств языка получили развитие в теории языковых универсалий. По В.З. Демьянкову, начало поиску универсалий в лингвистике XX в. положили работы Н. Хомского, прежде всего, «Картезианская лингвистика» 1966 г. [Chomsky, 1966]. Подход Н. Хомского принято называть формальным: как и в Грамматике Пор-Рояль, отмечается, что грамматические структуры существуют в ментальности человека с рождения: это врожденные идеи, а грамматика состоит из теорий-модулей, включая теорию падежа, теорию категориальной структуры предложения и др. [Croft 1991, с.1–19]. Грамматические структуры любого языка устойчивы, консервативны, хотя бы потому, что количество грамматических категорий и значений ограничено, поэтому именно грамматика позволяет выявлять универсалии. На фоне различия поверхностной и глубинной структуры и приравнивания глубинной структуры к структуре мысли, Хомский подтверждает универсальность логических форм мышления, формирующих универсальные глубинные структуры, что обуславливает языковые сходства; соответственно, языковые различия отражаются в поверхностных структурах. На первый план снова

выступает метод: общие правила рассматриваются как реализации некоторых общих, универсальных закономерностей языка: они базируются на общих принципах его существования и описания [Демьянков В.З. Универсальная грамматика. URL: <http://www.infolex.ru/Cs26.html>; дата обращения: 08.02.2019].

Ядром картезианской лингвистики Хомского является понимание языка как основного орудия мышления и самовыражения, ср. у А.А. Потебни: язык – одна из форм мысли, знаменующая собой переход от бессознательного к сознанию и, далее, к самосознанию [Зубкова, 2002, с. 217]. В лингвофилософии Н. Хомского «первейшая функция языка заключается в выражении мысли, поэтому основной задачей общей грамматики объявляется изучение способов точного выражения мыслей согласно универсальным законам логики» [Бозе, Душе, 2001, с. 242, 253].

Итак, несмотря на различия в терминологии обе грамматики опираются на общие методологические принципы рационализма и универсализма, и язык по-прежнему остается одной из форм мышления, средством выражения и постижения мысли, орудием мышления.

Литература

Амирова Т.А., Ольховиков Б.А. Рождественский Ю.В. История языкознания: учебн. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. С.Ф. Гончаренко. – 4-е изд., стер. – М.: Изд. центр «Академия», 2007. 672 с.

Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля: Пер. с франц., коммент. и посл. Н. Ю. Бокадоровой / Общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1990. 272 с. (*Arnauld, A., Lancelot, C. Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal. 2 éd. Paris: Bossange et Masson, 1810*).

Бозе Н., Душе. Грамматика // Французские общие, или философские, грамматики XVIII – начала XIX века Старинные тексты. – М.: Прогресс, 2001. С. 241–256.

Демьянков В.З. Универсальная грамматика // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996. С. 181–185. Электронный ресурс. URL: <http://www.infolex.ru/Cs26.htm>; дата обращения: 08.02.2019).

Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии: учебное пособие. – М.: РУДН, 2002. 472 с.

ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с. : ил.

Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли / Пер. с англ. и предисл. Б.Н. Нарумова. М.: КомКнига, 2005. Электронный ресурс. URL: <https://freedocs.xyz/pdf-469322201> (дата обращения: 10.02.2019)

Chomsky, N. Cartesian linguistics. F Chapter in the history of rationalist thought. – N.Y., L.: Harper & Row Publishers, 1966. Pp. xi+119.

Croft, W. Syntactic categories and grammatical relations: The cognitive organization of information. – Chicago; L.: U. of Chicago, 1991. Pp. xiii, 331 p.

СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ В РАКУРСЕ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТОВ «ПРАВДА» И «ЛОЖЬ»

На сегодняшний момент в научных трудах довольно часто можно встретить исследования одного и того же концепта в разных языковых структурах. Наша работа сосредоточена на концептах «правда» и «ложь». Поэтому мы предлагаем обратить внимание на работы, посвящённые именно этим концептам.

Ж.Ш. Апекова в своей работе рассматривает пословицу как основную единицу паремииосферы в русле лингвокультурологического статуса. Автор изучает специфику восприятия картины мира с центральными понятиями «правда» – «ложь» в кабардинском и русском языках с позиции пословиц обеих культур. Она затрагивает этические категории концептов и проводит анализ русского и кабардинского фрагментов картин мира, содержащих оппозицию понятий «правда» – «ложь». В своей работе Ж.Ш. Апекова проводит социолингвистическое исследование значения изучаемых понятий в языковой картине мира населения полиэтнического округа. Автор заявляет о бинарности оппозиции концептов «правда» и «ложь». В работе мы видим общие сведения о концептуальном представлении исследуемых концептов, которые воплощают культурно-исторические традиции народа. Следует отметить, что по результатам данного исследования отношение к оппозиции «правда – ложь» неоднозначно, она варьируется от пола и возраста респондентов [Апекова, 2009].

Английский и русский язык сквозь призму концептуального восприятия понятий «правда» и «ложь» исследует Н.А. Погребная. Автор показывает состав и семантическую оригинальность языковых представителей вышеупомянутого концептуального единства; описывает семантические области понятий, чтобы доказать, что области компонентов ядра связаны, используя пару антонимов; описывает, как жители обеих стран иллюстрируют антонимические понятия; показывает, что антонимия – главный механизм для описания и оценки понятий в языковой картине мира. В некоторых случаях автор говорит, что национально-культурный компонент проявляется в самом ядре концепта. Если в английском языке правда выражена словами с помощью двух подобных ценностных лексем, то в русском языке в этой сфере есть лишь одна языковая единица. Обычно в английском языке в ядре концепта выступает больше лексических единиц, в то время как для русского языка более соответствует антонимическая пара [Погребная, 2006]. Значение минимупонятия «ложь» и «обман» отличаются: ложь – коммуникативный акт, предоставленный лингвистически или паралингвистически при наличии сознательного намерения искажения. В наборе существенных особенностей информативного минимума понятия «обман» показана дифференцирующая особенность – успех, эффективность реализации.

Е.Л. Ермолаева выделяет и изучает лексическо-семантическую единицу «ложь-истина» в древнегреческом языке на основе материала ранней греческой

литературы, определяет главные и периферийные слои словаря, дает самую точную и дифференцированную классификацию значений каждого слова, на основе которого производит сравнительный анализ синонимов. Автор отмечает, что лексическое и метафорическое проявление лжи, обмана и коварства, представленное в древнегреческом языке, намного более разнообразно, чем словарь правды. Однако эта картина типична не только для греческого языка. Для сравнения она перечисляет слова и выражения соответствующей концептуальной группы на русском языке. Ложь обозначается в многочисленном разнообразии форм, в то время как правда всегда остается такой же [Ермолаева, 2002].

Н.Н. Панченко касается философских, этических, социальных, психолингвистических особенностей явлений «ложь» и «обман»; обнаруживает выраженные словами невербальные маркеры, которые сигнализируют о лжи/укрывательстве правды; устанавливает семантические мотивации (принципы назначения) «ложных» понятий и «обман»; определяет набор лексем и фразеологизмов, относящихся к ситуации обмана, на английском и русском языках; показывает способы сходства и различия осмысления обмана в языковой картине мира сопоставляемых языков [Панченко, 2010].

Литература

Апекова Ж. Ш. Лингвокультурная специфика концептов "правда" и "ложь" в русской и кабардинской паремиологических картинах мира : Автореф. дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. – Нальчик, 2009. 23 с.

Бирюкова Е.В., Попова Л.Г. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания// Филологические науки : Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11-3 (53). С. 40–43.

Ермолаева Е.Л. Лексико-семантическое поле "истина-ложь" в раннегреческом эпосе: Автореф. дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.14. – СПб., 2002.

Панченко Н.Н. Средства объективации концепта "обман": на материале английского и русского языков : Автореф. дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.20. – Волгоград, 1999.

Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория : Автореф. дисс. ... доктора филологических наук: 10.02.19. – Волгоград, 2010. 44 с.

Погребная Н.А. Антонимический концепт в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... кандидата филологических наук : 10.02.01, 10.02.19. – Минск, 2006.

Шатилова Л.М. Актуализация лингвокультурологических категорий эксплицитности и имплицитности как концептуальных доминант в немецкой и русской языковой картине мира : Автореф. дисс. ... доктора филологических наук : 10.02.20. – М., 2011.

Шатилова Л.М., Борисова В.В. Сопоставительный анализ концепта «правда/истина» в русской и французской языковой картине мира // Филологические науки : Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11-2 (77). С. 175–178.

ЛЕКСИКА ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ КАК АРЕНА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Язык – это накопление национальной мудрости, кристалл культуры в котором содержатся результаты многолетней творческой деятельности нации. Считается, что исторические и культурные данные могут быть выявлены путем восстановления языковых фактов, особенно через цветовые значения.

Особенность цветовых слов в языках народов мира состоит в том, что наряду с основным значением — обозначением цвета как физического явления, они имеют свойство приобретать широкий спектр символических значений, отражая тем самым эмоциональное и социокультурное представление о мире. Именно поэтому ученые во всем мире проявляют устойчивый интерес к цветовой лексике [吴东平, 2000, с. 68]. Например, основное лексическое значение слов «черный» и «белый» универсально для всех, или, по меньшей мере, для большинства языков мира, а их символическое и ассоциативное значение может существенно отличаться, что создает условия для препятствия успешной коммуникации между носителями разных языков [Турбина, Лю, 2016, с. 20] и создаёт, при этом, некую двойственную смысловую направленность. Обусловлено это в первую очередь тем, что дискурсивные значения лексем формируются приращением метафорических и символических значений зачастую по преимуществу нецветового характера. Поэтому, чтобы избежать конфликта и искоренить пороки недопонимания при общении представителей разных культур, необходимо знать всю глубину и широту смыслов цветовых слов в каждом национальном языке. В настоящее время наибольший интерес с точки зрения исследования, а также понимания представителями разных культур является осознание символического и метафорического значений цветовых слов в языковой картине мира. Но в чем же разница между символом и метафорой?

По мнению Н.Д. Арутюновой, в основе метафоры и символа лежит образ [Арутюнова, 1988, с. 87], который является источником основных семиотических понятий. То есть символ и метафора определяются через апелляцию к образу [Лосев, 1970, с. 116], при этом метафора сохраняет целостность образа, который может отходить на задний план. Следовательно, это позволяет впечатлить читателя и придавать написанному либо сказанному глубокий смысл.

Однако связь между *метафорой* и *символом* является двусмысленной, и её зачастую трудно отличить и часто происходит смешение понятий *символ* и *метафора*. Путаница при определении *символа* и *метафоры* существует во многих исследованиях, например, Чадуэлл полагал, что *символ* можно охарактеризовать как искусство, которое выражает мысли и чувства, а не прямо изображает их. Йейтс в своих трудах, подчеркивает, что различием между *метафорой* и *символом*, употребляемых в поэзии, является то, что последняя «вплетена в

полную систему изображений» [爱尔兰, 1993, с. 31]. Также Йейтс указывает на то, что когда метафора не является символической, «она не имеет достаточной глубины – не является совершенной». В свою очередь, это ясно показывает взаимосвязь между *символом* и *метафорой*: «Символ – это метафора с глубоким смыслом» [爱尔兰, 1993, с. 11]. Следовательно, метафора является основой символа, а символ, в свою очередь, создаёт метафору более совершенной.

С точки зрения Гадамера, даже если метафора и символ имеют общность, то есть они используют одну вещь (предмет) для осознания другой вещи (предмета), они также способны существовать по-разному. С точки происхождения символ С – это память фрагмента, то есть две половинки одной вещи, употребляемые с целью выражения полного смысла: символ взаимосвязан и отождествляется с памятью, сравнением, идентификацией, временем и пр. [朱立元, 2005, с. 16].

Следовательно, между символом и метафорой существует тесная связь; независимо от средств выражения или конечного значения метафора является основой символа; символ выше метафоры, символ – это метафорическая система; различие между символом и метафорой заключается в том, что состав метафоры неотделим от подобия, сходство является ядром метафоры, а символ почти не имеет отношения со сходством. Таким образом, осознание символического и метафорического значений цветочных слов при коммуникации представителей разных лингвокультур является основной их успешного взаимодействия в современном мире.

Литература

Аругтюнова Н.Д. От образа к знаку // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. М., 1988. 512 с.

Лосев А. Ф. Проблема символа в реалистическом искусстве. – М., 1970. 367 с.

Турбина О.А. Цветоименования «чёрный», «белый» в китайской культуре / О.А. Турбина, Лю Фанбин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2016. – Т.13, № 2. – С. 20–23.

吴东平.色彩与中国人的生活[M].北京:团结出版社,2000.245 с.

爱尔兰 叶芝.威廉布莱克诗集 [M].张焯恒编译,1993.267 с.

朱立元,当代西方文艺理论[M].上海:华东师范大学出版社,2005.135 с

*Канд. филол. наук Е.С. Никитина (Москва)
m1253076@ yandex.ru*

К МЕТАЛОГИКЕ ЯЗЫКОВ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА

Функциональное триединство знака формирует три пространства, в которых знак обрастает содержанием. Этими пространствами являются: пространство бытийное, пространство мыслительное и пространство коммуникативное. Сосуществование их в качестве сторон знакового триединства есть момент семиотической организации сознания как текста.

Рассмотрение текста как знакового образования с неизбежностью предполагает наличие в нем трех смыслов. В каждом локусе смыслообразования текста читатель движется в особой логике текстового пространства, не сводимой к иным логикам сосуществующих пространств. В античной риторике это явление описывалось через три возможных способов доказательства: этоса, логоса и патоса. Классическая риторика заложила в структуру текста такие критерии, как критерий истинности (категория «логос»), критерий искренности (категория «этос») и критерий релевантности речевого поведения (категория «пафос»).

Логика этоса или бытийно-событийного пространства текста есть логика нарратива. Нарратив выступает собственно человеческим способом понимания мира. Поток сознания люди преобразуют в истории. И, тем самым, делают свою жизнь осмысленной. Нарративное понимание мира универсально: оно пронизывает все формы организации человеческого опыта от мифов, поэм, романов, баллад, репортажей до повседневных бесед. Логика эта формируется жизненными практиками людей. Карло Гинзбург подвел ее под семейотическую парадигму [2004, с.189–241], а J.S. Bruner [1987] обратил внимание, что при нарративном способе интерпретации мира истина опирается не на логику аргументов, а на «жизнеподобие» (lifelikeness) познавательных фактов. Суть ее можно изложить словами Мисс Марпл, которая говаривала: «Я все больше и больше убеждаюсь, что на свете всюду происходит одно и то же» и «это напоминает мне о похожем случае» [Кристи, 2008, с. 66, 119]. Однако, кроме наличия «банка случаев» необходимы и иные способности. Важнейшая из них – отыскание «схожести» в «случаях» или смыслового стандарта в ситуациях.

Логическое мышление или то, что греки относили к пространству Логоса, устроено иначе. Здесь довлеет научное мышление. Этот тип логики характеризуется, во-первых, позиционной объективностью: ученый всегда лично нейтрален к ситуации, держит сторону истины, а не кого-либо из оппонентов или других причастных лиц. Во-вторых, научное знание содержательно объективно: оно точнее в мельчайших деталях. И, наконец, научное знание систематично и методично выстроено в эмпирически проверенных, или хотя бы непротиворечивых поисковых и объяснительных схемах той или иной области. Таким образом, научное знание предстает объективированным и систематичным в противовес обыденному пониманию, которое опирается на субъективную аксиоматику, эклектично соединяющую социальные стереотипы и прецеденты личного опыта. Эксперт-профессионал действует не в рамках жанра, а в рамках метода. Условно приняв созданную в результате абдукции типовую картину явления, он производит на ее основе дедуктивные построения, которые подвергает эмпирической верификации, применяет индукцию и т.д. Результат всех этих процедур оседает в типологическом смысле текстового пространства.

Типологический смысл как продукт типологического понимания задает схему, алгоритм распредмечивания содержания с определенным смысловым итогом, и повторного опредмечивания в другие тексты, а также рамки варьирования языковых средств при построении вторичных текстов (пересказ, перевод), с сохранением смысла. Именно в этом фокусе смысла содержится мыслительное ядро или, как говорят, суть текста.

Третья, но не менее значимая логика текста, определяющая его адресную направленность, а значит и силу эмоционального воздействия. В основе коммуникативной логики лежит мышление, основанное на сближении несхожего, соединении несоединимого. Игнорируя логические законы, паралогика устанавливает иные отношения между объектами суждений, переводя отношения между объектами действительности в отношения между объектами высказывания, подменяя реальность речевой действительностью. Такой тип подмены и сообщает паралогическим высказываниям риторическую функцию, встраивая содержание в эмоционально-ценностную рамку уникального коммуникативного смысла. Метафорическое мышление средствами фигур и тропов творит мир коммуникаций.

Письменная цивилизация, включив текст в партнерские отношения с коммуникативными субъектами, подтолкнула не только к овладению этими тремя логиками текста, но и породила проблему его понимания, проникновения в особый смысловой разворот в коммуникативной ситуации. На вопрос, на что ориентироваться в предлагаемом контексте: преимущественно на нарративное, логическое или паралогическое развертывание темы, без «логики понимания» как синтезирующего акта уже было не обойтись. Текст попадал в поле метакоммуникационной деятельности, которая подводила к созданию языка понимания как метаязыка диалога текстовых логик. Такой язык, будучи внешним по отношению к трем другим языкам текста: «языку описания», «языку мышления» и «языку паралогии» должен был быть способен описать то, что происходит между этими языками уже не в процессе создания текста, но в процессе его понимания. Таким языком выступила схемная логика топосов. Иначе, логика задавания вопросов по ходу развертывания содержания в границах речевой ситуации.

Литература

Гинзбург, К. Мифы – эмблемы – приметы: Мифология и история. Сборник статей / К.Гинзбург. [пер. с итал.]. – М.: Новое издательство, 2004. 348 с.

Bruner J.S. (1987). Life as narrative. // Social Research, 54 (1), 11–32.

Кристи А. Тринадцать загадочных случаев : Рассказы; [пер. с англ. Л.Девель] – М.: Эксмо, 2008. 256 с.

*Доктор филол. наук Е.В. Огольцева (Москва)
tertiumcomp@mail.ru*

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ОТСУБСТАНТИВНОГО ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

1. Внимание современной лингвистики к когнитивным механизмам словопроизводства, к отражению в семантике производных слов «языковой картины мира» – сложного комплекса представлений, ощущений, оценок, свойственных

представителям того или иного языкового коллектива, в значительной мере базируется на понятии **языковой внутренней формы** (далее ВФ). Этот феномен самым непосредственным образом связан с глобальной проблемой лингвистики и философии – **я з ы к и м ы ш л е н и е**. Мысль о национальной самобытности языка, коренящейся в его внутренней форме, одним из первых высказал немецкий учёный В. фон Гумбольдт: «Разные языки – это отнюдь не разные обозначения одной и той же вещи, а разные видения её». Каждый новый язык – это новая система мыслей и чувств, новый «образ мыслей» [Гумбольдт, 1985, с. 349].

2. ВФ образует промежуточное звено между языком и мышлением, представляя собой способ обозначения предметов реального мира. Она отражает, с одной стороны, способ их видения (проявление духовное), с другой стороны, связана со средствами материального воплощения, т. е. с внешней (языковой) формой:

Важно отметить, что Гумбольдт связывал свою концепцию внутренней формы с тезисом о творческой деятельности человеческого мышления, которая воплощается в языке и обогащается языком же.

3. На уровне слова внутренняя форма – это, по существу, тот образ (представление), который предшествует формированию понятия. Связь между образом и понятием наиболее ярко проявляется в семантике производных существительных с конкретным предметным значением: *подснежник, грибник, хлебник, скакун; опёнок, смородина, зеркало* и т.п. Подобными примерами А. А. Потебня, в частности, иллюстрировал свой излюбленный тезис о слове-образе – Слове как небольшом произведении искусства, результате коллективного языкового творчества [Потебня 1976, с. 35– 214].

4. Внутренняя форма весьма самобытно и разнообразно проявляет себя также в семантике производных прилагательных, прежде всего в системе отсубстантивных дериватов. Внутренняя форма предстаёт, по существу, в виде

словообразовательного значения (далее СЗ), которое выполняет функцию семантической базы при формировании актуальных лексических значений.

5. СЗ имеет два уровня отвлечённости: уровень словообразовательной модели (типовые СЗ, присущие целым группам дериватов) и уровень производного слова (индивидуальное СЗ). Так, у отсубстантивных прилагательных с суффиксом -чат (ый) выявлено несколько типовых, словообразовательных значений: «обладающий внешним признаком, названным мотивирующим словом», «сделанный из того, что названо мотивирующим словом», «имеющий вид, форму того, что названо мотивирующим словом» [Русская грамматика, с. 288].

6. Особый интерес для анализа функций ВФ в семантике прилагательного представляет третье, образно-компаративное (сравнительное) значение, разные модификации которого мы обнаружили у 38 прилагательных на -чат(ый). Они регулярно используются в качестве компонентов составных терминов ботаники, зоологии, медицины, анатомии, техники: *столбчатый кристалл, дудчатый стебель, кувшинчатая отвертка цветков, метельчатое соцветие, желобчатые черешки, тарельчатый клапан, сумчатый крот, реснитчатая клетка, глазчатый фазан, губчатый нарост и т.п.*

7. Лексические значения, реализующиеся в подобных сочетаниях-терминах, являются несвободными. Образ служит исключительно целям номинации; он не является источником каких бы то ни было оценочных коннотаций. Единственная его функция – **назвать** предмет, минерал, растение (или его часть), животное (или часть его тела) по характерной особенности. В роли признака сравнения в названиях предметов чаще всего выступает форма (*тарельчатый диск, коленчатый вал*), в названиях минералов – строение или расцветка (*столбчатая структура, глазчатая яшма, звездчатый рубин, дымчатый кварц*), в названиях растений и их частей – расположение, строение и форма листьев, цветов, корней, стеблей (*трубчатый / дудчатый, / коленчатый (стебель), метельчатое соцветие, репчатый лук*), в названиях животных – размер, форма тела (*кольчатая горлица, нитчатые черви*).

8. Образный потенциал прилагательных с суффиксом -чат(-ый) используется преимущественно в научных и научно-популярных текстах: *Корневище [аира] толстое, внутри белое, губчатое, ветвистое <...>* (Н. Г. Ковалева. Лечение растениями. Очерки по фитотерапии); *Остеома – твердая, ограниченная, медленно растущая из кости опухоль, состоящая из компактного или губчатого костного вещества.* (А. Бжозовский. Частная хирургия). В большинстве случаев в ближайшем контекстном окружении можно найти мотивировку образного терминологического наименования: *Мякоть, находящаяся под верхней кожицей [листа], состоит из удлинённых клеток, расположенных плотно в один ряд; она названа за характерное расположение клеток **столбчатой** тканью.* (И. Игнатъев, Ботаника).

9. Некоторые прилагательные характеризуются несколькими значениями: *лапчатый* '1. Имеющий лапы с перепонками. Л.птица. 2. Похожий по форме на лапу (лапы). 3. Спец. Имеющий лапу (в 4 знач.). Л.борона. Л.культиватор'[МАС, т. II, с. 164],; *зубчатый* '1. С зубцами, с зубьями. 3. Ко-

лесо. <...> 2. Имеющий неровные, ломаные очертания <...>'. [МАС, т. I, с. 624] Яркая предметная образность, богатый семантический потенциал и широкая сочетаемость этих производных используются в художественных текстах. Однако в случаях свободного, нетерминологического употребления можно говорить о предпочтительных лексико-семантических связях: оба прилагательных характеризуют главным образом растения (кусты, деревья, лес) и их части (листья, ветви и т.д.): <...> *В саду, что лепился под крутейшей горой, все ветки на деревьях стали лапчаты и обвисли.* (М. А. Булгаков. Белая гвардия); *Необыкновенно высокий треугольник ели, освещенный луной только с одной стороны, по-прежнему возносился своим зубчатым острием в прозрачное ночное небо.* (И. А. Бунин. Жизнь Арсеньева).

В качестве компаративных эпитетов употребляется целый ряд других прилагательных анализируемой модели: *дымчатый, гребенчатый, скорлупчатый, струйчатый, бахромчатый, звёздчатый, стрельчатый* и т. п.

10. Таким образом, ВФ отсубстантивного прилагательного оказывается той семантической базой, которая, с одной стороны, задает довольно широкий семантический диапазон для развития актуальных лексических значений, с другой стороны, она определяет «векторы» их возможного развития. Во всех случаях употребления прилагательного (как терминологического, несвободного, так и художественного, образно-характеризующего) ВФ является ЖИВЫМ компонентом семантики производного слова.

Литература

Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. 448 с.

Потебня А. А. Мысль и язык // А.А. Потебня. Эстетика и поэтика. – М., 1976. С. 35–214.

Русская грамматика. Том I. – М.: Наука, 1980. 783 с.

Словарь русского языка: В 4-х т./ АН СССР, Ин-т. русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981. [МАС]

*Канд. психол. наук, доктор филол. наук А.В.Пузырёв (Покров)
puzyrev-a-v@yandex.ru*

ИДИОСТИЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ЭСТЕТИКИ МЫШЛЕНИЯ, ЯЗЫКА, ПСИХОФИЗИОЛОГИИ, РЕЧИ И ОБЩЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Данная статья посвящена постановке проблемы об идиостилевых аспектах эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения той или иной языковой личности (личности мыслящей, владеющей языком, характеризующейся индивидуальными психофизиологическими, речевыми и коммуникативными особенностями). Уместно привести суждение И.А.Бодуэна де Куртенэ: «Здесь, как и во всех прочих отделах языковедения, реальной величиной явля-

ется не «язык» в отвлечении от человека, а только человек как носитель языкового мышления. Мы должны не классифицировать языки, а только давать сравнительную характеристику людей по свойственному им языковому мышлению» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 182].

Можно сказать, что языковая личность – это человек, способный создавать и воспринимать речевые произведения (тексты), различающиеся «а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью» [Караулов, 1987; Караулов, 1989, с. 3]. Иногда под языковой личностью понимается совокупность качеств, позволяющих создавать и воспринимать речевые тексты (далее см. только что приведённую цитату), но в рамках принятого нами подхода под языковой личностью удобней понимать именно человека, но не совокупность абстрактных способностей и качеств, конкретного человека с его именем и фамилией.

Предельная конкретность рассмотрения предмета в данном аспекте позволяет получать предельно богатое знание. Дело в том, что абстрактное в диалектической традиции понимается в широком смысле как «бедность», односторонность знания, а конкретность – как его полнота, содержательность. Избранный нами принцип восхождения от абстрактного к конкретному характеризует направленность научно-познавательного процесса как движение от менее содержательного к более содержательному знанию, от знания бедного к знанию богатому, более подробно об этом принципе см. [Швырёв, 1983, с. 93–94].

Для разграничения понятий «идиолект»/«идиостиль» чрезвычайно плодотворной выглядит идея Юрия Максимовича Скрёбнева, впервые им высказанная в 1975-м году, о разграничении неспецифических, относительно и абсолютно специфических характеристик языковой единицы, см.: [Скрёбнев, 1975, с. 33–39]. Рассуждения лингвиста настолько интересны, что приведём соответствующий фрагмент по более поздней его монографии полностью:

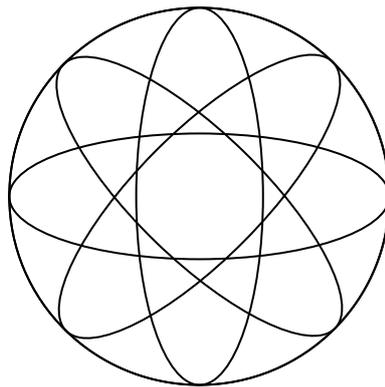
«...Для обозначения набора языковых единиц, обслуживающего ограниченную речевую сферу (более узкую, чем вся речевая деятельность данного общества), воспользуемся фигурирующим в современной лингвистике термином «субъязык».

Как показывает схема <см. рис. 1 – А.П.>, все субъектыязыки совмещены (пересекаются) в центральной части круга. Область пересечения, общая для всех субъектыязыков, – это нейтральная область языка, совокупность общеупотребительных языковых единиц. Области пересечения двух или нескольких субъектыязыков содержат единицы, характеризующие соответствующую группу субъектыязыков. Наконец, непересекающиеся участки эллипсов, наиболее удалённые от центра, индивидуальны.

Таким образом, любой субъектыязык состоит из трёх классов языковых единиц:

1) абсолютно специфические единицы, т. е. единицы, свойственные лишь данному субъектыязыку, индивидуально характеризующие его, отличающие его от других субъектыязыков;

2) относительно специфические единицы, принадлежащие более чем одному субъектыязыку, характеризующие группу смежных субъектыязыков;

3) неспецифические (нейтральные) единицы, общие для всех потенциально выделяемых субъязыков, составляющие основу каждого субъязыка.

Можно показать, что эти частные системы пронизывают собой все уровни языковой иерархии; на каждом ярусе вычленяются единицы, относящиеся к одной из трёх разновидностей» [Ю.М.Скребнев, 1985, с. 21–22].

В принятой Ю.М.Скребневым логике понятий термин «идиолект» – это субъязык конкретного индивида. В идиолекте могут быть обнаружены неспецифические, относительно и абсолютно специфических языковые единицы.

Понятие «идиостиль» в большей степени соотносится с абсолютно специфическими особенностями идиолекта. Идиостиль – это то, что устойчиво отличает один идиолект от другого.

В соответствии с указанным пониманием идиостиля следует говорить об идиостилевых характеристиках мышления, языка, психофизиологии, речи и общения.

Поскольку специальное рассмотрение вопроса об идиостилевых характеристиках мышления, языка, психофизиологии, речи и общения здесь не предполагается, ограничимся общими рассуждениями о стилях мышления, языка, психофизиологии, речи и общения.

Напомним, что стиль вообще – это характерный вид, разновидность чего-н., выражающаяся в каких-н. особенных, отличительных признаках и свойствах, ср.: [Ожегов, 1984, с. 666–667].

Стиль – это совокупность характерных отличий чего-то одного от другого. Но это не просто сумма отличий. – Это устойчивая совокупность характерных отличий чего-либо от другого в одном и том же логическом ряду.

Стили мышления.

Стиль мышления – это устойчивая совокупность отличий одного способа мышления от других.

Какие могут быть выделены стили мышления?

Прежде всего – «мужской» и «женский». Мужской: «Ты меня никогда не любила – вот и сейчас я уйду на работу голодный» (суждение строится по логике движения от общего к частному). Женский: «Смотри, как ты носки разбросал по комнате, – ты разве любил меня когда-нибудь?» (суждение строится по логике движения от частного к общему).

Стиль мышления может быть рассудочным или интуитивным.

Логично предположить, что при высокой скорости письма, при протекании творческого процесса главным образом в голове (а не на бумаге), при создании художественных произведений в состоянии вдохновения писатель (поэт) в большей степени подвластен интуиции. В то же время при небольшой скорости письма, при работе главным образом на бумаге, при методичной и каждодневной работе художники подчиняют творческий процесс преимущественно рассудочной обработке того материала, который художника занимает. Заметим, однако, что высокая степень преднамеренности и рассудочности никогда не считалась приметой настоящего искусства.

Стиль языкового мышления может быть высокоскоростным или замедленным.

Многие писатели отличаются друг от друга скоростью письма. Сошлёмся на воспоминания В.А.Каверина: «Тынянов в течение полутора месяцев написал "Кюхлю", Стендаль за два месяца продиктовал «Пармский монастырь». Фантастика!"; "К.Федин пропускал по три-четыре строки – с тем, чтобы над каждой из них осталось свободное место для исправлений. Это была, без сомнения, медленная, тщательная работа. Непохоже, стало быть, что он работал быстро. Однажды я пожаловался Фадееву, что за год написал только четыре листа, и он сказал: – Это много» [Каверин, 1982, с. 186]. Вот слова Сергея Викулова о В.Распутине: «...Я невольно припомнил одно из немногих признаний В.Распутина о том, что пишет он, к сожалению, очень медленно. Что стоит за этим "медленно", он не раскрыл» [Викулов, 1987, с. 4]. Тараторки и молчуны, несомненно, отличаются друг от друга и типами мышления.

По особенностям протекания мыслительного процесса можно различать стиль головной и на бумаге: «У одних отсев и переплавка словесной руды происходит в горниле души, на бумагу ложится конечный результат, у других весь этот творческий процесс совершается на бумаге. К первому типу поэтов можно отнести Лермонтова, ко второму – Пушкина. В черновиках первого мы обнаружим лишь отдельные поправки, черновики второго – точная картограмма зарождения и рождения стиха» [Фёдоров, 1973, с. 83].

Возможно различие творческого и рутинного стилей мышления. Так, литературно-художественное мышление предполагает чрезвычайную интенсивность мыслительной деятельности (напр., вдохновение), оно характеризуется неожиданностью, новизной результатов, продукта деятельности, – и на уровне мышления литературно-художественное творчество предстает как своего рода сплошное (или очень частое) отклонение от нормы, которая здесь предстает в виде качественно-количественной характеристики нервных затрат. Если обычная, "нормальная" мыслительная деятельность склонна к словесно-логическому типу мышления и приводит к довольно-таки ожидаемым результатам, то творческая мыслительная деятельность тяготеет к образному типу мышления, подпитываемому эмоциями, и приводит к новым, иногда неожиданным результатам. Интенсивность мышления, энергия мыслящей личности «обладает магнетическими свойствами» [Карнеги, 1989, с. 386] и обеспечивает заразительность искусства вообще и художественной речи в частности.

Вероятно, можно говорить даже о русском стиле мышления – в плане отличия этого типа мышления от мышления других народов. Решение этой проблемы невозможно без сопоставления ассоциативных норм русского сознания в плане отличия от подобных норм в сознании носителей другого языка. Обратим внимание на реакции к слову «деньги» – *тратить, платить, считать, получать-получить, иметь, отобрать, рубль, стоить, штраф, давать, копейка, долг, грести, отдать, делать, нуждаться, карман, платили...* И нет слова *зарабатывать*.

Возможно выделение стилей мышления бухгалтеров, учителей, врачей, детей, студентов, первоклашек и даже живущего по соседству Ивана Ивановича.

Несомненно, что количество стилей мышления принципиально неконечно.

Стили языка.

Стиль в языке – это характерные особенности функционирования языка, это регистры языка. Этих регистров в языке никак не меньше, чем на уровне мышления. Количество выделяемых стилей в языке тоже не имеет конечности – оно принципиально неконечно.

Процитируем Ю.М.Скребнева: «Лингвистику не удовлетворяет ни система "трёх стилей", ни система из пяти и более стилей: ей нужны и "стиль технической литературы", и "стиль канцелярский", и "стиль телеграфный", и "стиль архаический", и разговорный стиль, и стиль одного литературного произведения, и стиль повествовательный, или, скажем, стиль авторских отступлений в таком-то романе такого-то автора. Все подобные стили представляют собой понятия несоизмеримые (т.е. не образующие единого классификационного ряда) и социально неравноценные (поскольку "стиль высказываний соседа Ивана Ивановича, возвращающегося домой в день полочки", интересуется меньший круг лиц, чем стиль Пушкина). Однако все они имеют теоретически равные права на описание – могут быть выделены в качестве объектов описания.

<...> В основе социально авторитетных, социально ценных стилей, которые обычно признаются в лингвистическом обиходе, лежат чисто прагматические соображения» [Скребнев, 1975, с. 56].

Именно прагматические соображения заставляют нас выделять научный, официально-деловой, публицистический, художественный и разговорный стили языка. Искать объективные границы стилей, дискутировать об адекватности или неадекватности той или иной стилевой классификации равносильно поискам объективных границ климатических поясов или возрастных групп.

Стиль языка – это особенности того регистра в использовании языка, о наличии которого в языке мы догадываемся и предполагаем.

Стили психофизиологии.

Стиль психофизиологических процессов – это устойчивая совокупность отличий одного способа протекания психофизиологических процессов от других. Можно говорить о стиле психофизиологии «потокowego сознания», о стиле психофизиологии стресса, о стиле психофизиологии восприятия и т.д. Ср. цитату из пособия по риторике: «Мы воспринимаем говорящего не только органами слуха, но и мышцами голосо-речевого аппарата, который микродвижениями дублирует его речь. Значит, восприятие речи – это слухо-мышечный процесс. И

если оратор говорит с напряжением, мы ощущаем дискомфорт, нам хочется по-двигаться, откашляться или просто на время отключиться от слушания, давая отдых своему голосо-речевому аппарату» [Савкова, 1991, с. 6].

Стили речи.

Стили речи – это реализация стилей языка. Они соотносятся со стилями языка как особенное с общим. Здесь можно говорить о смешении стилей, поскольку в реальном тексте может быть обнаружено влияние разных языковых стилей (вопрос о преднамеренности-непроизвольности здесь опускается).

Стили общения.

Мы можем выделить и стили общения, стили коммуникации. Их не меньше, чем стилей речи. Более того: один и тот же реальный текст может выступить в качестве текстов самой различной коммуникативной и стилевой направленности (многое зависит от интонации, от мимики и жестов говорящего).

Одна из возможных классификаций стилей общения [Добрович, 1987] разграничивает стили:

- примитивный (собеседник является не партнёром общения, а предметом, нужным или мешающим);
- манипулятивный (собеседник является не партнёром общения, а соперником в игре, которую непременно надо выиграть, а выигрыш может быть материальным, житейским, психологическим);
- стандартизованный (контакт «масок» – маски «нуля», вежливости, любезности, «тигра», «зайца» и т.д.);
- конвенциональный (коммуницирующие субъекты выступают как равноправные партнёры);
- игровой (собеседник подыгрывает ролевому вееру партнёра);
- деловой (партнёр воспринимается как участник очень важной коллективной деятельности);
- духовный (партнёр воспринимается как носитель высокого духовного начала и вызывает благоговение).

В русской культуре умение использовать различные регистры языка всегда было показателем ума и такта собеседника. Умение пользоваться различными регистрами языка – один из важнейших факторов устойчивости общества.

Автор настоящей статьи, будучи школьником, посмеивался над зарисовкой Н.В.Гоголя: «Надобно сказать, что у нас на Руси если не угнались ещё кой в чём другом за иностранцами, то далеко перегнали их в умении обращаться. Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз или немец век не смекнёт и не поймёт всех его особенностей и различий; он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, и с мелким табачным торгашом, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым. У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста, а у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот, а с тем, у которого их пятьсот, опять не так, как с тем, у которого их восемьсот, – словом, хоть восходи до миллиона, все найдут оттенки».

Сейчас предельно стало понятно, что Н.В.Гоголь хоть и в иронической форме, но обозначил как факт то, что наши предки более мастерски, чем мы, пользовались различными регистрами, различными стилями языка.

Несомненно, что есть все основания говорить об идиостилевых аспектах эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения, говорить о доминировании созидательных или разрушительных начал в эстетике мышления, языка, психофизиологии, речи и общения того или иного индивида, той или иной языковой личности.

Важно подчеркнуть, что психофизиология языковой личности вторична и производна от характера мышления этой личности (экспериментально установлено, что скорость воплощения мысли в соответствующий психофизиологический процесс чрезвычайно высока – см.: [Веллер, 1999, с. 56–57]). В настоящее время этот факт используется как отправной в спорте высших достижений [Балыкин, Балыкина-Милушкина, 2015]. При доминировании созидательных начал в эстетике мышления, языка, психофизиологии, речи и общения у той или иной языковой личности проблем со здоровьем быть не может, тогда как исполнители разрушительных по своему характеру песен не могут быть здоровыми. Заболевания и ранняя смерть исполнителей, если исключить случаи насильственного прекращения жизни, вероятней всего, – одна из примет разрушительного характера их песен.

В одной из своих статей со студентами мы показали, что на текстовую продуктивность языковой личности в огромной степени влияет также характер протекания детства у данной языковой личности [Пузырёв и др., 2015].

Так что существуют все основания говорить об идиостилевых аспектах эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения той или иной языковой личности.

Литература

Балыкин А.И., Балыкина-Милушкина Т.В. Метод оценки ресурсного потенциала спортсмена (на примере вольной борьбы, женщины) // Современная наука: опыт, инновации, перспективы: III Международная научно-практическая конференция (Астрахань, 02 октября 2015 г.). Астрахань, 2015. С. 10–14.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. – М.: АН СССР, 1963. Т. 2. 392 с.

Веллер М. Всё о жизни. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 1999. 752 с. (Имена).

Викулов С. Верим и ждём // Учит. газета. 12.03.1987. С. 4.

Добрович А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. – М.: Просвещение, 1987. 207 с.

Каверин В.А. «Память – это ключ от былого»: (Вёл беседу А.Плутник) // Известия. 15.07.1984. С. 3.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. – М., 1989. С. 3–8.

Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. 720 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. докт. филол. наук Н.Ю.Шведовой. – 16-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1984. 797 с.

Пузырёв А.В. Детство известных писателей и объём их произведений / А.В.Пузырёв, М.Андреев, А.Григорян // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XV-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 13-15 мая 2015 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН, Институт русского языка РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», 2015. С. 77–91.

Савкова З.В. Энергия живого слова. – СПб.: Знание, 1991. 32 с. (О-во «Знание» РСФСР, Ленингр. организация).

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: Учебное пособие для студентов и аспирантов филол. спец-тей. – Горький: ГГПИИЯ, 1975. 175 с.

Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику / Под ред. докт. филол. н. О.Б.Сиротининой. – Саратов: Изд-во СГУ, 1985. 210 с.

Фёдоров В.Д. Наше время такое: О поэзии и поэтах. – М.: Современник, 1973. 512 с., 1 л. портр. (Б-ка «О времени и о себе»).

Швырёв В.С. Восхождение от абстрактного к конкретному // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. С. 93–94.

*Аспирантка С.М. Рзаева (Орехово-Зуево)
sara5775@mail.ru*

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ НЕОЛОГИЗМОВ

В силу сложности описания человеческого знания и процессов мышления, когнитивная наука для решения данных задач объединяет усилия специалистов из разных областей знаний: психологии, компьютерной науки, лингвистики, философии, антропологии и нейронауки. Связующим звеном, системообразующим началом для всех наук когнитивного цикла можно считать когнитивную лингвистику, прежде всего потому, что язык служит единственным и уникальным инструментом, обеспечивающим людям доступ к познанию человеческого сознания и человеческого разума, для постижения тайн мыслительных процессов и операций со знаниями, своего рода «окном» в сознание [Кубрякова, 2004, с. 522].

Когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций. Таким образом, конечной задачей когнитивной лингвистики является «получение данных о деятельности разума» [Кубрякова, 2004, с. 13].

Создание лексических единиц как для обозначения новых понятий и явлений, так и для неоминации уже существующих, является одним из основных источников лексического и семантического обновления языковой системы. Анализ неологизмов современного разговорного языка и публицистики дает возможность осмыслить меняющуюся картину мира, постичь сущности концептуализации действительности на настоящем этапе развития и функционирования языка.

Представители лингвокогнитивного направления считают, что с помощью языка человек шифрует, накапливает, передает и дешифрует знания. Поэтому необходимо исследовать структуры знаний, которые скрыты за неологизмами, их влияние на языковую и концептуальную картину мира человека. Задача лингвокогнитивного подхода в исследовании новых лексических единиц заключается в выявлении взаимодействия собственно лингвистических и когнитивных аспектов внутри слова.

Изучая неологизмы с лингвокогнитивной точки зрения, необходимо отметить, что лингвистами, занимающимися теорией перевода, установлены различия семантического пространства языков, различия по составу концептов, и по принципам их структурирования. Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют три варианта соотношения значения, концепта и лексемы:

1) Есть концепт, но нет семемы и лексемы. В данном случае можно говорить о семантической лакуне, т.е. в ПЯ вообще не представлен аналог с соответствующим значением. Например, двум русским лексемам *девочка* и *девушка* соответствует одно английское *girl*.

2) Есть концепт и потенциальная семема, но нет лексемы. Лексическая лакуна – это отсутствие слова в лексико-семантической системе языка при наличии соответствующей потенциальной семемы и концепта. Например, в русском языке нет слова для обозначения концепта «вечер пятницы, суббота и воскресенье», соответствующее английскому *weekend*. А в английском нет обозначений для таких русских концептов, как *сутки*, *дача* и т.д.

3) Есть концепт, есть семема, есть лексема. В данную группу входят общеупотребительные слова языка, перевод которых не вызывает сложностей.

Возможен так же вариант отсутствия концепта в концептосфере народа ПЯ. Такие лакуны называют когнитивные (концептуальные) [Стернин, Попова, 2007, с. 59-61]. Например, такие безэквивалентные единицы в англо-американской концептосфере как *politicalcorrectness*, *lifequality* не сформировались еще в концептосфере русского народа, поэтому передаются при помощи калькирования: политическая корректность, качество жизни. Такие заимствованные концепты долгое время выражаются описательными оборотами, сопровождаются пояснениями, до тех пор пока в языке ПЯ не сформируется семный состав соответствующего слова.

Осознание акта номинации с когнитивных позиций означает поиски и нахождение ответа на вопрос о том, какие наборы концептов и почему вербализуются в данном языке и какая конкретная языковая форма выбирается для решения этой задачи. Использование оптимальных языковых форм для выражения необходимого содержания – это постоянно возникающая задача в процессе

речевой деятельности, и она не может быть разрешена без включения правил осуществления номинативной деятельности.

Литература:

Бирюкова Е.В., Попова Л.Г. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-3 (53). С. 40–43.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 556 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

Шатилова Л.М. Актуализация лингвокультурологических категорий эксплицитности и имплицитности как концептуальных доминант в немецкой и русской языковой картине мира: Автореф. дисс. ... доктора филологических наук: 10.02.20. М., 2011.

Докт. филол. наук С. Л. Сахно (Париж)
ssakhno@u-paris10.fr

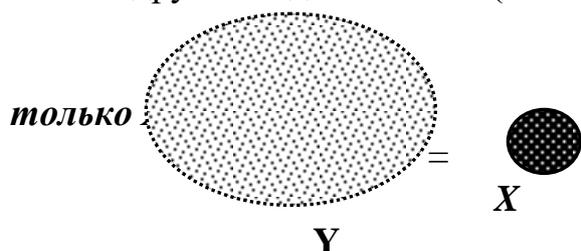
МОДАЛЬНОСТЬ ОГРАНИЧЕНИЯ: КОГНИТИВНЫЕ И СЕМАНТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКИХ ЧАСТИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОГРАНИЧЕНИЯ (*ТОЛЬКО* VERSUS *ЛИШЬ*)

Функционирование русских дискурсивных слов со значением ограничения *только* и *лишь*, традиционно называемых частицами, семантическое различие между которыми нередко представляет для изучающих русский язык проблему, может быть эффективно описано и объяснено, исходя из когнитивных и семантико-коммуникативных критериев, в частности учитывая их модальные оттенки и коммуникативную задачу говорящего. Их семантическое представление было, прямо или косвенно, объектом многих работ (Богуславский 1985: 83-99, Червенкова 1990, Сахно 1998, Киселева, Сахно 1998, Пайар 1998, Bernitskaïa, Roudet 2018), в том числе в сочетании с другими частицами (*только бы, лишь бы, всего лишь*). Менее описана была комбинаторика самих *только* и *лишь* (сочетания *только лишь, лишь только*).

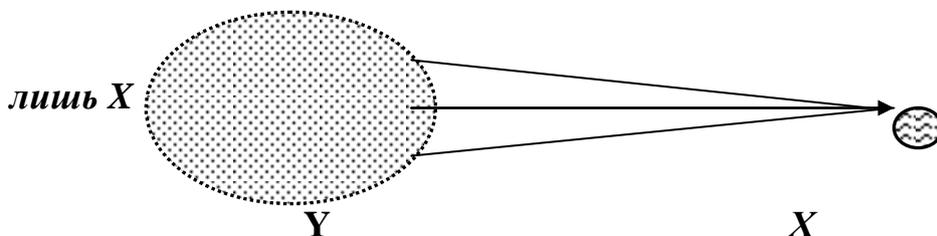
Наша семантическая гипотеза для различения *только* и *лишь* частично исходит из внутренней формы (этимологии) этих слов.

Очевидна связь *только* с рус. *толика, столько* (семантический переход: ‘такое количество’ > ‘только’); ср. также польск. *tylko* ‘только’, словац. *tol’ko, toliko* ‘столько’, *toliký* ‘столький’, чеш. *tolik* ‘столький’. Это семантически аналогично латин. *tantum* (‘столько’ > ‘только’) и сербско-хорватско-босн. *samo / samo* (‘сам, тот же самый’ > ‘только’). Здесь присутствует идея идентичности, сведения данного класса или множества Y к когнитивно и коммуникативно са-

лиентному элементу или подмножеству X. При этом исключаются другие элементы или другие подмножества ('X и ничто другое').

Слово *лишь* (в древне-рус.: 'больше, кроме') связано с рус. *лишать*, *лишний*, *излишек*, ср. словац. *lichý* 'пустой, нечетный', польск. *lichy* 'бедный, ничтожный, жалкий'. В этом случае доминирует идея сведения данного класса или множества Y к когнитивно и коммуникативно «маргинальному» элементу или подмножеству X. При этом не исключаются другие элементы или другие подмножества ('X и не больше', 'X, но можно было бы предполагать и нечто иное или предполагать нечто более значительное').

В (Червенкова 1990) справедливо указывается на близость *только* прежде всего к кванторам (экстенсивам) типа *несколько*, в то время как *лишь*, ориентированное на градуальное множество, примыкает к интенсивам (типа *чуть*).

Характерна возможность *только* и *лишь* в контекстах типа (1, 2), но в контекстах типа (3, 4) *лишь* невозможно:

(1) Я всё понял, и у меня *только* / *лишь* два вопроса: когда и как?

(2) К сожалению, оказалось, что за номер гостиницы надо было платить *только* / *лишь* в евро, а мы думали, что везде принимаются доллары.

(модализированный неофициальный дискурс, комментарий)

(3) Оплата номера гостиницы осуществляется *только* / **лишь* в евро!

(официальный нормирующий дискурс, прескрипция, объявление)

(4) Главная военная тайна – местное подобие военторга, зона не то чтобы секретная, но особо оберегаемая. Корреспонденту «Известий» с гордостью сообщили, что это первый случай, когда российский журналист посещает магазин, – легче попасть на взлетную полосу под бок истребителя, чем сюда. Цены в магазине – вполне duty free, оплата – *только* (**лишь*) доллары, почти везде неприметный, но гордый штамп – «Made in U.S.A». [Екатерина Григорьева. Мягко стелют. Корреспондент «Известий» первым из российских журналистов побывал на военной базе США в Киргизии (2002) // «Известия», 2002.06.20]

Показательно распределение *только* и *лишь* в таких контекстах:

(5) «У многих уже не было таких денег с собой», – отметила Татьяна Титова. По словам уральских пассажиров, в полете, который длился три часа, они не

могли практически ничего купить. Обслуживающий персонал авиакомпании заявил, что покупки можно сделать *только* (**лишь*) за отечественные деньги. У большинства в кошельках оказались *лишь* (?*только*) евро. [Екатеринбург // Новый регион 2, 2006.03.14]

Это показывает, что *лишь* ближе к ядру средств выражения субъективной модальности, а *только* тяготеет к объективной модальности.

Литература

Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. – М.: Наука, 1985.

Киселева К., Сахно С. Сопоставительная статья: *только, лишь, всего, всего лишь, всего-навсего* // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Баранов А. Н., Бонно К., Василевская Н. Б. и др.; Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара; МГУ им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. – М.: Метатекст, 1998. – С. 82–94.

Пайар Д. *Только* // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Баранов А. Н., Бонно К., Василевская Н. Б. и др.; Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара; МГУ им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. – М.: Метатекст, 1998. – С. 45–54.

Сахно С. *Лишь* // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Баранов А. Н., Бонно К., Василевская Н. Б. и др.; Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара; МГУ им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. – М.: Метатекст, 1998. – С. 55–61.

Червенкова И. О частицах *только* и *лишь* // Saloni Z. (ed.), *Metody formalne w opisie językoów słowańskich*, Białystok: UW, 1990, Pp. 75–82.

Bernitskaïa N., Roudet R., 2018, La structure sémantico-grammaticale des propositions du type *Ему лишь бы машина была* // *Revue des Etudes slaves*, 2018, vol. 59, 1-2.

Доктор филол. наук И.В. Труфанова (Москва)
illokucia1@rambler.ru

К ВОПРОСУ О МЕСТОИМЕНИИ *ОДИН ДРУГОГО*

Целью автора является обоснование принадлежности *один другого* к возвратным местоимениям и установление его места в группе возвратных местоимений. Материал был собран нами в Национальном корпусе русского языка. Метод подстановки на место *один другого* местоимений *друг друга* и *один одного* позволил получить следующие выводы.

Актуальность избранной темы обусловлена тем, что в лингвистической литературе, во-первых, неоднозначно трактуется объём возвратных местоимений, во-вторых, существует несколько разных классификаций местоимений по семантике, в-третьих, местоимение *один другого* относят к разным семантиче-

ским разрядам, в-четвёртых, местоимение *один другого* не было предметом специального лингвистического исследования.

При традиционном понимании местоимений к возвратным местоимениям относят только одно слово – местоимение *себя* [О.П.Ермакова, 2008, с. 36; Л.И.Рахманова, В.Н.Суздальцева, 2003, с. 360; Русская грамматика, 1980, с. 563; Е.Н.Сидоренко, 1990, с. 48; Н.М.Шанский, А.Н.Тихонов, 1987, с. 146; З.Ф.Юсупова, 2014, с. 21]. При разных вариантах широкого понимания объёма возвратных местоимений в их состав включают ещё *друг друга* [Э.А.Балалыкина, 2003, с. 172; А.Ф.Гайнутдинова, 2012; А.Н.Ерёмин, 1997, с. 11; А.В.Исаченко, 1965; В.Н.Мигирин, 1973а; В.Н.Мигирин, 1973б; Морфология современного русского языка, 2009, с. 256-258; П.Пипер, 1988, с. 82; М.А.Шелякин, 1986, с. 32; Н.А.Янко-Триницкая, 1975; Н.А.Янко-Триницкая, 1976; Русский семантический словарь, 2000, с. 18; Русский язык, 1997, с. 231], *друг дружку* [А.Ф.Гайнутдинова, 2012, с. 13; М.А.Шелякин, 1986, с. 32; Л.Х.Головёнкина, 2004, с. 18], *один другого* [А.Ф.Гайнутдинова, 2012, с. 13; М.А.Шелякин, 1986, с. 32] и *один одного* [А.Ф.Гайнутдинова, 2012, с. 13; М.А.Шелякин, 1986, с. 32]. П. Пипер выделяет 11 возвратных местоимений и делит их на местоимения внутренней и внешней характеристики. В числе первых он называет *себя*, в числе вторых *друг друга* [П.Пипер, 1988, с. 82]; *один одного* и *один другого* в список местоимений у П. Пипера не попали.

К местоимениям *один другого* относят А.Ф. Гайнутдинова [А.Ф.Гайнутдинова, 2012, с. 5, 13], М.А. Шелякин [М.А.Шелякин, 1986, с. 32]. Оба лингвиста квалифицируют его как принадлежащее к разряду возвратных, взаимно-возвратное по семантике. У взаимно-возвратного местоимения *другу друга* М.А. Шелякин выделяет разговорные варианты: *друг дружку, один другого, один одного* [М.А.Шелякин, 1986, с. 32]. А.А. Камынина выделяет разряд местоимений без названия и включает в него фразеологизмы *друг друга* и *один другого* [А.А.Камынина, 1999, с. 129-130]. М.И. Откупщикова относит *один другого* к взаимным местоимениям [М.И.Откупщикова, 1984, с. 66-67].

В.Н. Тришин выделяет наречие *один другого* и приводит синонимы к нему: *взаимно, друг друга, один одного* [В.Н.Тришин, 2012].

Т.Ф. Ефремова [Т.Ф.Ефремова, 2000], С.А. Кузнецов [С.А.Кузнецов, 1998] выделяют наречие *один за другим* и в качестве толкования приводят синонимы *друг за другом, один за одним*.

Возникает вопрос: если в качестве синонимов приводятся местоимения, не правильнее ли было бы *один другого* и *один за другим* квалифицировать как местоимение? Н.А. Янко-Триницкая местоимения, подобные *один другого*, а именно: *себя* и *друг друга*, – считает местоимениями-существительными [Н.А.Янко-Триницкая, 1976, с. 70].

Возвратное местоимение определяют в соответствии с тем, какую функцию местоимений считают основной: заместительную [Л.Х.Головёнкина, 2004] или указательную [Ю.И.Леденёв, Л.А.Синько, 2007; В.Н.Мигирин, 1973б].

При втором подходе пишут, что возвратное местоимение указывает на то, что действие, состояние распространяется на субъект, о котором идёт речь [Л.И.Рахманова, В.Н.Суздальцева, 2003, с. 360], на предмет, который является

объектом своего собственного действия [Русская грамматика, 1980, с. 536], указывает на тождество субъекта с объектом [Н.М.Шанский, А.Н.Тихонов, 1987, с. 146]. Реальное значение возвратного местоимения определяется значением подлежащего [Русская грамматика, 1980, с. 536].

При первом подходе пишут, что стандартный способ употребления возвратного местоимения – анафорический [Морфология современного русского языка, 2009, с. 258]. «Общее значение возвратности проявляется в специфике анафорической функции: возвратные местоимения осуществляют возврат к высказыванию, частью которого они являются. Причём суть устанавливаемой анафорической связи – отношения кореферентности, то есть совпадение референта возвратного местоимения и референта другого члена высказывания (чаще всего субъекта)» [А.Ф.Гайнутдинова, 2012, с. 4]. С.А. Крылов делит местоимения на дейктические и кванторные, внутри дейктических выделяет ситуационно-дейктические (личные 1 и 2 лица, указательные) и контекстно-дейктические (анафорические, отсылающие к высказыванию, в которое они входят), среди них называет возвратное *себя* и взаимное *друг друга* [С.А.Крылов, 1989, с. 9].

В пользу местоименной природы *один другого* свидетельствуют его ситуативность, незначительный характер, указательность, контекстуальная соотносённость, изоморфизм по отношению к местоимениям *себя*, *друг друга*, *один одного*. *Один другого*, как все возвратные местоимения, является контекстно-дейктическим, анафорическим, отсылающим к высказыванию, в которое входит.

Друг друга подобно *себя* изменяется по падежам и не имеет формы именительного, при этом изменяется только вторая часть. В *один одного* и *один другого* изменяются первая часть по родам: *один в один*, *одно в одно*, *одна в одну*, *один другого*, *одна другую*, вторая часть по падежам.

Наличие в русском языке возвратных местоимений *себя*, *друг друга*, *один другого*, *один одного* обогащает синонимические возможности выражения, в предложении одно из этих местоимений может замещать другое. *Долгая разлука незаметно нас отчуждает друг от друга: привыкаешь обходиться один без другого...* (А.Н. Вульф. Дневник). *Влюбленность истоцилась удовлетворением чувственности, и остались мы друг против друга в нашем действительном отношении друг к другу, то есть два совершенно чуждых друг другу эгоиста, желающие получить себе как можно больше удовольствия один через другого* (Л.Н. Толстой. Крейцера соната). *Два нравственных мира противопоставлены один другому и борются между собою под знаком единой Красоты: как решится спор, загадочный отрывок не говорит* (С. Бочаров. Из истории понимания Пушкина). *Ну, а когда люди подходят друг другу, стремятся один к другому, то, как вы понимаете, в таком городишке ничто не остаётся секретом...* (А. Рыбаков. Тяжелый песок). *Вообразим далее призматическую камеру или даже тюрьму целиком, где радуги суть лишь октавы эфирных вибраций, где космогонисты со сквозистыми головами все входят и входят один в другого и все проходят сквозь вибрирующую пустоту друг друга, а между тем повсюду вокруг различные системы отсчета пульсируют, сокращаясь по Фицджеральду* (В. Набоков. Под знаком незаконнорождённых. Пер. С. Ильин).

Они смотрели **друг другу** в глаза и не то уивались **один другим**, не то угадывали что-то новое (В. Брюсов. Моцарт). Представители и представительницы этих кружков, сходясь **между собою**, осматривались кругом и менялись **один с другим** короткими замечаниями, перешептывались и прекращали разговор, когда приближался к ним кто-нибудь не из их стана (Е.П. Карнович. Придворное кружево). Восторженные отзывы Дмитрия о брате Иване были тем характернее в глазах Алеши, что брат Дмитрий был человек в сравнении с Иваном почти вовсе необразованный, оба, поставленные вместе **один с другим**, составляли, казалось, такую яркую противоположность как личности и характеры, что, может быть, нельзя бы было и придумать двух человек несходнее **между собой** (Ф.М.Достоевский. Братья Карамазовы). Это общее возможно при двух условиях: чтобы люди понимали **друг друга** и чтобы нуждались **друг в друге**, чувствовали потребность **один в другом** (В. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций). В Москве то и дело одни вельможи заезжали к другим, охали, сетовали, совещались и подозрительно смотрели **друг на друга**, видя **один в другом** врага в будущем (А. Шеллер-Михайлов. Дворец и монастырь). Правда, мечты наши большею частью были нерадостны, но мы отлично понимали **друг друга**, находя **один в другом** нравственную опору (А. Фет. Мои воспоминания).

В родительном падеже местоимение *один другого* употребляется только с предлогами, без предлогов лишь в составе цельного словосочетания со сравнительной степенью: **один другого** краше. В винительном падеже, кроме предложных употреблений, встречается *один другого* без предлогов. *Мы отражаем всё и вся И* понимаем с полуслова, *Но только не один другого*, *Жизнь, как стекло, в руках неся* (А. Тарковский. Под прямым углом). *Это было не просто ощущение настоящего ансамбля, а скорее творческое соперничество в самом благотворном его проявлении: мы как бы "поднимали планку" и в то же время взаимно поддерживали один другого* (И. Архипова. Музыка жизни). В дательном и творительном падежах беспредложное и предложное употребление местоимения одинаково частотны. *Священный союз таков, что, сплетаясь гармонически руками и сердцами, все идут вперёд. Все сильны и крепки один другим* (С. Еремеева. Лекции по русскому искусству). *Мой взор всегда искал твоих очей; Мой слух ловил привет твоих речей; Один другим как счастливы мы были...* (А. Майков. Романс). *Между Нордстон и Левиным установилось то нередко встречающееся в свете отношение, что два человека, оставаясь по внешности в дружелюбных отношениях, презирают друг друга до такой степени, что не могут даже серьезно обращаться друг с другом и не могут даже быть оскорблены один другим* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина). *Слова обрываются, мгновение полной и глубокой тишины – и один за другим раздаются два выстрела: раз!* (Л. Андреев. Екатерина Ивановна). *Два могущественных потока борются теперь один с другим...* (Ю.Н. Тынянов. Французские отношения Кюхельбекера). *Даже и тут один перед другим не форсили, а старались в стороны разойтись* (С. Залыгин. Комиссия). В дательном падеже среди предложных употреблений местоимения *один другого* преобладают употребления с предлогом *к*. *Местами на прижимах реки с быстрым течением елец стоял та-*

кой плотной массой, что светлое известняковое дно реки смотрелось с лодки черным: множество ельцов стояло впритирку **один к другому**, затемняя дно (Д.И. Саврасов. Загубленная долина). Употребления с предлогом *по* носят архаичный характер. *Под вечер больной забылся, и все, кто при нем были, **один по другому** из душной горницы вышли* (П. И. Мельников-Печерский. На горах). *За матерями **один по другому** пошли и купцы; остался один туляк-богатырь Яков Панкратыч Столетов* (П.И. Мельников-Печерский. На горах). *Гаврила Маркелыч совсем растерялся, захмелевший Масляников на сына накинудся, бить его вздумал. Гости **один по другому** вон. Тем и кончился Машин сговор* (П.И. Мельников-Печерский. В лесах). В современном русском языке в данных случаях употребляется предлог *за* и творительный падеж.

Остановимся на тех случаях, когда замена *один другого* на *друг друга* не вполне корректна. Во-первых, это высказывания, в которых сказуемое называет общее действие субъектов в форме единственного числа, или подлежащее, обозначающее нескольких субъектов, стоит в форме единственного числа. **Один с другим** не соглашается, **друг другу** лекции читают... (А.П. Чехов. Психопаты). *Когда поет старик-Державин Или старик Анакреон, **Один другому** верно равен И ни один не превзойден* (Ю. Верховский. Анакреон – Державин). *Стал человек – **один другому** – дьявол; Кровь – спайкой душ; борьба за жизнь – законом; И долгом – мечь* (М. Волошин. Потомкам). *"Нормально"—это когда **один другому** не мешает, и только* (Е. Забродина. Эффект доверия // Известия, 2010.12.01). Несмотря на форму единственного числа сказуемого, речь в приведённых примерах идёт о взаимно направленных действиях нескольких субъектов, *один другого* является в них местоимением.

Форма единственного числа сказуемого может указывать на то, что речь идёт не о совокупном субъекте одинакового действия, а о субъекте и объекте, в этом случае перед нами два слова, два разных определительных местоимения: *один, другой*. *В данном случае между двумя людьми возникли неприязненные отношения и **один другому** дал пощечину, — объяснил Жеребенков* (Д. Евстифеев. Атака Полонского наткнулась на иммунитет Лебедева // Известия, 2011.10.05). *Представляете, два артиста в одной семье? **Один другого** всё равно будет подавлять* (С. Ткачева. Т. Гвердцителли. Не умею учиться на чужих ошибках). *То же и в языке. Поглощается **один другим**. Много уже исчезло на моей памяти* (И. Бунин. Из записей. 1927). *На воле невозможно собрать в одной конструкторской группе двух больших инженеров или двух больших учёных: начинают бороться за имя, за славу, за сталинскую премию, обязательно **один другого** выживет* (А. Солженицын. В круге первом). **Один у другого** спрашивает: «Ты не помнишь, чем дело закончилось по Аксененко?» (Е. Кац. Все работники МПС России – потенциальные подследственные // Газета, 2003). *Но на этом не кончилось: в той же палате 306 ночью подрались двое больных, и **один у другого** вырвал внутривенный катетер* (В. Голяховский. Русский доктор в Америке). **Один с другого** по три шкуры дерет!.. (Б. Гринченко. В темную ночь. Пер. К. Трофимов). Определительное местоимение *один* в данном случае стоит в именительном падеже, *другой* в каком-либо из косвенных падежей.

Во-вторых, замена *один другого* на *друг друга* невозможна, если субъекты одинакового действия – не лица, вместо *один другого* в этих случаях подставляется *один одного*. *Во время проверки факты стали складываться один к другому* (О. Карпова. ЧП в Челябинской области: Тренер тайком кормил детей стероидами // Комсомольская правда, 2010.06.22). *Исходя из того, что истинное существо человека не может быть понято иначе, как в совокупности мира, что и микрокосм и макрокосм объясняются один другим и даже тождественны, он не признает необходимости особой науки о душе* (Э. Ватсон. Артур Шопенгауэр. Его жизнь и научная деятельность). *Сегодня думала: вот окопы один перед другим* (Л.Ю. Бердяева. Дневники). Значит, *один другого*, как и *один одного*, относится к одушевлённым и неодушевлённым, а *друг друга* по преимуществу к одушевлённым. А.А. Камынина [7: 128], В.Б. Евтюхин [12] писали, что местоимение *себя* указывает на то, что объект или адресат действия совпадает с субъектом действия, обычно одушевлённым. *Друг друга* похоже на *себя* в отношении к одушевлённости / неодушевлённости.

В-третьих, в составе цельного словосочетания со степенью сравнения *один другого* не заменяется на *друг друга*, но возможна подстановка вместо него *один одного*. *Один другого эгоистичнее, ведут немолчный спор...* (К. Ефремов. Размышления у книжной полки: Бегство от одиночества // «Знание – сила»). *Дома – один другого краше, – чью старость розовую наши велосипеды веселят* (В. Набоков). В данных примерах *один другого* – возвратное местоимение.

В значении «отборные» *один к другому* является прилагательным, замена на *друг к другу* невозможна, подстановка вместо него прилагательного *один к одному* имеет место. У *один к другому* значение «отборные» развилось под влиянием *один к одному*, потому что употребления *один к другому* к данному значению единичны, а *один к одному* частотны. *Он так подобрал двадцать тысяч, один к другому, Чтобы ни один не примазался к нам изменник* (О.Э. Мандельштам. Песнь о Роланде).

Один другого относится к местоимениям-существительным, потому что чаще выполняет синтаксическую функцию дополнения. *Для чего к провидению не иметь нам той доверенности, которую два человека могут иметь один к другому?* (Н.М. Карамзин. Филалет к Мелодору). *Штукатуры и каменщики, перебивая один другого, жаловались на заниженные расценки* (С. Довлатов. Чемодан). *Вечер тихий, прозрачный; запад горит огнем, дневное светило скрывается за горы, восток наряжен в нежно-голубой и нежно-розовый цвета, незаметно сливающиеся один с другим* (П.К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923-1926 гг., № 4). С предлогами *напротив*, *возле*, *подле*, *около* при глаголах положения в пространстве анализируемое местоимение, подобно местоимению *друг друга*, выполняет синтаксическую функцию обстоятельства места. *За столом сидели двое. Один напротив другого*. Посредине стояла лампа под зеленым абажуром (Ю.К. Олеша. Зависть). *Если листья на стебле лежат друг напротив друга (супротивно), то и примордии будут располагаться один напротив другого* (В. Чуб. Что изучает наука ботаника?) *Так они оба стояли один возле другого в каком-то призрачном, как бред, молчании* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев). *На Руси – в Киеве, во Владимире, в Смолен-*

ске, в Москве, в других древних городах – каменные соборы, по два, по три и более, **один подле другого** поднимались на самых высоких местах (С.М. Голицын. Сказания о земле Московской). Батальоны уже стояли правильными черными четырехугольниками вдоль широкой улицы, рядом, **один около другого** (А.И. Куприн. Ночлег). С предлогом *после* местоимение *один* *другого* является в предложении обстоятельством времени. *Три народа, один после другого, селятся на одних и тех же местах* (В.К. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня). При глаголах движения с предлогом *к* местоимение *один* *другого* является синкретичным членом предложения: дополнением-обстоятельством. *Возле прилавка люди теснились один к другому* (С. Довлатов. Чемодан). *Не забуду картины: сначала старательно подогнав их один к другому, он с минуту ходит вокруг своей инсталляции* (Д. Рубина. Окна). *По этому вопросу никто с нами не хочет разговаривать, отсылают один к другому* (Дежурный по Москве // Известия, 2004.01.13). С предлогом *перед* при глаголах со значением «хвастать» и глаголах местоположения *один* *другого* – обстоятельство. *На возвышениях у дороги монгольские жаворонки один перед другим* тешили нас (П.К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923-1926 гг. № 4). В предложном падеже с предлогом *в* местоимение может быть определением, или сказуемым (именной его частью), или обстоятельством, или дополнением. Синтаксическая функция зависит от грамматически господствующего для местоимения слова. *Своего рода загадка, как китайские шары, один в другом* (Фанерные кружева // Народное творчество, 2003.12.22). *Мне объяснили, что если бы я не задержал запасной парашют, он бы зашел под купол основного, и они бы оказались один в другом* (Ю. Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь). *Китаец вырезал сто девять шаров один в другом, и опять-таки нужна была луна, чтобы в просветах этих мелких узоров разглядеть самый маленький, внутренний шарик меньше горошины* (Л. Улицкая. Дар нерукотворный). *Мы с Чурбековым перенбрались на ту самую хламиду, которую здесь называли диваном, приятельски закурили и, почувствовав один в другом нужного собеседника, затеяли долгий-долгий разговор* (Д. Фурманов. Мятёж). С предлогом *о* местоимение в предложном падеже является дополнением, с предлогом *при* – обстоятельством. *Наступило короткое забытие, но они помнили один о другом в этом забытии и скоро проснулись* (В. Астафьев. Пастух и пастушка). *За ним тронулся и младший, так и не женившийся брат, и они все время вызывают сестру, а она все не едет, но страшно жалеет и любит их, как бы став маленькой Лекой; братья там живут один при другом, не в силах расстаться, привыкшие к семейному теплу, и работа уже имеется, сданы экзамены, оба дисциплинированные и работающие как мать и Петр, это он им втемяшил в головы законы жизни своими криками, явно* (Л. Петрушевская. Новые Гамлеты). Функция обстоятельства характерна не только для наречий, но и существительных, многие типы обстоятельств выражаются только существительными (обстоятельства уступки, например) или чаще существительными, чем наречиями (обстоятельства места, например).

В отличие от *один* *одного*, местоимение *один* *другого* не имеет такого множества омонимов среди слов других частей речи.

Возвратное местоимение *один другого* во всех падежных формах допускает замену на *друг друга* и *один одного*. В пользу местоименной природы *один другого* свидетельствуют его ситуативность, незначительный характер, указательность, контекстуальная соотнесённость, изоморфизм по отношению к местоимениям *себя, друг друга, один одного*. *Один другого*, как все возвратные местоимения, является контекстно-дейктическим, анафорическим, отсылающим к высказыванию, в которое входит.

Литература

Балалыкина Э.А. Современный русский язык. Морфология. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003. 172 с.

Гайнутдинова А.Ф. Возвратные местоимения в современном русском языке (функциональный аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2012. 23 с.

Головёнкина Л.Х. Местоимения в современном русском языке (функциональный аспект). – Архангельск: Изд-во Поморского университета, 2004. 160 с.

Ерёмин А.Н. Местоимения в просторечии (семантика и формальные особенности). – Калуга: Изд-во Калужского госпедуниверситета имени К.Э. Циолковского, 1997.

Ермакова О.П. Местоимения в русском языке: учеб. пособие / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Флинта: Наука, 2008. 80 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. В 2 т. – М.: Рус. яз. 2000 // URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/318826.html> (Дата обращения: 02.03.2019).

Исаченко А.В. О синтаксической природе местоимений // Проблемы современной филологии. – М.: Наука, 1965. С. 159–166.

Камынина А.А. Современный русский язык : Морфология. – М.: Изд-во Московского государственного университета, 1999. 240 с.

Крылов С.А. О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика. – Владимир: Изд-во Владимирского госпединститута имени П.И. Лебедева, 1989. С. 5–12.

Кузнецов С.А. Большой современный толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998 // Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/tolk/66771.html> (Дата обращения: 02.03.2019).

Леденёв Ю.И., Синько Л.А. Класс местоимений в современном русском литературном языке. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского госуниверситета, Армавир: Изд-во Армавирского госпедуниверситета, 2007. С. 71–73.

Мигирин В.Н. Опыт построения классификаций, прогнозирующих развитие местоимений и словообразовательных парадигм // Филологические науки. 1973а. № 3. С. 68–75.

Мигирин В.Н. Язык как система категорий отображения. Кишенёв: Штиинца, 1973б. С. 218.

Морфология современного русского языка. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2009. С. 256–258.

Откупщикова М.И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. – Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета, 1984.

Пипер П. О возвратных местоимениях в русском языке // Актуальные проблемы русской морфологии. – М.: Изд-во Московского государственного университета, 1988. С. 80–87.

Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. – М.: Аспект Пресс, 2003. 464 с.

Русская грамматика. Т. 1. – М.: Наука. 1980. С. 536–537.

Русский семантический словарь / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. – М.: Азбуковник, 2000. С. 16–18.

Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1997. С. 281.

Сидоренко Е.Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. – Киев: Одесса: Лыбедь, 1990. 118 с.

Тришин В.Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS, версия 8.0, 3 июля 2012 г. на 431 тыс. слов (свод общеупотребительной, специальной и заимствованной лексики с синонимическими рядами) // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/101856/%D0%B%D0%B4%D0%B8%D0%BD

Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Словообразование. Морфология. – М.: Просвещение, 1987. 256 с.

Шелякин М.А. Русские местоимения (значение, грамматические формы, употребление). Материалы к спецкурсу «Функциональная грамматика русского языка». – Тарту: Изд-во Тартуского государственного университета, 1986. С. 28–32.

Юсупова З.Ф. Местоимения русского языка. Теория и практика. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2014. 196 с.

Янко-Триницкая Н.А. О местоименной природе «друг друга» // Русский язык в школе. 1975. № 1. С. 68–71.

Янко-Триницкая Н.А. Русская морфология. – М.: Русский язык, 1976.

*Докт. филол. наук Л.М. Шатилова, Е.И. Ануфриева (Орехово-Зуево)
shatilova-79@mail.ru*

СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ЗДОРОВЬЕ» В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА

Под лексико-фразеологическим полем понимается комплекс лексических и фразеологических единиц (ЛЕ и ФЕ), имеющих одну общую семантическую идею (т.е. относящихся к одному макроконцепту), определённые системные отношения и обладающих стилистической неоднородностью [Гусева, 2007, с. 249].

Лингвистическое моделирование ЛФП складывается из трёх основных этапов:

- 1) выявление конstituентов полей;
- 2) определение структурно-семантической организации полей, т.е. выявление макрополей;
- 3) разделение макрополей на микрополя [Гусева, 2007, с. 249].

Отождествление изучаемого материала на предмет принадлежности к ЛФП следует начать с разбора элементов, составляющих подгруппы в составе ЛФП. Поиск языковых элементов-конституентов ЛФП «здоровье» осуществлялся с применением способа сплошной выборки из лексико-фразеологических словарей немецкого и русского языков методом отбора ФЕ и ЛЕ, словарные дефиниции которых или единый смысл которых включают в себя тот или иной аспект здоровья человека.

Для раскрытия ФЕ, вербализирующих анализируемый концепт в форме соответствующего ЛФП, уместно воспользоваться методикой словарных дефиниций Ш. Балли [Балли, 2003, с. 138], которая основана на семантико-логическом способе выявления семантических разрядов слов и предложений.

Данный процесс следует пояснить на языковом материале: в словарных дефинициях ФЕ находится слово-идентификатор, которое изображает концепт «здоровье» в общей форме или нейтральной. Ключевое слово-идентификатор дает возможность соотнести ту или иную единицу с определенным семантическим разрядом, и выступает в этом значении архисемой данного семантического разряда. Подобные идентификаторы выступают эксплицитными идентификаторами. Исследовав два языка, мы получили следующие результаты.

В немецком языке ЛЕ, обладающие лексическим смыслом «здоровье» во всех возможных аспектах, стали следующие лексемы, которые можно разделить по частеречной принадлежности, например:

а) глаголы: sein, kommen, bekommen, haben, ansetzen, platzen, gehen, liegen, aufgehen, strotzen, wüsten, kranken, aufregen, fühlen, sich ruinieren, zunehmen.

б) существительные: Gesundheit, Gewicht, Besserung, Mann, Krankheit, Kost, Arznei, Atem, Bauch, Beine, Breite, Damm, Deck, Eisen, Fett, Frosch, Genick, Ell(en)bogen, Fahrt, Fett, Form, Hals Kampf, Haut, Herz, Höhe, Kraft, Kragen, Leib, Leben, Licht, Luftschenke, Lebensmark, Magen, Mumm, Nase, Natur, Nerven, Speck, Wohlbefinden;

в) прилагательные и наречия: heiss, kalt, mager, dick, tüchtig, gut, schlecht, massig, krank, frisch, gesund, reich, wohl, nervlich, gesund;

в русском языке:

а) глаголы: выздороветь, растолстеть, полнеть, быть, губить, идти, заболеть, болеть, хандрить, чувствовать, закружиться, обладать, говорить, свернуть, потеть, выдохнуться, напрягаться, бороться, знобить, охрипнуть, дрожать, ослабеть, истощать, изнурять, похудеть, шмыгать, дышать, лежать, нервничать, оправиться и т.д.;

б) существительные: шея, болезнь, лихорадка, жар, холод, здоровье, сила, энергия, бодрость, тело, диета, ноги, живое, нос, воздух, желудок, толстяк,

больной, голова, человек, форма, выносливость/ невыносливость, борьба, терпение, пот, здоровье, поправка, бык, лекарство, брюшко, голова и т.д.;

в) прилагательные и наречия: выносливый, больной, здоровый (здоров), сильный, энергичный, толстый, дородный, хорошо, полезный (полезно), неважно (себя чувствовать), хриплый, нервный, слабый, голодный, изрядно, свежий.

При анализе данного материала была выявлена проблема отсутствия эксплицитного идентификатора во ФЕ. Процесс обособления семантического разряда в данных ситуациях был направлен на доведение цепи словарных дефиниций до главного слова, т.е. базового слова – идентификатора принадлежности ФЕ к ЛФП «здоровье». Идея здоровья прослеживается в таких ФЕ имплицитно, т.е. с учетом общего комплексного смысла всей ФЕ, не выводимого из значений отдельных ее составляющих лексем.

Данный процесс следует пояснить:

Нем. язык: *Wie ein Hefekloß (auch: ein Pfannkuchen; eine Dampfnudel) aufgehen* → *wie ein Pfannkuchen aufgehen* → *wie ein Hefekloß (auch: ein Pfannkuchen; eine Dampfnudel) aufgehen* → *Mit dieser umgangssprachlich scherzhaften Redewendung drückt man aus, dass jemand sehr dick wird* [Deacademic. Электронный ресурс] или *Nerven haben (auch: kennen)* → *wird umgangssprachlich gesagt um auszudrücken, dass jemand eine sehr nervliche Konstitution hat* [Deacademic. Электронный ресурс].

Рус. язык: *шмыгать носом* → *шмыгать носом* (разг.) – делать носом втягивающие движения, хлюпать [Толковый словарь Ожегова. Электронный ресурс] или *меня знобит* → I. что, кого, холодить, студить, морозить; безл. быть морозу. Чем знобит кучера у подъезда. отпустил бы его домой. На дворе знобит. → II. Меня знобит, мне холодно. Лихорадка знобит, трясет, бьет [Dic.academic.ru. Электронный ресурс].

Таким образом, выявление эксплицитных и имплицитных идентификаторов принадлежности ФЕ к исследуемому ЛФП имеет важное значение, исходя из двух оснований: во-первых, при формировании внутренней структуры ЛФП, в частности структуры микрополей, во-вторых, при планируемом в дальнейшем лексикографическом представлении выявленного состава ЛЕ и ФЕ ЛФП «здоровье».

Литература

Гусева А.Е. Сопоставительная фразеология: состояние и перспективы развития // Вестник МГОУ. Сер. «Лингвистика». Вып.1. 2007. С. 247–255.

Балли Ш. Язык и жизнь / пер. с фр. – М.: УРСС, 2003. 232 с.

Толковый словарь Ожегова. – URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9095> (дата обращения: 3.01.2019)

Бирюкова, Е.В., Попова, Л.Г. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2015. №11-3 (53). С. 40–43.

Калятин И.С. Поле обоснования в немецком языке и грамматические средства его выражения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-3 (61). С. 96–100.

Шатилова Л.М., Борисова В.В. Сопоставительный анализ концепта «правда/истина» в русской и французской языковой картине мира // Филологические науки : Вопросы теории и практики. 2017. № 11-2(77). С. 175–178.

Шатилова Л.М. Актуализация лингвокультурологических категорий эксплицитности и имплицитности как концептуальных доминант в немецкой и русской языковой картине мира: Автореф. дисс. ...доктора филологических наук: 10.02.20. – М., 2011. 43 с.

Deacademic. – URL <http://www.deacademic.com> (дата обращения: 15.12.2018)

Dic.academic.ru. – URL <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 17.12.2018)

Deutsch-sprechen. – URL <https://deutsch-sprechen.ru/немецкие-пословицы/> (дата обращения: 15.12.2018)

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

*Канд. филол. наук Ф.И.Артыкбаева, преподаватель Г.Р.Писарева,
магистрантка Ш.М.Султанкулова (Казахстан, Шымкент)
artykbaieva.fazila@mail.ru ; galina_ro@list.ru*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Исследование ментальных процессов, связанных с речемыслительной деятельностью человека, имеет давнюю историю, представлено разными направлениями и школами.

Человек, участвуя в совместной (и, что особенно важно, – речевой) деятельности с другими представителями национальной общности, является носителем определённой национальной ментальности и языка. Особую значимость в этой связи приобретают исследования в области межкультурных контактов, соотношения национальных культур, выявления национально-культурной специфики речевого поведения и менталитета этноса, что объясняется современными попытками интеграции народов в глобализирующемся мире, с одной стороны, и одновременно «мозаичностью» культурного пространства, с другой стороны. Эти обстоятельства вынужденно ставят проблему поиска новых путей развития и взаимодействия культур во главу исследования разных гуманитарных наук: активизировались исследования в этой области в русле психолингвистики, этнолингвистики, этнопсихологии, культурологии, конфликтологии, при этом во многих исследованиях наблюдается тенденция к интерпретации языка как явления национальной культуры, всё чаще подчёркивается мысль о том, что язык – это явление культуры или компонент культуры общества.

Если считать исходной позицией в исследованиях взаимоотношения языка и мышления, языка и сознания гумбольдтианский постулат о том, что «язык есть орган, образующий мысль» [Гумбольдт, 1985, с. 90], то он действительно стал отправной точкой большинства современных лингвофилософских исследований, стремящихся «распутать клубок» непростых взаимоотношений языка и мышления, их взаимообусловленность и взаимозависимость. Другой общеизвестный в науке тезис о том, что «язык есть практическое, <...> действительное сознание» [Маркс, Энгельс, ПСС, т. 3, с. 29], отсылает нас к мысли о соотносительности сознания как философско-психологического феномена и языка как социальной системы. Этот тезис вплотную приближает исследователей к изучению психологического содержания сознания, и лучше всего это высказывание Маркса прокомментировал известный психолог А.Н.Леонтьев: «...то, в чём и при помощи чего существует сознание общества, есть язык» [А.Н.Леонтьев, 1988, с. 8]. Эти рассуждения привели к трактовке психологами (Л.С.Выготским, А.Н.Леонтьевым и др.) общепринятой сейчас деятельностной природы сознания, которая вместе с тем опирается на другой классический

гумбольдтианский постулат: «Язык есть не продукт деятельности (ergon), а сама деятельность (energeia)» [Гумбольдт, 1985, с. 90].

В целом эти исследовательские задачи объединяли стремление учёных смежных отраслей искать ответ на вопрос о том, что же такое сознание (и языковое сознание в частности – как его разновидность), каковы онтологические предпосылки и принципы построения теории сознания, каковы его структура и механизм функционирования. Так впервые в исследовании языка и сознания ученые подошли к многозначно понимаемому термину «языковое сознание».

Особый вклад в разработку организации внутреннего лексикона человека и теории сознания внесён Тверской психолингвистической школой под руководством А.А. Залевской [Залевская, 2005, с. 35].

Разрабатывая теорию значения слова, А.А. Залевская предлагает к числу ведущих направлений при выявлении и описании значения как достояния индивида отнести ассоциативный, параметрический, признаковый, прототипный и ситуационный подходы. Проблема значения всегда была одной из сложнейших в философии, психологии, лингвистике.

Литература

Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. 370 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. / Избранные труды. Ч.1. Слово в лексиконе индивида. Психолингвистические проблемы семантики слова. – М.: Гнозис, 2005. 542 с.

Леонтьев А.Н. [Материалы о сознании] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1988. № 3. С. 6–25.

Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах // Сочинения. Изд. второе. Т. 3. – М.: ГИПЛ, 1955. С. 15–78.

David Krasovec, PhD (France)
davidkrasovec@yahoo.fr

LE LANGAGE ET LA PENSÉE: ONT-ILS UNE GÉNÉTIQUE ET UN LIEU DANS LE CERVEAU ?

Il y a en linguistique le débat récurrent de savoir si le langage précède la pensée ou le contraire. Pour certains, on aurait une pensée innée et le langage aurait été formé pour nous aider à formuler cette pensée et à la transmettre ; pour d'autres, notre activité cérébrale ne fait qu'utiliser un langage appris et, donc, notre pensée ne découlerait-elle que de l'utilisation de ces signes sémiotiques culturels, «signes publics qui sont la substance même de la pensée» ? [Frath, 2007]. Ces considérations sont anciennes, on peut en distinguer les prémices il y a déjà plusieurs siècles, ces débats ont servi à former diverses écoles qui se sont opposées au XXe siècle (behaviorisme, cognitivisme, structuralisme).

Il y a aussi la question de savoir si le langage est inné ou non, Noam Chomsky pensait avoir prouvé que oui, la médecine pense que non, puis des journaux en 2018

prétendent qu'on a localisé le lieu de la conscience dans le cerveau. Tout cela révèle surtout une énorme confusion entre diverses idées (conscience, pensée, langage) et les approches (stimulation, perception, traitement des informations, énonciation) qui font que tout le monde peut avoir raison et tort. C'est pourquoi on attend beaucoup des expériences en cours sur la cartographie du cerveau pour enfin savoir comment il fonctionne – bien que ce soit bien sûr une illusion, c'est un espoir basé sur une conception mécaniste et fonctionnaliste des sciences.

D'autres, enfin, essaient de donner une dimension génétique au langage, comme si le langage articulé était un phénomène physiologique soumis aux lois de l'évolution biologique.

Notre propos n'est pas de trancher ces questions, mais de répondre à une seule question précise : qu'est-ce qui, dans la méthode même, fait que les linguistes interprètent mal les résultats des recherches en médecine ? Est-ce simplement un manque de connaissances des protocoles expérimentaux en médecine, et des modèles mathématiques qui interviennent à tous les niveaux (fabrication des scanners et des séquenceurs de gènes, interprétation des signaux physiques pour reconstituer des images)? Un problème épistémologique (ce n'est pas un hasard si un des pères de la sémiologie, Charles Peirce, s'intéressait d'abord à la logique et l'épistémologie), ou une raison plus profonde propre à la linguistique – qui serait de croire qu'on peut formuler une explication de tous les phénomènes ? Est-ce que les systèmes normatifs de la grammaire et de la linguistique ne nous donneraient pas la fausse illusion qu'il existe des « lois » biologiques ou physiologiques ?

Et, finalement, faut-il encore essayer d'élaborer de nouveaux systèmes spéculatifs en sémiologie (ce qui est le propre des sciences expérimentales) pour ensuite les vérifier? Ou faut-il adopter une position sceptique (n'accepter aucun résultat qui n'a pas été prouvé de façon irréfutable), tout n'est plus qu'hypothèse? Ces deux tendances se concurrencent aujourd'hui, entre les deux on trouve les psychologues cliniciens qui ont leurs propres méthodes et une expérience concrète à la fois de la médecine clinique et de la complexité de la psychologie de gens vivant dans la réalité, et qui essaient avec les patients de recréer un langage entre eux et le monde social.

Ces questions sont particulièrement importantes à une époque où beaucoup de théories de la connaissance et de la perception sont bousculées par l'antispécisme et le transhumanisme.

Nous allons répondre à ces questions en nous basant uniquement sur la méthodologie de l'infogénétique (nous sommes en contact avec des chercheurs de l'Université Sorbonne-Nouvelle à Paris, de l'Université d'Oxford, et de l'Université de Tsukuba au Japon), et sur les protocoles expérimentaux de cartographie du cerveau en Europe et aux Etats-Unis, et sur la façon dont les linguistes les perçoivent.

Bibliographie

Albano Leoni, Federico. Genetics, Linguistics and the 'Serial Founder Effect'. A Case Study [article] // Histoire Épistémologie Langage, Année 2016. – 38/1. – Pp. 141-158.

Chalmers, David. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. – Oxford: Oxford University Press, 1996.

Costa, James. *Faut-il se débarrasser des «idéologies linguistiques»? // Langage & Société. №° 160–161, 2017, p. 111–127.*

Eco, Umberto. *La Production des signes*, coll. *Biblio essais*. – Paris: Librairie générale française, 1992.

Frath, Pierre. *Signe, référence et usage*, Editions Le Manuscrit. – Paris, 2007.

Putnam, Hilary. *Reason, Truth, and History*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

*Давид Красовец, PhD (France)
Доцент ИГСУ РАНХиГС (Москва)
davidkrasovec@yahoo.fr*

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: ИХ ЗАРОЖДЕНИЕ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ В МОЗГЕ?

Языковеды давно пытаются ответить на вопрос, что первично, язык или мысль. Поиски ответа привели к формированию таких течений как бихевиоризм, когнитивизм, структурализм.

Не решен и вопрос о том, является ли владение языком врожденной способностью. Н. Хомский отвечал на этот вопрос положительно, а современная медицина – отрицательно. А в 2018 г. научные журналы сообщили, что обнаружена зона локализации сознания в мозге. При этом становится очевидной нечеткость определения понятий (сознание, мысль, язык) и подходов (стимулирование, восприятие, обработка информации, высказывание). Именно этим объясняется интерес, вызываемый изучением картографии мозга.

Приведут ли эти исследования к появлению новых теорий познания?

Мы попытаемся ответить на эти вопросы, опираясь исключительно на методологию инфогенетики (мы присоединились к работе по этой теме, которая ведется в Университете Новая Сорбонна, Оксфордского Университета, Университета Цукуба в Японии) и основываемся на протоколах опытных исследований картографии мозга в Европе и США, используя лингвистические методы трактовки проблем.

Краткий перевод – канд. филол. наук И.И. Ковалевская

*Докт. психол. наук Л.В. Черемошкина (Москва)
lvch2007@yandex.ru*

ЧУВСТВО ЯЗЫКА В СТРУКТУРЕ ИНТЕЛЛЕКТА

Чувство языка или языковая интуиция – одна из составляющих лингвистических способностей. Лингвистические способности представляют собой симптомокомплексы когнитивных процессов (от перцептивных до мыслитель-

ных), обеспечивающих результативность освоения языка. Способности выполняют инструментальную функцию в процессе формирования навыков аудирования, письма, чтения и говорения. Способности, умения и навыки организуют новую информацию в знания, специфика репрезентации которых в сознании и подсознании изучающего язык субъекта индивидуальна. Вновь поступающая информация соотносится с уже имеющейся картиной «языкового мира» и понимается через нее. Иначе говоря, новое языковое явление должно быть подведено под то общее, что известно человеку. В противном случае понимания лексики, грамматических правил или тонкостей произношения не произойдет. Это универсальная закономерность. Применение ее рождает многочисленные вопросы: на какую картину индивидуальных знаний опираться в процессе преподавания языка, стоит ли целенаправленно формировать иноязычное мышление, каковы теоретические подходы и методические приемы к решению этих проблем и др.

Интеллект – это многоуровневое единство познавательных способностей личности и ее картины мира, смыслом функционирования и развития которого является установление причинно-следственных связей, понимание и сохранение информации, прогнозирование и создание нового. Интеллект и лингвистические способности «сосуществуют» как «вложенные» друг в друга открытые системы.

Системообразующей клеточкой интеллекта является способность. Но это взаимодействие реверсивно. Интеллект, как система индивидуальных репрезентаций, может выступать в качестве основы проявления лингвистических способностей, обеспечивая скорость, точность и качественное своеобразие выполнения задания или продуцирования нужного результата.

Базовая подструктура интеллекта проявляется в качестве симультанных образов языковых явлений, «до» их изучения. Другими словами, без вслушивания, соизмерения, сравнения тонов, полутонов, оттенков и прочих перцептивных действий, обеспечивающих фонематическое восприятие. В описании этапов формирования сенсорного образа – это первая и вторая стадии: обнаружение объекта и различение, выделение в объекте отдельных признаков, то есть до включения перцептивных действий. Во-вторых, в тех случаях, когда субъект запечатлевает или непосредственно и произвольно запоминает.

Далее, это произвольное, непреднамеренное оперирование вторичными образами: поворачивание, переворачивание, трансформация старых образов и возникновение новых при отсутствии сознательной регуляции процесса. В-четвертых, это неосознаваемая концентрация психической активности на чем-либо. И, наконец, в тех случаях, когда имеет место мышление «до слов»; мышление, процессуальные характеристики которого скрыты от сознания субъекта, а результатами являются: догадки, внезапные озарения, мгновенное понимание.

Именно на этом, невербальном, уровне интеллекта необходимо искать истоки интуиции, в том числе, языковой, которая называется чувством языка.

Проявлениями «дословесной» интеллектуальной активности являются всплески идей, юмор, неожиданные метафоры и ассоциации. В процессе освоения иностранного языка невербальный интеллект с наибольшей отчетливо-

стью проявляется при, так называемом, коммуникативном стиле его освоения, когда наличие или отсутствие чувства языка определяет результат.

Развитие лингвистических способностей в онтогенезе и в процессе обучения связано с появлением в их структуре способов преобразования языковой информации для того, чтобы «вплести» ее в имеющийся опыт, чтобы понять, запомнить, сохранить и использовать. Вербальный уровень интеллекта обусловлен появлением способов обработки информации.

Эффективность этого уровня интеллектуальной деятельности будет различной в зависимости от того, в каком виде субъект «вплетает» информацию в свой опыт: в виде понятий, образов, ассоциаций, в виде конкретных примеров или др. Поэтому вербальный уровень интеллекта представляет собой единство умственных действий и тех репрезентаций, которыми субъект владеет. Результатом процесса взаимодействия умственных действий и семантических зон является образование неких когнитивно-личностных структур, обеспечивающих репрезентацию конкретной информации.

Лингвистические способности можно рассматривать и как совокупность когнитивно-личностных образований изучающего язык или владеющего им. Чувство языка, таким образом, является одной из составляющих лингвистических способностей и когнитивно-личностных образований. Это дает основания рассматривать чувство языка как природную данность базового уровня интеллекта и формируемую способность в процессе изучения языка и развития вербального интеллекта.

*Канд. пед. наук Н.В.Шишоница (Пятигорск)
0977778@mail.ru*

О СЛОЖНОСТИ ЯЗЫКА ПЕРЕВОДА В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

Перевод художественного текста является результатом творческой речемыслительной деятельности переводчика. Согласно эвристической модели перевода [Минченков, 2007, с. 37] перевод представляет собой объективацию средствами языка перевода (далее – ПЯ) структуры смыслов, сформированной в результате интерпретации переводчиком исходного текста (ИТ) [Минченков, 2007, с. 65]. В рамках такого подхода перевод рассматривается не как процесс трансформации одного текста в другой, а как процесс формирования смысловой структуры и дальнейшего воплощения этой структуры средствами другого языка [Минченков, 2007, с. 67]. Соответственно, единицей перевода признается «субъективный концепт-смысл», а в процессе перевода выделяются операции по формированию смысла при движении от ИТ к внутренней речи и совмещению смыслов, заданных ИТ со значением единиц ПЯ [Минченков, 2011, 144].

При переводе сложность конструирования смысловой структуры ИТ и соотносящейся с ней смысловой структуры текста перевода (ПТ) усугубляется такими факторами, как художественная образность текста, содержательность

его формы и гиперсемантизация слова. Воплощение смысловой структуры ИТ средствами ПЯ требует от переводчика применения разнообразного репертуара переводческих трансформаций. По мнению А. Д. Швейцера, переводческие трансформации являются межъязыковыми операциями «перевыражения» смысла [Швейцер, 1988, с. 118].

В переводоведении существует разнообразие подходов к классификации переводческих трансформаций. Выделяются лексические, грамматические и семантические преобразования исходного текста [Комиссаров, 2002, 57]. Суть лексических трансформаций состоит в замене отдельных лексических единиц ИЯ лексическими единицами ПЯ, которые не являются их словарными эквивалентами. Выделяют следующие разновидности лексических трансформаций: транскрибирование и транслитерация, калькирование, лексико-семантические замены, к которым относятся конкретизация, генерализация и модуляция. К комплексным лексико-грамматическим трансформациям относятся антонимический перевод, экспликация (описательный перевод) и компенсация [В.Н.Комиссаров, 2002, с. 283].

Специалисты в области теории перевода считают, что переводческие трансформации входят в структуру такого макропроцесса перевода, как переводческий трансфер, который представляет собой «адаптацию смысла оригинального сообщения к другой (инойязычной) форме его выражения» [Устинова, 2017, с. 141]. Художественный смысл очень зависим от языковой формы выражения. Т.В. Устинова объясняет многочисленность и сложную организацию системы переводческих трансформаций в поэтическом переводе следующим образом: «Формальная чувствительность семантики поэтического сообщения ("содержательность формы" в поэзии) объясняет масштаб смысловых трансформаций при переводе: символические единицы двух языков имеют разные внутрисистемные связи и по-разному взаимодействуют с форматами знания, а нестандартное творческое преобразование языковой единицы в поэтическом контексте задает уникальную концептуальную конфигурацию, объективировать которую в том же виде с помощью единиц другой языковой системы будет практически невозможно» [Устинова, 2017, с. 141].

Суть переводных модуляций заключается в более глубоком семантическом толковании переводчиком исходного сообщения, выраженного в данном текстовом отрезке, и замены единицы ИЯ контекстуально обусловленной и логически связанной с ней единицей ПЯ. При соотнесении значений единиц ИЯ и ПЯ, выбранных переводчиком в качестве текстовых эквивалентов, можно установить отношения, построенные на принципах смежности и сходства выражаемых ими понятий. Мы считаем, что модуляция как переводческая трансформация влечет за собой изменение образности в ПТ по сравнению с ИТ.

Рассматривая модуляцию как разновидность метонимического перевода, Т.В. Устинова подчеркивает, что в ПТ могут быть реализованы различные типы метонимических отношений между концептами ИЯ и ПЯ: отношения, относящиеся к категории *действия* (*инструмент* вместо *действия*, *агент* вместо *действия*, *действие* вместо *результата* и др.), категории *причина и следствие* (*состояние* вместо *причины состояния*, *физиологический эффект* вместо *эмоции* и

др.), категории *производство* (*производитель* вместо *продукта*, *место производства* вместо *продукта* и др.), категории *обладание* (*обладатель* вместо *предмета владения* и др.) [Устинова, 2017, с. 164]. При выборе текстового эквивалента переводчик акцентирует внимание читателя на отношениях смежности описываемого явления/предмета с другими явлениями/предметами: сам предмет может быть заменен его признаком, процесс – следствием, признак – предметом или процессом и т. д.

Таким образом, в рассматривая ПТ следует учесть, что модуляция используется как переводческая трансформация, влияющая на смысловую структуру ПТ. Устанавливая между концептами ИЯ и ПЯ отношения по принципу смыслового расширения, переводчик перераспределяет внимание потенциального читателя переводного поэтического произведения и задает другие (по сравнению с оригиналом) основания для конструирования художественного образа. Данные заключения по результатам сопоставительного исследования разноязычных поэтических текстов подтверждают тезис о том, что ПТ является одним из вариантов смысловой проекции ИТ, структура и качество которой зависит от психотипических и речемыслительных особенностей языковой личности переводчика как субъекта речетворческой деятельности.

Литература

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение : учеб. пособие. – М. : ЭТС, – 2002. – 424 с.

Минченков А. Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности / А.Г.Минченков. – СПб. : Антология, 2007. – 256 с.

Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода: теоретические основы, верификация, возможности приложения. – LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 288 с.

Устинова Т.В. Неконвенциональное смыслообразование в поэтической речи: опыт лингвокогнитивного моделирования читательской рецепции : монография / науч. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2017. 187 с.

Швейцер А.Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). – М. : Наука, 1988. 215 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

*Магистр И.М.Алиханова, преподаватель Г.Т.Юсупова (Казахстан, Шымкент)
irada.irada1985@mail.ru, Guzal.Yussupova@inbox.ru*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Говоря о политическом дискурсе, следует обратить внимание на его институциональные характеристики, так как сам политический дискурс не может существовать без коммуникации. Институциональное общение – это коммуникация представителей той или иной социальной группы в типичной дискурсивной ситуации [Ахатова, 2006, с. 270], само же понятие института в целом взаимосвязано с коммуникацией, поскольку ни один социальный институт не может существовать без происходящего в его рамках общения. В настоящий момент в лингвистике все чаще проводятся исследования в области политического дискурса как разновидности институционального общения и наиболее значимого для социума, а работы, посвященные именно предвыборному дискурсу отсутствуют. Политическая жизнь социума изменилась и стала настолько значимой, что можно с уверенностью говорить о том, что политический дискурс является неотъемлемой частью современного общества. Как известно, язык и политика не могут существовать раздельно, так как ни один политический режим не может обходиться без политических действий, которые по своей природе являются коммуникативными актами. Как отмечает В.З.Демьянков, предназначение политического дискурса – не просто "описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию" [Демьянков, 2003, с. 255].

Поэтому эффективность политического дискурса следует определять относительно этой цели. посредством языка политики не только информируют, проводят законодательные акты, ведут дебаты, выступают перед избирателями, но также и убеждают и манипулируют общественным сознанием. Поэтому есть предпосылки считать, что политический дискурс является одним из наиболее важных видов институционального общения. К числу институциональных характеристик политического дискурса относятся его функции. К основным функциям политического дискурса Р. Водак [Wodak, 1996, с. 327] относит:

- 1) персуазивную (убеждение),
- 2) информативную,
- 3) аргументативную,
- 4) персуазивно-функциональную (создание убедительной картины лучшего устройства мира),
- 5) делимитативную (отличие от иного),
- 6) групповыделительную (содержательное и языковое обеспечение идентичности).

Цель и общественная предназначенность политического дискурса – внушить адресатам (электорату) необходимость «политически правильных» действий и оценок.

Если представить политический дискурс в виде круга, то ядро институционального дискурса представляет собой общение пары участников, характерной для данного вида дискурса. В политическом дискурсе это общение политика с избирателями. Наряду с общением основной пары, в данном случае общение политика с электоратом, также происходит общение участников политического поля, которыми являются представители власти, СМИ а также политологи. По концепции А.Н. Баранова и Е.Г. Казакевича [Баранов, Казакевич, 1991, с. 63], политический дискурс образует «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освещенных традицией и проверенных опытом», подчеркивается его институциональность. В институциональном дискурсе общение происходит не между конкретными людьми, а между представителями одного или разных социальных институтов (правительства, парламента, общественной организации, муниципалитета) и представителем другого социального института или гражданином (избирателем).

Интенция борьбы за власть – это отличительная черта политического дискурса. Она имманентно присутствует во всех его жанрах, таких как:

- 1) агитационная речь;
- 2) дебаты в парламенте;
- 3) дискуссии;
- 4) политическое интервью и т.д.

В связи с этим, в политической коммуникации речь может быть понята и осуществлена как борьба участников соревнования. Политика, если её понимать как борьбу за завоевание и удержание власти, – это, безусловно, преимущественно сфера агонального мышления, сфера бытования агональных речевых идеалов. Следовательно, политический дискурс представляет собой демонстрацию борьбы, агона: «ожесточенная борьба за власть разыгрывается как состязание, как большие национальные игры, для которых важны зрелищность, определенные имиджи, формы проявления речевой агрессии и т.д.» [Шейгал, 2000, с. 157].

На языковом уровне определяется, что избираемый коммуникантами способ общения предопределён как агональность политического дискурса:

- 1) наличием противоборствующих сторон (агональность, как и всякая борьба, не может быть реализована без соперника),
- 2) наличием адресата-наблюдателя (агон – это, помимо борьбы, и театральное представление, немислимое без зрителей). В зависимости от цели высказывания в политической коммуникации

Различают следующие виды жанров:

- 1) информативные,
- 2) оценочные
- 3) императивные жанры.

Как было вышеупомянуто, политическая коммуникация преимущественно институциональна: общение происходит не между конкретными коммуникантами, а между представителем одного социального института (правительства, парламента, общественной организации, муниципалитета и т. п.) и представителем другого социального института или "гражданином", "избирателем", где образуется благоприятная среда для убеждения и манипулирования сознанием слушателей, избирателей.

Литература

Ахатова Б.А., Политический дискурс и языковое сознание. Монография. – Алматы: Экономика, 2006. 270 с.

Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Отв.ред. Володина М.Н. – М.: Изд.во Московского государственного университета им.М.В.Ломоносова, 2003. С.116–133.

Wodak R. Disorders in Discourse. – London: Longman, 1996. 200 p.

Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре). – Москва: Знание. 1991. 63 с.

Шейгал Е.И. Невербальные знаки политического дискурса // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики: Сб. научн. трудов. – Волгоград: Политех, 2000. С. 157–161.

*Канд. филол. наук Е.Н. Антонова, канд. филол. наук В.И. Ершов (Москва)
stchl@yandex.ru ; ershovik@mail.ru*

ФЕНОМЕН ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПАРАМЕТРИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ К ОБЩИМ ВОПРОСАМ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Лингвистические исследования современной науки находятся в тесной взаимосвязи с прочими социально-гуманитарными учениями, поэтому прослеживается тенденция формирования новых исследовательских областей на пересечении уже сложившихся. В связи с этим все большую популярность набирает психолингвистика как симбиоз языковедения и психологии, основанный на взаимосвязи мышления, сознания и языка.

Понимание данной дисциплины впервые сформулировал известный американский психолог прошлого столетия Джейкоб Роберт Кантор в 1936 году в книге «Объективная психология грамматики». Но широкое распространение психолингвистика получила только после публикации статей его учеников [Белянин, 2003, с. 3].

В свою очередь дискурс, являясь многозначным термином, представляет собой монологическое языковое полотно, развивающееся и реализующееся в

конкретных речевых ситуациях, в письменных и устных текстах. Повсеместно используются филологами дискурсивные формы изучения того или иного языкового явления [Антонова (Сычёва), 2017; Ломакина, 2018]. При этом стоит сказать, что феномен поэтического дискурса заключается в его психолингвистической природе.

Так, американский психолог и лингвист Стивен Пинкер считает, что «люди думают не на английском, китайском или языке апачей; они думают на мыслекоде». Ученый, однако, отмечает, что в силу независимости языкового строя, его законов и закономерностей от кодов сознания человека и «абсолютной бескрайности языка» грамматику все же следует определять как «дискретную комбинаторную систему» [Пинкер, 2004, с. 69–73].

Психолингвистические аспекты поэтического дискурса отражены и в литературной классике, где представлена галерея персонажей, по роду деятельности далеких от словотворчества, но на уровне увлечения демонстрирующих незаурядные способности в стихосложении, например герой романа Б. Л. Пастернака доктор Ю. Живаго. Не секрет, что и общественно-политический деятель XIX-го столетия Ф. И. Тютчев не относился серьезно к своим выдающимся стихам, значимость которых в мировой художественной литературе сложно переоценить.

Попытаемся проследить параметрические закономерности языка и мышления на примере художественных текстов Ф. И. Тютчева. В стихотворении «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского» [Тютчев, 1987, с. 204] (далее иллюстративный материал приводится по данному изданию с указанием названия стихотворения и страницы) встречаются такие строки с претензией на афористичность:

*У Музы есть различные пристрастья,
Дары ее даются не равно...*

Центральной темой данной поэтической выдержки является понятие об удаче, которая, как известно, далеко не всегда зависит от человека, а дается свыше: поэтам – музами, которых, по эллинской традиции, насчитывается девять. Метафоричность данного высказывания позволяет читателю поддаться воображению и самостоятельно представить Музу.

Здесь происходит включение когнитивных способностей, то есть, по Ю. Н. Караулову, личностных возможностей понимания и создания произвольного текста, которые характеризуют адаптивное умение носителя или пользователя языка устанавливать эпидигматические, парадигматические, синтагматические связи между различными полюсами тезауруса, а также невзаимосвязанными элементами языковой картины мира [Караулов, 2006, с. 113].

В следующей интенции, взятой из стихотворения «Михаилу Петровичу Погодину» (С. 239), поэтом поднимается серьезная проблема о значимости творческого наследия в жизни современников.

*В наш век стихи живут два-три мгновенья,
Родились утром, к вечеру умрут.*

Довольно пессимистично рассуждает Ф. И. Тютчев на этот счет. Он говорит о кратковременности жизни стихов, что является доказательством его несе-

рьезного отношения к своему творчеству. Психолингвистическая нагрузка приходится на категорию времени глагольных форм и на антонимические корреляции «родились – умрут», «утром – к вечеру», между которыми располагаются «два-три мгновенья».

А из стихотворения «Да, вы сдержали ваше слово...» (<А. М. Горчакову>) (С. 339) выделим такие строки:

*Счастлив в наш век, кому победа
Далась не кровью, а умом...*

Для параметрического позиционирования дискурсивных констант неизбежно обращение к истории создания поэтического текста.

С именем А. М. Горчакова связаны выдающиеся победы российской дипломатии. В 1870 г. он виртуозно использовал противоречия между державами, подписавшими Парижский договор 1856 г. и отстаивал права России иметь на Черном море флот и укрепленные базы. Именно тогда появилось на свет это стихотворение. Ф. И. Тютчева с А. М. Горчаковым связывало взаимное сотрудничество на протяжении семнадцати лет, что подтверждают «политические письма» – почти половина из всего тютчевского эпистолярия. [Тютчев, 1987, с. 417–418].

Следующая выдержка из указанного стихотворения может быть рассмотрена в качестве отдельной афористической зарисовки – плода философской мысли:

*...Счастлив, кто точку Архимеда
Умел сыскать в себе самом...*

Однажды Архимед сказал: «Дайте мне точку опоры, и я сдвину землю». С этим связано появление фразеологизма «Архимедов рычаг», обозначающего мощную силу при достижении поставленной цели. Законы механики, открытые античными философами, Ф. И. Тютчев переносит на повседневную жизнь. По его мнению, счастлив тот человек, который смог определиться со своим назначением, жизненной концепцией и моделью поведения в социуме. Счастье как абстракция у Ф.И. Тютчева нередко выступает элементом афористических выражений. Надо отметить, что «счастье» (15), «счастливый» (14) не относятся к высокочастотным словам в оригинальных и переводных стихах классика, однако задают параметры в психологическом настрое всего поэтического феномена.

Ведя разговор о речемыслительных взаимодействиях в авторском дискурсе, не можем не коснуться одного из самых известных стихотворений-четверостиший Ф. И. Тютчева «Природа – сфинкс. И тем она верней...»:

*Природа – сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней (С. 248).*

Скрытое сравнение и метафоричность семантики формируют афористический контекст, относящийся к таким, которые невозможно сжать при выделении афоризма как языковой единицы. Поэт сопоставляет природу и сфинкса, в обоих случаях изображается неразгаданная тайна. Парадоксальным представля-

ется вывод: может быть, не существует неразрешимых загадок, а ответы на все вопросы очевидны.

При выделении интенции афористического свойства из стихотворения «Две силы есть – две роковые силы...» (С. 243) необходимо предварительно поработать с контекстом. К примеру, тютчевская психологема структурно может выглядеть так:

Свет не таков:...

Не косит сплошь, но лучшие колосья

Нередко с корнем вырывает вон.

Ослабление или полная утрата самостоятельности некоторых компонентов языковой единицы нередко приводит к тому, что в процессе коммуникации они могут опускаться. Здесь следует говорить о полном и усеченном (сжатом) вариантах одного и того же афоризма. В результате усечения, как правило, афористическая единица сохраняет семантику, но может изменить грамматические свойства. Это зачастую позволяет расширить контексты употребления, диапазон сочетаемости, синтаксические, синтагматические, парадигматические и функциональные связи. В свою очередь раскрытию семантики служит имплицитное сравнение людей с колосьями, вырываемыми «с корнем» из общественной жизни. Цели достижения образности служит также звукопись в виде ассонанса на «о».

Парадоксальность тютчевской лирики заключается в том, что при видимой простоте она содержит в своем подтексте сложную когнитивно-перцептивную базу. Поскольку человеческие ум и душа являются неизбежным отражением «Мировых Ума и Души», считается возможным «для человека познание истинно-высшего мира» [Казакова, 2010, с. 74]. Обычно тютчевский мир изящен, полон света и весны, но бывает и тёмным, неприветливым. Л. Н. Толстой видел гениальность лирики Тютчева в первую очередь в «умении взглянуть на жизнь с философской высоты», так как для него (Толстого) «мир есть что-то бесконечное и непонятное», а жизнь человека ему представляется «непостижимой частью этого непостижимого «всего» [Эйхенбаум, 2006, с. 178]. Философичность и таинственность поэтического мира Тютчева распространяется в полной мере на все его творчество, психолингвистические границы часто определяются интуитивно.

Таким образом, параметрические связи дискурса поэтического текста могут быть прослежены и объяснены только сквозь призму психолингвистики. Продуктом когнитивной деятельности становится как лингвистический, так и внеязыковой уровни мышления.

Литература

Антонова (Сычёва) Е.Н. Прагматика современного стихотворческого процесса в свете дискурс-анализа филологической поэзии // III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. – М. : РУДН, 2017. С. 78–84.

Белянин В.П. Психоллингвистика : Учебник. – М. : Флинта, 2003. 232 с.

Казакова И.Б. Природа между временем и вечностью в творчестве Новалиса // Вопросы филологии. № 1 (34). – 2010. – С. 73–82.

Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. – М.: КомКнига, 2006. 168 с.

Ломакина О.В. Крылатика в интернет-дискурсе: функционально-прагматический аспект // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы международной научной конференции. – Тула: ТППО, 2018. С. 254–260.

Пинкер С. Язык как инстинкт: Пер с англ. / Общ ред. В. Д. Мазо. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.

Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Н.Я. Берковского; Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. – Л.: Советский писатель, 1987. 448 с.

Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Семидесятые годы // Ф.И. Тютчев и Л.Н. Толстой. Два гения / Сост. Чагин Г.В., Ремизов В.Б., Козьмина М.А. – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2006. С. 177–182.

*Асп. С.Е. Виноградова, студ. А.Е. Воробьева, Ю.В. Качанова (Москва)
vinogradova.91@ya.ru; anna_vorobyova14@mail.ru; kachanovayuliya@gmail.com*

АЛГОРИТМЫ СОСТАВЛЕНИЯ КОРПУСОВ ДЛЯ «ЖИВОГО СТИЛИСТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»

В эпоху стремительного роста количества информации в самых разных сферах человеческой деятельности возникает острая необходимость автоматического решения многообразных задач, связанных с поиском информации, обработкой текстов, реферированием, корректировкой в различных формах знаний о языке, контролем правильности и уместности выбора.

Сегодня представить стилистический портрет слова носитель языка или осваивающий русский язык может только интуитивно. Предлагаемые в толковых и других словарях стилистические пометы либо устарели, либо приближены к реальности и не отражают реальной жизни слова, динамики его современного употребления. Группа разработчиков проекта электронного «Живого стилистического словаря русского языка» (рук. А.А. Кретов и Г.В. Векшин [см.: Г.В. Векшин, 2017а; Г.В. Векшин, 2018; А.А. Кретов, 2017]), состоящая из опытных и молодых специалистов в области компьютерных и интернет-технологий, русской стилистики, лексической семантики и лексикографии, поставила перед собой цель – обеспечить пользователю электронных устройств оперативный доступ к достоверной и актуальной информации о стилистическом статусе слова – характере его социокультурного и эмоционально-ситуативного бытования.

Весь процесс работы над ЖСС делится на три части:

- создание корпусов – баз данных размеченных текстов, отражающих тот или иной социокультурный контекст и социокультурные роли;
- программная разработка ЖСС;
- редакторская подготовка электронного издания (разработка интерфейса, верстка и пр.).

Рассмотрим последовательность действий при составлении корпуса ЖСС на примере религиозного корпуса, состоящего из религиозных текстов. Религиозным текстом названы тексты, наиболее адекватно отражающие религиозную среду, соотносимые напрямую с контекстами религиозного общения и реализующие соответствующую социокультурную роль – «Я верующий».

Корпусная база ЖСС формируется из текстов первой и второй поисковых волн. Первая волна представляет собой тексты, выданные поиском по данным Нового частотного словаря русской лексики С.А. Шарова и О.Н. Ляшевской [О.Н. Ляшевская, 2009].

Например, для поиска текстов религиозного корпуса был использован следующий стайлсет, состоящий из религиозно значимой лексики и концептов: «церковь», «смерть», «христианский», «ащий», «совесть», «житие», «мя», «иосиф», «исповедание», «распинать», «утреня», «крестить», «хотяб», «быти», «поучение», «верить», «посему». Стайлсетом задается поисковый запрос, в результате которого выдаются тексты первой поисковой волны.

На основании текстов первой поисковой волны формируется запрос текстов второй поисковой волны. Тексты первой волны просматриваются на предмет выявления рядом стоящих специфичных маркеров. Так, в текстах были выявлены такие специфичные маркеры, как *диакон*, *седмица*, *спаси Бог* и др. Новыми маркерами пополняется стайлсет-база, из которой уже в свободном порядке создается новый запрос и достигается более точный поиск текстов, отражающий данный социокультурный контекст и социокультурные роли. Таким образом, вторая волна представляет собой тексты, выданные по поиску частотных данных словаря, а также стилистически окрашенных средств, которые были выявлены экспертами в текстах первой волны.

Основная масса текстов была найдена на сайтах: <http://www.pravoslavie.ru/>, <http://www.patriarchia.ru/>, <https://foma.ru/>, <https://www.pravmir.ru/>, <http://bogorodsk-bлаго.ru/links/>. Найденные тексты обрабатывались с целью устранения пунктуационных и орфографических ошибок, а также приводились к единообразному оформлению и сохранялись в формате .txt. Каждый найденный текст должен быть надлежащим образом размечен в соответствии со следующими характеристиками: заголовок, источник, дата написания, тип источника (например, интернет, газета и т. д.), пол автора, зависимость от типичного социального и прагматического контекста (стиля), социальный слой, возраст, профессия, территория, гендер, ксенологическая и хронологическая специфика, речевые формы (диалог / монолог; стих / проза; фраза / текст), жанровая характеристика.

Процесс разметки выполняется на веб-сайте, где эксперт должен вставить текст, а затем заполнить простую форму, в которой следует выбрать правиль-

ную метку для каждого параметра. Для некоторых параметров разметки, таких как профессиональная специфика, один текст может принадлежать нескольким категориям. Это означает, что такой текст, например, может быть написан представителями нескольких профессий.

Параметр «стиль» считается основным для словаря. Эксперты размечают этот параметр наиболее точно, и все алгоритмы проверяются на нем.

Таким образом формировался корпус религиозных текстов. По аналогии и с учетом специфики соответствующих коммуникативных контекстов формировались и другие корпуса [ср.: А.А. Кретов, 2017; Г.В. Векшин, 2017б], которые послужили затем материалом для глубокого машинного обучения и в настоящее время обеспечивают выдачу основных данных о стилистической окраске слова в «Живом стилистическом словаре русского языка».

Литература

Векшин Г.В. Социальная среда и стилистическая семантика (к описанию лексики в проекте "Живого стилистического словаря русского языка") : тезисы доклада // Сборник тезисов конференции «Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий» : Материалы IX Международной научной конференции (Воронеж, 28-29 октября 2017 г.) / Отв. ред. А.Д. Черенкова. – Воронеж : ВГПУ, 2017а. С. 9–16.

Векшин Г.В., Шилихина К.М. Об источниках словника «Живого стилистического словаря русского языка» // Вестник ВГУ : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж : ВГУ, 2017б, № 3. С. 16–20.

Векшин Г.В. Стилистическая окраска языковых единиц как дейктическое средство (К основаниям «Живого стилистического словаря русского языка») // Материалы XVIII-й Международной научной конференции «Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты» (Орехово-Зуево, 16-18 мая 2018 г.) ; отв. ред. А.В.Пузырев. – Орехово-Зуево : Государственный гуманитарно-технологический университет, 2018. С. 37–41.

Кретов А.А. Лексические приметы религиозного стиля русского языка // Studia Rossica Gedanensia. – Gdańsk : Uniwersytet Gdański, 2017, No 4. С. 83–92.

Кретов А.А. Распределение слова по группам текстов и его стилистическая окраска // Вестник ВГУ : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж : ВГУ, 2017, № 3. С. 5–15.

Ляшевская О.Н. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров ; Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – Москва : Азбуковник, 2009. 1087, [2] с. : табл.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТА “СУДЬБА” В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Одним из актуальных направлений современной лингвистики, позволяющим изучать особенности национально-культурных особенностей менталитета отдельных этносов является изучение концептов в лингвокультурных и лингвокогнитивных аспектах. В связи с повышенным интересом ученых к антропологическим проблемам, концепт «судьба» начинает занимать одно из центральных мест как в понимании сущности человека, так и в определении путей развития культуры и цивилизации. Многие исследователи отмечают, что «судьба» является ключевым компонентом мировоззрения и является одним из самых древних и универсальных. Изучение данного концепта способствует более полному изучению духовной, культурной и социальной сущности человека. Представления о судьбе являются универсальными для человеческой цивилизации, в то же время характеризуется национально-специфическими особенностями для тех или иных этнокультур. Одним из ключевых национальных концептов, сосредоточенных на лингвокультурном пространстве китайской национальной концептосферы является концепт «Судьба» - 命运 [mìng yùn].

Актуальность исследования обусловлена его связью с одним из ключевых направлений современной лингвистики – лингвоконцептологией и заключается в изучении языковой специфики аксиологического концепта «судьба» как важного маркера национального ментального пространства. Среди задач исследования можно выделить следующие: изучить специфику аксиологического концепта «судьба» в китайском языке; определить когнитивную базу, специфику, место и тип концепта «судьба» в китайской концептосфере; выявить основные языковые репрезентанты концепта «судьба» в научном и народно-поэтическом дискурсе; раскрыть феномен концепта «судьба» через посредство смежных концептов; установить когнитивные классификаторы концепта. Для решения данных целей и задач были использованы *методы* концептуального анализа и когнитивного моделирования; метод диахронии, метод синхронии и компаративный метод, позволяющий сопоставить сегменты разных концептосфер и выявить

Проведенный лингвокультурологический анализ позволил нам получить следующие результаты:

В китайском языковом сознании актуальными для тонкого уточнения содержания концепта “судьба” оказываются следующие признаки:

- Судьба – это божье предопределение. Это непостижимая предопределённость событий и поступков человека;
- Судьба – это неотвратимость, предначертание, земная реализация данных от Всевышнего. Судьба верующего – это рок, фатум;

- Судьба – это жизненный путь: исполнение или неисполнение предназначения;
- Судьба – это стечение обстоятельств с положительным или отрицательным исходом;
- Судьба – это результат действий самого человека. Хорошая судьба может быть наградой за хорошие поступки, а плохая судьба – это наказание за плохие поступки;
- Правильные действия человека в жизни определяют его судьбу;
- Человек, развивая свои человеческие ценности, согласно воле Всевышнего, волен выбрать тот или иной путь;
- Человек может просит все что угодно у высших сил, но всегда должен полагаться на себя;
- Человек должен проявлять терпеливость к выпавшим на его долю трудностям и довольствоваться тем, что дано Всевышним и продолжал жить с надеждой на завтрашний день;
- Судьба – это счастливый случай, улыбка фортуны;
- Судьба – это дар богов, но счастье – это все-таки дело его рук самого, он творит его независимо от судьбы и богов;
- Судьбу можно изменить: у человека есть выбор победить рок.

Анализ фразеологического и паремиологического материала выявило, что сочетаемость лексем, которые служат знаковой базой для концепта «судьба» в китайском языке характеризуют не только образные, но и понятийные и аксиологические признаки данного концепта. Так, в китайском концептосфере идея судьбы зачастую сочетается с идеей удачливой и счастливой жизни.

Судьба относится к категории аксиологических концептов, он культурно маркирован и способен определять специфику национальной концептосферы. Через анализ содержания языковых знаков концепта «судьба» можно провести дифференциацию особенностей человеческого мировоззрения, определить его связь с истинным миром, пропуская через «фильтр познания» и определить его место в концептуальной картине Вселенной, поскольку при неверном понимании его философской познавательной сути он бы не смог стать концентратом других миропознавательных концептов, всеобщего истинного бытия.

Литература

Абаева Е.С. Лингвокультурологический аспект концепта «судьба» в английском, русском и французском языках: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Москва, 2007. 19 с.

Арутюнова Н.Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука, 1994. С. 302–316.

Вежбицкая А. Судьба и предопределение // Путь, 1994. № 5. С. 82–150.

Даулет Ф.Н. Китайская картина мира в культуре и языке. – М.: Триумф, 2018. 216 с.

Тань Аошуан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 272 с.

Соискательница И.В.Крашенинникова (Ульяновск)
irino4ka90@list.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛАСТ МАССОВЫХ ПЕСЕН

Цель настоящей статьи – определить, насколько целесообразно при изучении лексических и фоносемантических особенностей текстов массовых песен привлекать их фразеологический пласт.

Напомним, что фразеология является одной из активных отраслей лингвистических исследований. Прежде всего, это связано с языковой спецификой фразеологизмов – экспрессивностью, образностью, – что придаёт им особый статус в лексико-фразеологической системе языка. Кроме того, это также обусловлено их национальной спецификой и определёнными трудностями при переводе на другие языки.

Фразеология – это раздел науки о языке, изучающий фразеологическую систему языка в её современном состоянии и историческом развитии. Объектом изучения фразеологии выступают фразеологические единицы (ФЕ) – устойчивые сочетания слов, воспроизводимые в речи в готовом виде и целостные по своему значению, например: *грудная клетка, бить баклуши, смотреть удочки* и др.

В лингвистической литературе используются различные термины, называющие объект фразеологии: фразеологизм, устойчивое сочетание, идиома, ФЕ. Это связано с тем, что словосочетания, которые включаются различными исследователями в состав фразеологии, чрезвычайно разнообразны: от составных наименований (железная дорога) до непереводаемых оборотов (не видно ни зги), пословиц и поговорок (Лес рубят – щепки летят).

В отечественном языкознании сложилось несколько направлений фразеологических исследований.

Теоретические проблемы общей фразеологии разрабатываются в трудах и исследованиях Н.А. Алефиренко, З.Д. Поповой, М.М. Копыленко и др. В синхроническом аспекте русскую фразеологию всесторонне рассматривают Н.М. Шанский, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.В. Фёдоров, Л.И. Ройзензон и др.; грамматические свойства фразеологизмов рассматривают такие исследователи, как А.М. Чепасова, А.М. Мелерович, В.П. Жуков, О. Лион; фразеологическую стилистику – Л.В. Ковалева, А.В. Кунин, И.А. Федосов; функциональное назначение фразеологии в коммуникации – О.А. Леонтович, Ю.А. Гвоздарев, А.Ф. Кулагин.

Стоит также отметить, что довольно широко распространены исследования, уточняющие условия употребления фразеологизмов и их различные преобразования в речи, особенно в художественных и публицистических текстах

(А.В. Кунин, А.Ф. Богданова, А.Е. Мосьякова, В.Н. Вакуров, А.М. Мелерович, Э.Б. Наумов и др.).

Немаловажным представляется и тот факт, что фразеологические ресурсы языка наравне с лексическими, участвуют в реализации авторского замысла и являются одним из средств вербализации концепта. Именно поэтому методика концептуального анализа включает в себя выявление фразеологических средств как репрезентантов концепта и определение их роли в создании произведения. Более того, для полноты концептуального анализа важен тщательный анализ лексической структуры текста, элементом которой является фразеологический запас. Отражение идеи художественного произведения происходит благодаря богатству лексики и фразеологии [Ломакина, 2015, с. 38].

Изучение разнообразных языковых единиц тесно связано с исследованием текста и его фрагментов, объединённых контекстами. В связи с этим, необходимо рассматривать языковые единицы в целостности, а не разобщённо, так как связность и цельность являются основными свойствами текста. Потенциал системы языка более широко проявляется в контексте, который «не рождает сам какого-либо значения языковой единицы; он лишь реализует, другими словами, даёт статус существования подлинного значения соответствующей языковой единицы» [Колшанский, 2010, с. 33].

Как справедливо и точно отметила Н.Н. Амосова, контекст оценивается лингвистами с разных сторон:

1) в качестве стимула для использования «речевого сигнала для выражения обозначаемого»,

2) «как психологические условия, обеспечивающие понимание данного знака в данном содержании» [Амосова, 1963, с. 22].

По мнению Н. С. Болотновой, текст представляет собой сферу реализации значений как лексических, так и фразеологических ресурсов языка, анализировать которые крайне важно с учётом парадигматических и синтагматических связей. Парадигматический контекст узуса выделяется с учётом класса слов – тематических и лексико-семантических групп, семантических полей, в то время как синтагматический – правилами их сочетаемости [Болотнова, 2009, с. 75].

Стоит добавить, что небольшое количество фразеологических единиц используется и в текстах массовых песен. Например, в современных экологических песенных текстах:

Группа Инь-Ян – «Гимн Семьи»: *очаг семейный;*

Леонид Агутин и Отпетые мошенники – «Граница»: *пограничные войска;*

Любэ – «Давай за»: *жить долго и счастливо, боевые ордена;*

Любэ – «Выйду ночью в поле с конём»: *бескрайнее поле, золотая рожь;*

Сергей Любавин – «Волчонок»: *один на один, стая волков, счастливая доля, стоять насмерть;*

Трофим – «Родина»: *парное молоко, Господня благодать.*

А вот и примеры использования ФЕ в современных неэкологических песенных текстах:

Надежда Кадышева, Антон Зацепин – «Широка Река»: *любовь окаянная, коротать ночи;*

Братья Грим – «Ресницы»: *валять дурака*;

Ирина Аллегрова, Слава – «Первая Любовь – Любовь Последняя»: *горькие слезы*;

Потап и Настя Каменских – «Почему Молчишь»: *играть в прятки, своя игра, сбросить груз с души*;

Стас Пьеха – «Я Лист»: *горькая правда*;

Григорий Лепс – «Я счастливый»: *семь пятниц на неделе*.

Значение некоторых из вышеупомянутых ФЕ дается во фразеологическом словаре русского литературного языка А.И. Федорова. В нем представлены фразеологические единицы, состоящие из идиом и фразеологических сочетаний наиболее часто используемых в современной речи. Каждый фразеологизм имеет наиболее точное толкование, стилистические пометы, характеризующие его употребление в определенном стиле речи — разговорном или просторечном, а также пометы, подчеркивающие эмоционально-экспрессивную окраску фразеологизма:

СТОЯТЬ НАСМЕРТЬ. СТАТЬ НАСМЕРТЬ. Экспрес.

1. Отражать натиск врага, не отступая ни шагу, не щадя своей жизни.
2. Разг. Не соглашаться, упорствовать, противиться (защищая, отстаивая что-либо или кого-либо от посягательств с чьей-либо стороны) [Федоров, 2008, с. 663].

ВАЛЯТЬ ДУРАКА (ДУРОЧКУ). Прост. 1. То же, что валять ваньку (в 1-м знач.).

2. Поступать глупо, неразумно; делать глупости.
3. То же, что валять ваньку (во 2-м знач.).
4. Праздно проводить время, бездельничать [Федоров, 2008, с. 58].

ИГРАТЬ В ПРЯТКИ. Разг. Ирон. Стараться в разговоре утаить, скрыть что-либо [Федоров, 2008, с. 265].

СЕМЬ ПЯТНИЦ НА НЕДЕЛЕ *у кого*. Прост. Предосуд. Кто-либо непостоянен в своих решениях, настроениях, часто и легко меняет свои мнения, суждения, оценки [Федоров, 2008, с. 551].

БЛИЗОК ЧАС *чего*. Высок. Экспрес. Наступает время каких-либо важных событий, перемен в чём-либо [Федоров, 2008, с. 736].

ОДИН НА ОДИН С САМИМ СОБОЙ. Разг. Экспрес. То же, что один на один (в 1-м знач.) [Федоров, 2008, с. 433]

Наличие чрезвычайно небольшого количества ФЕ в современных песнях свидетельствует об обеднении словаря авторов данных текстов. Если учесть известное деление ФЕ по степени семантической слитности, то фразеологический материал перейдёт на счёт по единицам.

В современных массовых песнях фразеологических единиц настолько мало, что полагаем возможным сделать вывод о нерациональности включения ФЕ в исследование лексических и фоносемантических характеристик текстов массовых песен.

Литература

Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. 208 с.

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.

Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – Изд. 4-е. – М. Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 152 с. (Лингвистическое наследие XX века.)

Ломакина О.В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: дис. ... доктора филол. наук. – Санкт-Петербург, 2015. 390 с.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878, [2] с.

*Канд. филол. наук Т.В. Демидович (Волгоград)
demidovicht@mail.ru*

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ВОЕННОГО ВРАЧА (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Мировоззрение военных врачей, как и, собственно, гражданских – важный элемент духовной жизни медицинских работников. Вслед за М.И. Боровковым, данная категория понимается нами, как «система переосмысленных, подвергшихся оценке знаний, а также сформированных на их основе и жизненном опыте идеалов, норм и принципов жизни, ценностей и убеждений, принятых верований» [Боровков, 2000, с. 18].

Одним из эффективных способов понимания мировоззрения врача является анализ произведений художественной литературы. Наряду с этим, анализ научной литературы позволяет выделить наиболее значимые качества личности врача: «разумность, сознательность, способность адекватно ориентироваться в обществе, личное достоинство, готовность отстаивать свои убеждения и принципы в любых условиях, способность нести ответственность за свои поступки и действия» [там же, с. 78]. Вышеперечисленные свойства медиков значимы и для военных врачей.

Иван Степанович Сук в монографии «Врач как личность» [Сук, 1984] выделяет в качестве важнейших качеств личности врача: призвание, образование, психологическую совместимость, культуру, воспитанность, внешний облик,

бескорыстие, соответствие слова и действия, соблюдение профессиональной тайны, гуманизм, гражданственность и патриотизм. Евгений Антонович Вагнер и Александр Александрович Росновский в книге «О самовоспитании врача» [Вагнер, 1976] приоритетными качествами личности медика считают: разумность, сострадание, трудолюбие, ответственность, наблюдательность, мужество, решительность, культурность.

Что становится определяющим при принятии решения стать военным врачом? Какие качества личности позволяют молодым людям найти себя в этой профессии? Один из главных героев романа Е.Л. Баренбойма «Доктора флота», Алексей Сикорский, мечтал стать моряком, но на медицинской комиссии выяснилось, что он – дальтоник. Председатель комиссии предложил ему пойти в Военно-морскую медицинскую академию: *Стать врачом? У них в роду не было ни одного врача. Можно ли посвятить всю жизнь этой профессии? <...> Перед тем как отправлять документы в Ленинград, Алексей решил проверить себя. Он все должен делать обдуманно, обстоятельно, без спешки. Начнешь учиться и обнаружишь, что не переносишь вида операций, человеческой крови, а отступить будет поздно. После занятий в школе он пошел в приемный покой железнодорожной больницы. Вскоре появился низенький щупленький мужчина с седым хохолком на голове. «Суворов», – подумал Алексей и сказал: – Я ученик десятого класса, хочу стать врачом. Но не уверен, что смогу вынести вид операций, крови. «Суворов» с любопытством взглянул на него из-под густых бровей, жестом пригласил к себе в комнату. – Так, – сказал он. – Значит, не уверены. В медицине, юноша, ни в чем нельзя быть уверенным до конца. Такая это профессия. Чем дольше работаешь, тем больше сомневаешься. Это говорю вам я, старый врач Иосиф Гринберг. – Он достал из шкафа чистый халат, протянул Алексею. – Будете дежурить со мной. Около одиннадцати часов вечера привезли молодую женщину. Она попала под поезд. У нее были раздроблены бедро и голень. – Специально для вас, – сказал доктор Гринберг. – Такие случаи бывают нечасто. Алексей видел все – тяжелую операцию, переливание крови, искусственное дыхание, изнурительный до полного физического истощения труд хирурга, потом белое, будто уже неживое лицо больной. Все, до момента ее смерти от шока. Это произошло в четыре двадцать утра. – К сожалению, это случается, юноша, – сказал доктор Гринберг, восстанавливая ход операции в операционном журнале. – Но неверно думать, что хирургия бессильна. Это был бы глубоко ошибочный вывод. А сейчас идите домой <...> Сон не шел. Перед глазами неотрывно стояли увиденные ночью картины: белое, без кровинки лицо женщины, выпачканные кровью руки хирурга, лежавшая в тазу ампутированная нога. Он слышал тяжелое дыхание врача, его отрывистые команды, испуганный голос наркотизатора: «Пульс исчез!» Но главное он понял – врачом быть сможет» [Баренбойм, 1985, с. 25-29].*

Помимо общегражданских принципов и норм поведения мировоззрение военного врача определяет его статус военнослужащего. Военный врач должен любить свою Родину, самоотверженно служить ей. Особо важными качествами личности военного врача выступают: честь, долг, самоотверженность. Выдающиеся примеры исполнения медицинского и воинского долга показывает нам

история российских войн, величайшую самоотверженность и мужество русских военных врачей.

Литература

Аспекты медицины в лингвистической и литературоведческой парадигме: монография / Е.И. Алещенко, О.Н. Калениченко, Ю.Г. Фатеева. – Харьков: Книга плюс, 2017. 128 с.

Баренбойм Е.Л. Доктора флота: Роман. – Р.: Лиесма, 1985. 574 с.

Боровков М.И. Мировоззрение военного врача: формирование, развитие и объективация (социально-философский анализ): Дис... докт. филос. наук. – М., 2000. 410 с.

Вагнер Е.А., Росновский А.А. О самовоспитании врача. – Пермь: Пермское книжн. изд-во, 1976. 157 с.

Сук И.С. Врач как личность. – М.: Медицина, 1984. 64 с.

*Канд. филол. наук Е.А. Зацепина (Москва)
myshila@mail.ru*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В ЯЗЫКЕ РОССИЙСКИХ МУЗЫКАНТОВ

В 90-е годы XX века стал активно развиваться жаргон деятелей, так или иначе связанных с музыкальной сферой. Главными носителями музыкального жаргона является молодёжь, поскольку именно эта возрастная группа, как правило, составляет музыкальную среду. Люди молодого возраста постигают культурные ценности, созданные предшествующими поколениями, одновременно создавая что-нибудь новое, отражающее личную субкультуру [Назарова, 2008, с.140].

«Музыкальные» заимствования из английского языка придали речи современной российской молодёжи большую экспрессию, благодаря чему данный жаргон приобрёл небывалую популярность среди людей юного возраста. Совокупность выразительных средств в языке музыкальных деятелей можно установить по самому роду занятий носителей этого подъязыка. Однако сами музыканты не всегда пользуются данным жаргоном. Относительно этого Л.П. Крысин высказывает следующую точку зрения: «...Они [носители профессиональных жаргонов] диглоссны (или полиглоссны): в профессиональной среде, для целей непринуждённого профессионального общения они используют профессиональный жаргон, для целей официального... общения – специальный подъязык, а вне этих ситуаций, при общении на непрофессиональные темы... они пользуются литературным языком, реже местным говором или просторечием» [Крысин, 1989, с. 67].

В жаргоне музыкальных деятелей, вслед за В.В. Химиком отметим тот факт, что в данном подъязыке «модус экспрессивности... формируется традиционной для молодёжного менталитета напускной пренебрежительностью от-

ношения к объекту деятельности: музыке, музыкальным инструментам, самому музыкальному действию. Особенности этого действия и его направленность на массового потребителя делают и сам подъязык музыкантов достаточно популярным, арготизмы-терминоиды быстро становятся общеизвестными и массовыми жаргонизмами» [Химик, 2000, с. 52].

Свидетельством тому служит достаточно частое использование жаргона музыкальных деятелей в современной литературе. Так, произведение И. Стогова «1999. Роман в стиле техно» полностью посвящено субкультуре музыкантов. Например:

«На дворе стояла эпоха, когда правильно сделанный саунд-трек обеспечивал фильму половину успеха» [Стогоff, 2004, с. 12];

«Художественный андеграунд существовал в Ленинграде всегда» [Там же. С. 46];

«Одноклассник Новикова Олег Котельников играл на гитаре в первой панк-группе страны...» [Там же. С. 58];

«Он... слушал треки лондонских джазменов...» [Там же. С. 69];

«Этакий добрый дедушка... Но под пальто его сердце билось в ритме хэви-металл» [Там же. С. 72].

Привилегированное место музыки в юношеской субкультуре обусловлено также тем, что она творится самой молодежью. Стихи, песни и музыку юноши сочиняют сами о себе и для себя, здесь больше непосредственного самовыражения и меньше самоконтроля, в частности эстетического [Кон, 1989].

Для жаргона музыкальных работников характерны шуточные номинации лиц и предметов, принадлежащих к музыкальной среде. Например:

Бисайд – зад, ягодицы (от англ. side-B ‘сторона Б’);

Битлзховен – Людвиг ван Бетховен (контаминация фамилии Beethoven и англ. Beatles);

Бомджи – американская рок-группа «Бон Джови» (Bon Jovi);

Гипс – гитара фирмы «Гибсон» (Gibson);

Гусь – музыкальная компьютерная плата Gravis-Ultra-Sound (GUS);

Дверь – рок-группа «Доре» (Doors), (от англ. door ‘дверь’);

Дисы – рок-группа «Эй-си / Ди-си» (AC/DC); музыканты этой группы;

Жуй – рок-группа «Джой» (Joy);

Индюк – музыкант, исполняющий альтернативную музыку (первоначально – музыку в стиле «индепендент», от англ. independent ‘независимый’);

Индюшата – музыканты, исполняющие альтернативную музыку (от англ. independent ‘независимый’);

Кролик – рок-группа «Роллинг Стоунз» (Rolling Stones);

Пинок / пинки – рок-группа «Пинк-Флойд» (Pink Floyd);

Попридержи – панк-группа «Продиджи» (Prodigy).

Известный психолог И.С. Кон считает, что отношение к молодежной субкультуре отчетливее всего проявляется в спорах о музыке. Одни представители старшего поколения категорически отрицают современную рок и поп-музыку, считают ее антихудожественной, безнравственной, вредной для здоровья, социально опасной и прямо-таки демонической. Другие относятся к ней либераль-

но-снисходительно, объясняя музыкальные увлечения молодежи исключительно возрастными особенностями: дескать, музыка эта, конечно же, несерьезна, но переберется – сами поймут [Кон, 1989, с.17].

Употребление в речи музыкальных жаргонизмов – это особый способ коммуникации, при помощи которого человек сообщает другим людям о своём положении в обществе, моральных принципах, нравах и т.п.

Литература

Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. 256 с.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. 188 с.

Назарова Е.А. Место и роль заимствований из английского языка в современном русском языке (конец XX – начало XXI вв.) / Дисс. ... канд. филол. наук / Московский государственный областной университет. – Москва, 2008. 198 с.

Стогоff И. 1999. Роман в стиле техно. – СПб.: Амфора, 2004. 268 с.

Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.

*Канд. филол. наук Е.Ю. Кукушкина (Москва)
helenaqq@inbox.ru*

ЛЕКСИКА И ГРАММАТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА (на материале текстов художественной галереи «Ковчег»)

Галерея «Ковчег» основана в 1988 г. и успешно ведет выставочную, научно-образовательную и коммерческую деятельность до настоящего времени. В течение этого периода кураторами галереи было подготовлено и проведено более трехсот выставок, посвященных отечественному изобразительному искусству XX и XXI века. Практически все выставки сопровождаются текстовыми материалами: буклетами и каталогами. «Ковчегом» было выпущено также несколько более объемных печатных изданий, в том числе книга «Галерея «Ковчег»: Избранное», альбом-монография «Гариф Басыров», альбом-монография «Констнтин Истомин». На протяжении более чем тридцатилетней истории «Ковчега» ядро творческого коллектива оставалось неизменным. Достаточно устойчивым, по-видимому, является и ядро зрительской аудитории галереи: в официальном сообщении, распространенном кураторами 30 июня 2017 г., говорится следующее: *«Учитывая, что за двадцать восемь лет нашей работы у галереи и ее творческого коллектива сложились репутация и зрительская аудитория, которыми мы дорожим, нам важно то и другое не растерять»*. Сказанное позволяет рассматривать тексты, созданные под эгидой галереи

«Ковчег», как единое целое, отражающее новые процессы в современном русском литературном языке.

В текстах кураторов название галереи нередко стоит в позиции подлежащего (субъекта), например: *История отечественного искусства середины XX века всё еще не дописана. В подтверждение чего более двадцати лет в цикле «Незабытые имена» галерея «Ковчег» показывает творческие наследия художников, долгое время остававшихся вне поля зрительского внимания. Или: К творческому наследию знаменитого художника Мая Петровича Митурича (1925–2008) «Ковчег» обращается не впервые.* Благодаря регулярному использованию такой конструкции «Ковчег» предстает как живое, мыслящее и действующее существо, способное к совместной работе. Так, «Ковчег» *показывает наследия, осуществляет выставки и проекты, представляет художников, принимает решения, сотрудничает, взаимодействует, работает в содружестве с музеями, художниками, наследниками; у «Ковчега» есть эстетические воззрения; выставки «Ковчега» имеют интонацию; темы выставок порождены повседневной жизнью.* Есть у «Ковчега» и антипатии: *Ковчег всегда сознательно избегал «заезженных» тем для своих экспозиций – чтобы не плодить казенно-искусствоведческие исследования* [Избранное, с. 7]. «Ковчег» как живое существо – это, конечно, стилистический прием, стандартная метонимия, но этот прием придает текстам кураторов достаточно индивидуализированный облик.

Рассмотрим значения некоторых ключевых слов, используемых в текстах «Ковчега». Начнем с самого понятия галерея. Согласно толковым словарям русского литературного языка, даже вышедшим уже в XXI веке, галерея – это разновидность музея изобразительных искусств. Например, в [АТСРЯ 2016]: «4. Специально устроенное помещение, художественный музей, в котором размещены для обозрения произведения искусства». В словаре [Шведова 2007] соответствующий фрагмент словарной статьи ГАЛЕРЕЯ выглядит так: «4. В некоторых названиях: художественный музей. *Картинная галерея*». Подобные толкования показывают, что галерея – это в первую очередь определенный тип помещения. Но организаторы «Ковчега» характеризуют свое детище иначе. По данным, приведенным на сайте галереи, «Ковчег» – *это, прежде всего, авторский кураторский проект коллег-единомышленников – вне зависимости от организационно-правовых форм, сменявших друг друга на протяжении почти трех десятилетий.*

В словосочетании *авторский кураторский проект* каждый лексический элемент употреблен в не вполне стандартном значении. Так, АВТОРСКИЙ здесь не просто ‘относящийся к автору’, а скорее ‘обладающий чертами творческого своеобразия; узнаваемый, неповторимый’; КУРАТОРСКИЙ – ‘созданный кураторами’, где термин КУРАТОР, в свою очередь, приобретает особое, достаточно новое значение ‘создатель и организатор художественного проекта’. ПРОЕКТ – ‘масштабное многоаспектное предприятие творческого характера в сфере искусства’, а в контексте изобразительного искусства – ‘цикл выставок, объединенных общим творческим замыслом, требующих исследовательской работы при подготовке и имеющий текстовое и событийное сопровождение’. Это значение слова ПРОЕКТ реализуется и в текстах «Ковчега». Название од-

ной из выставок: *Маленький акварельный проект в рамках XX века* [Избранное, с. 182], или: *некоммерческий проект в рамках XVII Российского антикварного салона в ЦДХ* [Избранное, с. 46]; *«мышление проектом» в принципе не требует обсуждений или оправданий* [Гариф Басыров].

В новом, расширительном значении употребляется также термин КОНТЕКСТ, одно из ключевых слов в текстах «Ковчега», что отражается и на типичных употреблениях термина: *Экспозиция «Обещаний стиля» была, в первую очередь, ориентирована на создание контекста, где отдельно взятая вещь – эскиз к конфетной обертке, книжная иллюстрация, картинка для детского лото – представляла частью общего устремления* [Избранное, с. 8]. *«Расстановка фигур» в искусстве недавних лет уместна лишь в ситуации, когда пресловутый контекст времени будет изучен полно, без пробелов и, по возможности, непредвзято* [Избранное, с. 46]. *«Масса этих вещей в этом музее сложена в некий контекст»* (из беседы «Энтузиасты и предшественники: Игорь Савицкий» цикла «Особые вторники»).

Оставаясь в рамках литературного языка, тексты «Ковчега» отличаются индивидуальной интонацией, мягким юмором. Чего стоит, например, название выставки, приуроченной к двадцатипятилетию галереи – *Первая четверть* или такие названия выставок: *Память нёба с подзаголовком художественно-гастрономический проект, 100 лет с огоньком: курение и курильщики в изобразительном искусстве XX века*. Для текстов «Ковчега» характерно соединение элементов разговорности с уместным использованием терминов и профессионализмов искусствоведения.

Кураторы «Ковчега» активно используют приемы, позволяющие сократить дистанцию между авторами и адресатами текста. Один из таких приемов – использование разговорной лексики. Приведем примеры: *«заезженные» темы экспозиций, Обнародование этой художественной «кухни» дало возможность увидеть, какими зигзагами, порывами и недоумениями сопровождался поиски нового канона* [Избранное, с. 10]. *В сознании зрителей подобные затеи почти всегда оказывались соотнесены с днем сегодняшним* [Избранное, с. 38]. Он [Савицкий] *стал ездить в Москву и у наследников покупать большие куски наследий* (беседа о Савицком).

Созданию атмосферы доверия между авторами текстов и читателями способствует также использование специальной терминологии, в том числе современной, новейшей. Некоторые термины обсуждались выше. Приведем еще примеры: *арт-рынок*, (и русифицированный аналог – *художественный рынок*), *арт-проект*, *«подписные» работы* [Избранное, с. 8]. Подписные работы – это законченные произведения, поскольку у художников традиционно считается, что если автор поставил свою подпись, то работа закончена, даже если она имеет вид наброска. *Финисаж* – ‘торжественное закрытие выставки’, *станковист* – ‘художник, занимающийся станковой живописью’: *Выразительность папирсных пачек, стичечных этикеток и т.п. не могла оставить равнодушными станковистов* [Избранное, с. 22]. Значение подобных терминов отчасти понятно из контекста, а стилистический эффект состоит в том, что читатель ощущает себя человеком, с которым специалист разговаривает «на рав-

ных». Иногда авторы сами разъясняют значение узкоспециального термина: *Савицкий потом еще прилагал усилия, чтобы спасти вещи Истомина, их отдавали просто под запись студентам, как холсты использовали.*

Профессиональными могут быть не только лексические единицы, но и отдельные грамматические формы, например, форма мн. числа существительного **наследие: показ наследий**; Иногда **наследия** составляли несколько десятков или даже три-пять вещей [Избранное, с. 46].

Остановимся также на приемах создания индивидуального стиля, сближающих тексты кураторов «Ковчега» с художественной речью. Сюда отнесем:

- использование индивидуальных метафор, оксюморона: общая **интонация** выставки, **традиционное новаторство** [Избранное, с. 170]; «*Табачная*» **тема постепенно обжила**сь в искусстве и стала традиционной [Избранное, с. 22]. Авторам «Ковчега» близка метафора обочины: *Нужно, видимо, основываться на сюжетах постоянно, подспудно и неизбежно присутствовавших на обочине сознания художников как бы помимо их авторской воли* [Избранное, с. 14]. *Идеи обнаруживались на обочине повседневных кураторских занятий* [Избранное, с. 7]. То, что находится **на обочине**, кураторы обозначили разговорным словом **обиняки**: так называется первый раздел «Избранного», содержащий материал о целом ряде выставок «Ковчега».

- использование «модных слов», например, **институция** в значении ‘учреждение, организация’. Например, в беседе о Савицком: *Вот прошедшая наша встреча в этом ряду была посвящена тоже целому ряду и конкретных персонажей, и институций, в чьей деятельности мы видим и оправдание работы своей, и в своей работе, наоборот, продолжение деятельности их.*

- активное использование чужой речи, в частности, ироническое использование фразеологии, характерной для казенно-искусствоведческих исследований, например: *Стремление обойти тематику «героических будней» и «Освобожденного труда в молодой советской республике», одновременно сосредоточившись на созвучных времени сугубо пластических поисках, еще при жизни несправедливо отодвинуло большинство таких авторов на периферию общественного сознания* [Избранное, с. 42]; *Многие воспитанники <...> быстро свернули на «политически выверенную» тропинку и оказались в МладАХР* [Константин Истомин, с. 4].

- использование «плохописи», то есть сознательное использование аграмматизмов: *Это вовсе не означает, что они [новые эстетические стандарты] непременно «более лучшие», что едва народившаяся свобода творчества является гарантией качества нынешнего искусства* [Избранное, с. 10]; название ряда экспозиций последних лет: **Искусство должно принадлежать**.

Таковы основные черты, характеризующие стиль текстов «Ковчега». Представляется, что приведенный материал хорошо вписывается в стилистическую концепцию, предложенную в работе [Векшин, Гейченко 2017].

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 17-04-00421).

Литература

- Академический толковый словарь русского языка. / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2016.
- Басыров Гариф. Альбом-монография. – М., 2007.
- Векшин Г. В., Гейченко С. А. Основы стилистической семантики: учебное пособие. Москва : МИРЭА, 2017.
- Галерея «Ковчег»: Избранное. – 2004.
- Истомин Константин. Альбом-монография. – 2008.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 2007.

Канд. филол. наук Н.Ю. Нелубова (Москва)
nat.nelubova@mail.ru

ЛЮБОВЬ КАК ЦЕННОСТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА (На материале пословиц)¹

Языковая картина мира представляет собой результат взаимодействия мышления, действительности и языка. Одной из ее составляющих являются ценностные приоритеты того или иного этноса, изучаемые в рамках сравнительно-сопоставительной лингвистической аксиологии, которая «ставит своей целью определение ценностных констант и ценностных переменных, для чего требуется на материале языковых единиц представить иерархию ценностей в “кресте реальности” (В.Н. Телия)» [Ломакина, Мокиенко, 2018, с. 305].

Сведения о базовых ценностях той или иной культуры могут быть получены посредством анализа языковых единиц, отражающих коллективный опыт народа. По наблюдению Т.Г. Бочиной, пословицы обладают «целым рядом изоморфных черт, таких как традиционность, устойчивость, всеобщность и обобщённость, коллективное сознание, образно-символическая основа содержательного плана, аксиологический характер и связь с наивной картиной мира» [Бочина, 2010, с. 71-72].

Перечень ценностей, запечатлённых в пословичном фонде того или иного языка, может отличаться, что связано с их градацией (*общечеловеческие* – присущие человечеству в виде его родовых свойств – и *национальные*, важные для определенного народа и представленные в пословичном фонде соответствующего языка).

Одной из вечных ценностей, присущих человеку, является *любовь*. Задачей нашего исследования было определить место данной ценности в пословичном фонде французского и русского языков на основе анализа словарей и выявить отношение к ней представителей обеих лингвокультур. В словаре пословиц и поговорок под редакцией Ф. Монрено, А. Пьеррона и Ф. Сюззони тема *любовь*

¹ Публикация подготовлена при поддержке программы РУДН «5-100»

представлена внутри рубрики *человеческие взаимоотношения*. Приведенные в ней 14 пословиц содержат в основном либо нейтральную оценку, либо отрицательную, обесценивая это чувство и принижая его поэтичность, особенно когда ценность любви соотносится с ценностью денег или еды: *Quand la pauvreté entre par la porte l'amour s'en va par la fenêtre* 'Когда в дверь заходит бедность, любовь вылетает в окно'; *Amour vainc tout et argent fait tout* 'Любовь все побеждает, а деньги все решают (делают)' или подчеркивая его недолговечность: *L'or, la gale et l'amour ne peuvent pas durer toujours* 'Золото, чесотка и любовь не вечны', *Des soupes et des amours les premières sont les meilleures* 'Между едой (супом) и любовью лучше выбирать еду (первое – лучше)'. Более подробные результаты нашего анализа были изложены ранее: в картотеке, состоящей из 74 единиц, лишь 1/3 пословиц содержит позитивную оценку любви [Нелюбова, Семина, Ершов, 2018, с. 937].

Источником русского материала послужил справочник пословиц В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной. Интересующая нас рубрика обозначена как *Любовь, ревность, ненависть* (187 пословиц) и поделена на подрубрики *любовь – влюбленность* (92 единицы), *любимый – нелюбимый* (77), *ревность* (7) и *ненависть* (11), что показывает поляриность взаимоотношений. В русских пословицах в целом можно констатировать несколько более позитивное отношение к любви, чем во французских: *Где любовь, там и Бог; Где любовь да совет, там и горя нет* и негативное – к ненависти и ревности: *Ненависть всякого мучит; Ревность – отравы жизни*, хотя однозначно позитивное отношение к этому чувству прослеживается также примерно в 1/3 случаев. В очень большом количестве русских пословиц содержится совет или предупреждение.

Таким образом, проведенный нами анализ пословиц о любви показал ее амбивалентность как во французском, так и в русском языковом сознании.

Литература

Бочина Т.Г. Приёмы контраста в русской паремике // II Congreso Internacional «La lengua y literatura rusa en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas». Granada, 8-10 de septiembre de 2010. Tomo I. – Granada, 2010. – P. 69–73.

Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. – 2018. – № 4 (54). – С. 303–317.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. 416 с.

Нелюбова Н.Ю., Семина П.С., Ершов В.И. Концепты «ЖЕНЩИНА», «МУЖЧИНА», «ЛЮБОВЬ» во французских пословицах (на материале французского языка Франции и Бельгии). Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика. 2018. – Т. 9. №4. – С. 926–943.

Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. – P.: Le Robert, 2010.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР БЕЛЬГИЙЦЕВ (На материале паремиологического фонда французского языка Бельгии)

Современная лингвистика, ориентированная на антропоцентрическую парадигму, уделяет большое внимание изучению связи языка и культуры, тем самым продолжая знаменитый тезис В. Гумбольдта «дух народа закреплен в языке». Национальные особенности менталитета народа отражаются в характере, культуре и языке. Под **национальным характером** понимается «...своеобразие национальных психологических черт, менталитета, национальных традиций и обычаев, сформировавшихся под влиянием климатических и географических факторов, особенностей исторического развития, религиозных верований данной нации и проявляющихся в специфике ее национальной культуры, в языке и коммуникативном поведении народа» [Фирсова, 2004, с. 51].

Национальный характер получает наиболее яркое отражение в устойчивых языковых единицах, а именно, в поговорках. **Паремии** любого языка, отражая систему ценностей конкретного народа, представляют собой универсалии, репрезентируемые в каждом языке определенным образом. [Ломакина, 2015, с. 22]. Некоторые исследователи понимают под термином **паремия** родовое, выражающее более общее понятие для таких видов малых фольклорных форм, как пословица, поговорка, примета, поверье, загадка, гадание, пожелание, прибаутка, присловье и пр. Также слово «паремия» может употребляться как синоним пословицы и поговорки [Сперанская, 2014, с. 603]. В рамках данного исследования, вслед за Н.Ф. Алефиренко, **паремии** понимаются как «афоризмы народного происхождения, характеризующиеся лаконичностью формы, воспроизводимостью значения и имеющие, как правило, назидательный смысл» [Алефиренко, Семенов, 2009, с. 242].

Наша гипотеза состоит в том, что, изучая паремиологические единицы народа, можно выявить основные черты, ценности, особенности национального характера, детально изучить и представить национальную картину мира бельгийцев.

Цель настоящего исследования – описание национального характера бельгийцев-носителей французского языка на основе анализа тематики паремий и количественной представленности единиц в каждой теме.

Материалом исследования послужила картотека французских паремий, полученная путем сплошной выборки из словаря Ф. Пирар и П. Мори «*Proverbes et dictons de Belgique francophone*» (Пословицы и поговорки бельгийской франкофонии). В основу исследования положена авторская картотека, насчитывающая 1327 паремиологических единиц. Все они были разделены авторами словаря на 8 тематических групп: *Le temps (погода/время)* – 330 единиц; *L'homme, qualités et défauts (человек, его достоинства и недостатки)* – 238; *L'argent (деньги)* – 187; *La nature (природа)* – 115; *La conversation (беседа)* – 96;

L'amour et l'amitié (любовь и дружба) – 90; *La morale de cette histoire* (правила морали) – 90; *La nourriture et la boisson* (еда и напитки) – 81.

Тематика паремий и выраженные в них оценочные значения позволяют дать общую характеристику национального характера бельгийцев. Так, анализируя паремии темы *Le temps* (погода/время) (330 единиц), можно отметить следующие особенности. *Le temps* с французского языка переводится как *время* и как *погода*. Погодные условия чрезвычайно важны, особенно при развитом сельском хозяйстве, так как от них зависит урожай. Например: *On sent toujours bien d'où vient la pluie* (Всегда прекрасно чувствуешь, откуда придет дождь); *Sècheresse n'a jamais amené cherté* (Засуха никогда не приносила богатства). Что касается темы *Le temps, qui passe* (ход времени), авторы приводят много пословиц, свидетельствующих о том, что бельгийцы очень ценят время. Например: *Tous les jours ne se ressemblent pas* (Все дни непохожи один на другой); *Il n'y a rien qui ne passe qui ne repasse* (Нет ничего, что не проходит и что не возвращается).

Для бельгийцев, как и для большинства других наций, важна жизнь человека, его взаимоотношения в обществе, ведь человек – прежде всего социальное существо. В рамках темы *L'homme, qualités et défauts* (человек, его достоинства и недостатки) (238 единиц) представлены паремии о ходе жизни, об отношениях мужчин и женщин, о возможных человеческих достоинствах и недостатках. *On n'attrape jamais deux fois un lièvre à la même trouée* (Никогда не поймешь дважды зайца в одной норе); *Un fou avise bien un sage* (Дурак хорошо знает мудреца) и др.

Бельгийцы как никто ценят деньги и всевозможные блага. «Достаток, высокое материальное положение, самостоятельность... – вот к чему стремится добропорядочный бельгийский бюргер» [Мейсон, 2004, с.56]. Тема *L'argent* (деньги) представлена 187 паремиями. Авторы словаря считают, что бельгийцами движет именно желание разбогатеть. Например: *Les épargnes sont des gains* (Сбережения – это прибыль); *Quand tu as un écu, garde-le* (Когда у тебя есть копейка, храни её – Копейка рубль бережет).

Многое в своей жизни бельгийцы берегут, ценят и отождествляют с природой: «... истинные бельгийцы проводят отпуск на родной земле – в Арденнских лесах, либо среди дюн на продуваемом всеми ветрами побережье Северного моря» [Там же, с.67]. В теме *La nature* (природа) (115 единиц) можно отметить следующие паремии, например, про огонь и воду: *Celui qui ne veut pas brûler ne doit pas aller au feu* (Кто не хочет обжечься, не должен подходить к огню); *Les petits ruisseaux font les grandes rivières* (Маленькие ручьи делают большие реки). Огонь несет разрушения и опасность, а вода создает нечто новое.

Отметим такую черту бельгийцев, как словоохотливость. В магазине и при случайной встрече на улице местные жители с пулеметной скоростью обмениваются новостями [Там же, с. 65]. Тема *La conversation* (беседа) (96 единиц) и приведенные в ней паремии указывают на то, что общение является неотъемлемой частью жизни бельгийцев. Например: *Bien parler fait bien comprendre* (В приятной беседе рождается взаимопонимание) и др.

Кроме того, особое внимание бельгийцы уделяют теме *L'amour et l'amitié* (любовь и дружба) (90 единиц). Все пословицы и поговорки данной тематики сентиментальны. Здесь рассматриваются и отношения супругов, и взаимоотношения родителей и детей, собраны свадебные приметы и суеверия, говорится о дружбе и ссорах. Например: *Une fois se marier, une fois mourir* (Женятся и умирают один раз); *Il n'y a si mauvaise savate qu'elle ne trouve sa pareille* (На всякий башмак пара найдется) и др.

Если фламандцев и франкоязычных бельгийцев что-то и объединяет, так это преклонение перед едой [Там же, с. 60], о чем свидетельствуют паремии в теме *La nourriture et la boisson* (еда и питье) (90 единиц). Бельгиец никогда не боится переест: *Il ne faut pas laisser la nourriture dans le plat* (Не стоит оставлять еду в тарелке.) *Il ne faut pas sortir de table mourant de faim* (Не слудует выходить из-за стола умирающим от голода). Тема моральных ценностей *La morale de cette histoire* (мораль) (91 единиц) также присутствует в словаре. Например: *Aidez-vous et le bon Dieu vous aidera* (Помоги себе сам, и Бог поможет тебе); *Le malheur est bon à quelque chose* (Несчастье иногда приносит удачу) и др.

Анализ основных тем словаря бельгийских паремий позволил выявить следующие черты национального характера бельгийцев. Они очень общительны и дружелюбны, ценят дружеские отношения, мир в семье и любовь ближних, природу и единение с ней. Важная роль отводится деньгам и трапезе. Характерно также стремление жить по нормам и правилам не только гражданским, но и соблюдение общепринятых моральных ценностей.

Литература

Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. – М.: Флинта: Наука. 2009. 344 с.

Ломакина О.В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексиграфическое описание. Дисс....докт. филол. наук. – Санкт-Петербург. 2015. 384 с.

Мейсон Э. Эти странные бельгийцы. – М.: Изд-во «Эгмонт». 2004. 96 с.

Сперанская А.Н. Словари крылатых слов и выражений // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск. 2012. С. 622–623.

Фирсова Н.М. О национальных характерах испаноязычных и англоязычных народов в сопоставительном плане // Филологические науки. 2004. № 2. С. 51.

Pirart F., Maury P. Proverbes et dictons de Belgique francophone. – Rivages. 1989. 180 p.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ВНИМАНИЕМ АУДИТОРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ)

В настоящее время, когда читатель уже пресыщен от нахлынувшей на него по самым разнообразным каналам информации, вопрос управления – или, как называют некоторые исследователи – манипуляции вниманием нельзя назвать неизученным (см., напр.: [Сыроватская 2011; Neisser 1979]). Тем не менее, поскольку само внимание является сложным психическим процессом, вопросы управления вниманием представляются далеко неоднозначными и открытыми к дальнейшему изучению.

В своей методике установления коммуникативных стратегий управления вниманием аудитории мы выдвигаем предположение о наличии двух языковых механизмов управления вниманием читателя.

Первый – установление коммуникативных антиципаций читателя как важнейший способ удержание его внимания. При этом под коммуникативными антиципациями мы понимаем коммуникативные ожидания, которые задаются тем или иным словом или высказыванием [см: Соколова, 2017, с. 62]. Выдвинутое нами предположение о важности коммуникативных антиципаций в управлении вниманием аудитории подкрепляется теорией американского психолога У. Найссера о том, что наше внимание основано на предвосхищении [Neisser 1979].

Второй механизм, который мы предлагаем называть дискурсивной динамичностью произведения, связан с переключением с одного типа дискурса на другой (например, переход от диалога к повествованию), что может дополняться элементами полимодальности (напр.: фотографии, видеоматериалы). Механизм дискурсивной динамичности произведения связан с таким свойством внимания как устойчивость, определяемым как продолжительность времени, в течение которого человек способен концентрироваться на определенном объекте или теме [см., напр.: Устойчивость внимания].

Рассмотрим выявленные нами языковые механизмы управления вниманием читателя на примере дискурса англоязычной аналитической статьи.

Как следует из некоторых примеров, приведённых ниже, коммуникативные антиципации могут устанавливаться как одним, так и несколькими средствами одновременно:

1) *Refrigerdating*: *would you date someone because of what's in their fridge?* [theguardian]: обращённый к читателю вопрос + неологизм *refrigerdating*, образованный из двух слов – *refrigerator* ‘холодильник’ + *dating* ‘встречаться’

2) *Holy Voodoo, Batman!* [nytimes.com]: метафора (*holy voodoo*) и аллюзия на одного из героев американских комиксов – Бэтмана, в чей костюм был одет во время праздника один из помощников Трампа, помогавший ему в составлении экономического отчёта

3) *Cutting-edge barber shops* [theobserver]: каламбур, основанный на одновременной реализации двух значений слова *cutting edge* 1) 'режущий край' и 2) 'передовой'.

Что касается дискурсивной динамичности в англоязычных аналитических статьях, то она, на наш взгляд, достигается преимущественно с помощью полимодальности – фотографий и видеоряда. Чтобы подсчитать коэффициент дискурсивной динамичности статьи, мы определяли среднее количество переходов от одной дискурсивной формы к другой на одну условную страницу (1800 печатных знаков). Например, в статье *Holy Voodoo, Batman!* коэффициент дискурсивной динамичности составляет:

8 (переходов) : 2,93 (страниц) = 2,7 (довольно высокий).

Таким образом, рассмотренные в настоящем докладе коммуникативные стратегии управления вниманием аудитории представляют собой сложный механизм, в основе которого лежат свойства внимания как психического процесса. Полагаем также, что предложенный нами способ подсчёта коэффициента дискурсивной динамичности произведения сможет способствовать объективной оценке эффективности управления вниманием аудитории не только в англоязычной аналитической статье, но и в самых разных типах дискурса.

Литература

Никитина К. В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): Автореферат дисс. канд. филол. наук 10.02.04 / К. В. Никитина; Башкирский гос. ун-т. Уфа, 2006. 26 с.

Соколова В. Л. Концептуальные основания и дискурсивные функции лингвистических антиципаций // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та; вып. 10 (783); сер. Гуманитарные науки. М., 2017. С. 61–65.

Устойчивость внимания // Психологическая энциклопедия. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/1197/ Устойчивость

Neisser U. The control of information pickup in selective looking. In A. D. Pick (Ed.), *Perception and its development: a tribute to Eleanor J. Gibson* Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1979. pp. 201–219.

*Канд. филол. наук Н.А. Филатова, студ. А.А. Воеводина (Орехово-Зуево)
ninafilatova@live.ru*

ТЕРМИН «НЕОЛОГИЗМ»: К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Слово «неологизм» впервые встречается в статьях М.В. Петрашевского, опубликованных в «Карманном словаре иностранных слов» в 1846 году. К этому времени термин уже используется в научной литературе для обозначения нововведений неудачных, не соответствующих духу языка, с чем М.В. Петрашевский был не вполне согласен.

Он полагает, что развитие какого-либо народа, его общение с другими народами вносят в его повседневный быт новые потребности, для обозначения которых, как фактов действительности, безусловно, необходимо введение в язык новых слов, либо путем этимологического образования из прежде бывших в употреблении слов, либо через прямое заимствование из других языков.

В Словаре Ф. Толля (1864 г.) термин «неологизм» определен как страсть вводить в язык слова бесполезные, т.е. предназначенные для выражения идей, ясно передаваемых другими словами, уже вошедшими в употребление.

«Объяснительный словарь иностранных слов» А.Ф. Михельсона (1891 г.) дает термину более краткое и сдержанное определение: «Неологизм, от гр. *neo*, новый и *logos*, говорю. Употребление новых слов или слов с новым значением.

В первом издании Большой советской энциклопедии (1939 г.) слово «неологизм» объясняется как «лингвистический термин, обозначающий возникшее в языке новое слово». В статье подчеркивается, что богатство и рост неологизмов особенно характерны для периодов столкновений и смены идеологий, крупных общественных сдвигов и лежащей в их основе ломки и перестройки общественных отношений и материальных условий.

В 50-60-х гг. XX века ученые относили к неологизмам слова, обозначающие новые реалии и понятия, вызванные к жизни изменениями в сферах науки и техники или рядом экстралингвистических факторов.

В 70-80 гг. XX века при определении понятия «неологизм» уже не отмечается чуждость неологизмов заимствующему языку, внимание акцентируется на том, что они обладают свежестью или необычностью.

В энциклопедии «Русский язык» (1979 г.) указывается, что в роли неологизма может выступать и старое слово в новом значении. Здесь впервые появляется термин «окказиональный», раскрывается суть стилистических (окказиональных) неологизмов.

Авторы словарей 80-90-х гг. выделяют преимущественно один признак неологизмов – новизну. Пока обозначаемые ими предметы и явления действительности сохраняют черты осязаемой новизны, сами слова воспринимаются как новые.

Некоторые новые слова, появившиеся в русском языке и в течение определенного времени активно употреблявшиеся, быстро устаревают из-за того, что обозначаемые ими понятия перестают быть актуальными. Они либо исчезают из употребления вовсе, либо сохраняются в русском языке как напоминание об определенном периоде истории, пополняя разряд историзмов.

В неологии остается ряд важных нерешенных проблем. К их числу относится отсутствие четкой терминологической базы, в том числе и определения объекта неологии – неологизма, не установлены с достаточной ясностью и критерии их разграничения. Вопрос о том, что такое неологизм в собственно лингвистическом смысле, остается открытым.

Литература

Гринева Е.Ф. Словарь разговорной лексики французского языка. – М.: Русский язык, 1998.

Кириллов Н. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – С.-Петербург, 1845.

Михельсон А.Ф. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней, 1891.

Словарь иностранных слов. – М., 1979.

Толль Ф. Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний. – Том II. – СПб., 1864.

Филатова Н.А. Социально-исторические аспекты русско-французского языкового взаимодействия. В мире научных открытий. Научный журнал. – № 3.3 (63). Серия: Социально-гуманитарные науки. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2015. – С. 1645–1660.

Филатова Н.А. О некоторых проблемах классификации иноязычной лексики // Когнитивные исследования языка. Выпуск XXVI: Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике: материалы Международной научной конференции (22 – 24 сентября 2016 г.). – Москва – Тамбов – Тюмень, 2016. – С. 179–180.

*Доктор филол. наук Н.В. Юдина (Владимир)
dr.yudina@mail.ru*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ И ЕЁ РЕГИОНОВ: ДИСКУРС VS. СОЗНАНИЕ

Лингвистический образ современной России является многогранным и разноплановым и, на наш взгляд, складывается из лингвистических образов отдельно взятых регионов, которым посвящено определенное количество работ отечественных языковедов (ср., например, исследования О.Н. Иванищевой (на материале приграничного северного региона), О.В. Прасоловой (на примере Ханты-Мансийского автономного округа), И.А. Сушненкоковой (на материале Омской области), Е.В. Фроловой (о формировании имиджа региональных лидеров в электронных СМИ) и др.).

Представленное исследование подключается к серии указанных выше работ и посвящено определению лингвистического имиджа шести субъектов Российской Федерации (Владимирской области и пяти граничащим с ней субъектам: Ивановской, Московской, Нижегородской, Рязанской и Ярославской областям) посредством описания сочетаемости прилагательных *владимирский, ивановский, московский, нижегородский, рязанский* и *ярославский* с именами существительными. Предлагаемые выводы получены на основе проведенного среди 500 жителей Владимирской области в возрасте от 18 до 80 лет лингво-

ассоциативного опроса, касающегося реакций на указанные выше слова-стимулы.

Следует заметить, что в «Словаре сочетаемости слов русского языка» под редакцией П.Н. Денисова и В.В. Морковкина [СССРЯ 2002] анализируемые нами лексемы не обнаружены. Обзор известных частотных словарей («Частотный словарь русского языка» под редакцией Л.Н. Засориной (1977 год) [ЧСРЯ 1977] и «Частотный словарь современного русского языка» под редакцией О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова (2009 год) [Ляшевская, Шаров 2009]) дает возможность проследить динамику увеличения функционирования анализируемых нами прилагательных в современной дискурсивной практике (см. таблицу).

	Частотность (1977 год)	Частотность (2009 год)
Владимирский	1	7,8
Ивановский	3	3,9
Московский	117	257,3
Нижегородский	3	13,8
Рязанский	1	6,6
Ярославский	6	8,8

Согласно проведенному нами опросу, прилагательное *владимирский* имеет следующие реакции, представленные в порядке убывания частотности: *централ, область, край, вишня, Русь, тяжеловоз, тракт, лев, губерния* и др.

Стимулы на прилагательные, обозначающие граничащие с Владимирской областью субъекты, следующие (представлены в порядке убывания частотности представленных реакций):

1) *московский* – *Кремль, универмаг, театр, метрополитен, вокзал, дворик, университет, бульвар, поезд, зоопарк;*

2) *ивановский* – *невеста, текстиль, мануфактура, область, трикотаж, мединститут, шоп-тур, платок, текстильщик;*

3) *нижегородский* – *Кремль, ярмарка, набережная, «Ласточка», канатная дорога, лестница, масло, область, поезд, стрелка, хлеб;*

4) *рязанский* – *говор, грибы, область, аквапарк, баба, валенок, диалект, купец, платок, поэт, проспект, сахар;*

5) *ярославский* – *вокзал, набережная, область, бройлер, театр, Волга, Кремль, купюра, сыр, храм, шоссе.*

Проведенный лингво-ассоциативный опрос свидетельствует о том, что каждый комплекс выявленных слов-стимулов может позволить создать проект лингвистического образа каждого близлежащего региона, сформированного в сознании жителей Владимирской области. Важно отметить, что только ограниченный круг слов-стимулов может быть охарактеризован как повторяемый (ср., напр.: *область, край*), однако подавляющее большинство существительных-стимулов является уникальным для каждого конкретного субъекта Российской Федерации.

В перспективе планируется проанализировать полученные эмпирические результаты проведенного лингво-ассоциативного опроса на соответствие современной дискурсивной практике, а именно в соответствии с публикациями, извлеченными из печатных и электронных региональных средств массовой информации. Данный анализ впоследствии позволит сформировать проекты лингвистических портретов регионов РФ, которые могут помочь органам региональной и федеральной власти направить свои усилия на формирование положительных портретов отдельно взятых субъектов, формирующих общий лингвистический образ современной России.

Литература

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка), 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 25.03.2019).

СССРЯ – Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М.: Изд-во АСТ, изд-во Астрель, 2002.

ЧСРЯ – Частотный словарь русского языка / под ред. Л.Н. Засориной. – М.: Рус. яз., 1977.

*Docteur Nabil SADI (Laboratoire LESMS – Université de Bejaia, Algérie)
sadinabil@hotmail.com*

*Sofiane ASSIAKH (Laboratoire LESMS – Université de Bejaia, Algérie)
assiakh_sofiane@yahoo.fr*

ENSEIGNEMENT DE LA GRAMMAIRE : SCIENTIFICITÉ LINGUISTIQUE ET DIDACTICITÉ DU DISCOURS AUTOUR DE LA PRÉPOSITION EN CLASSE DE FLE

Transmettre un savoir fructueux d'une manière défectueuse ou transmettre d'une manière fructueuse un savoir défectueux – même si l'intention est bonne – ne saurait, à notre sens, aboutir l'apprenant au résultat escompté. L'idéal serait ainsi de l'amener à développer un savoir fructueux d'une manière efficace. Telle est la réflexion qui nous a amené à entreprendre la présente recherche dont l'objectif ultime est de déceler les enjeux d'enseigner un savoir, un contenu grammatical en l'occurrence, de par sa scientificité linguistique et/ou sa didactique.

Dans une perspective didactique, il va sans dire que pour apprendre une langue, il est parfois impérieusement recommandé d'apprendre préalablement son mode de fonctionnement et sa structure, c'est-à-dire, sa grammaire. On ne saurait ainsi produire un énoncé sans pour autant connaître les règles régissant la langue dont il est censé se produire.

En effet, on pourrait peut-être conduire une voiture sans pour autant connaître le code de la route, considéré comme étant une prescription dont le rôle est de maintenir l'ordre de la circulation, mais on ne saurait la conduire sans risques et sans contraventions : « *l'acquisition de l'usage d'une langue doit précéder la*

connaissance de règles, mais en même temps, on ne peut produire spontanément des formes correctes dans une langues sans l'acquisition des règles qui en organisent la production» (VIGNER, 2004 : 101).

Or, avec les nouvelles approches didactiques, notamment l'approche communicative, l'approche actionnelle et l'approche par les compétences, le statut de la grammaire se voit de plus en plus perdre son prestige en classes de langue. De nos jours, de nouvelles méthodes d'enseignement/ apprentissage de la grammaire s'imposent et ouvrent les portes sur des conflits et des débats houleux et incessants. En effet, cette composante linguistique dont on a vanté autrefois les mérites, notamment avec la méthodologie traditionnelle, a fini par s'affaïsser et tomber en disgrâce. Cependant, l'enseignement de la grammaire demeure d'un statut incontournable et inhérent aux classes de langue. FOUGEROUSE (2001) explique que, à l'ère de l'éclectisme, la grammaire est omniprésente dans les pratiques enseignantes. Certes, certains enseignants sont influencés par la grammaire des nouvelles approches, d'autres sont fortement attachés à une grammaire traditionnelle qu'ils maîtrisent le plus.

Par ailleurs, le passage d'un enseignement de grammaire explicite à un enseignement dit implicite a donné lieu à un changement de son rôle. Avec les nouvelles approches, la grammaire n'est plus envisagée désormais comme un objet d'étude, mais plutôt comme un moyen au service de la communication. L'objectif de l'enseignement/ apprentissage de la grammaire serait ainsi de doter l'apprenant d'un outil qui lui permettra de communiquer dans la langue étrangère et non pas d'un savoir sur la grammaire de cette langue. On passera ainsi d'un *enseignement de grammaire* à un *enseignement grammaticalisé* (CUQ, 1996 : 05).

Dans cette conférence, nous nous intéressons à l'enseignement de la grammaire non pas à travers la méthodologie didactique dont il est assuré, mais de par la qualité des contenus grammaticaux abordés et la forme dont ils sont présentés. En effet, les éventuelles lacunes que pourraient présenter les discours grammaticaux au niveau de leur scientificité linguistique et/ ou au niveau de leur didacticité pourraient sans doute avoir un impact négatif et des retombées sur le discours des enseignants et les réalisations langagières de leurs apprenants. Enseigner un contenu grammatical lacunaire ne saurait logiquement amener l'apprenant qu'à développer une maîtrise et un savoir lacunaires. À vrai dire, c'est la prise en considération de ces lacunes et carences qui nous a amené à entreprendre la présente étude qui se veut en premier lieu une réflexion sur les difficultés que rencontrent les apprenants algériens (collégiens et lycéens) dans leurs constructions prépositionnelles.

Après avoir mis la lumière sur certains concepts et réflexions didactiques, nous tâcherons dans ce travail d'analyser et de décrire les pratiques des enseignants du secondaire et du collège dans leur enseignement de la grammaire du FLE. Nous examinerons ainsi la scientificité linguistique et la didacticité du discours grammatical de chaque enseignant afin de déceler les éventuelles lacunes que présentent leurs discours sur les prépositions et les locutions prépositives de la langue française.

*Доктор филологии г-н Набиль Сади (Алжир)
Аспирантка Ассиах Софиана (Алжир)*

**ГРАММАТИКА КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА:
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ И МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ДЛЯ УСВОЕНИЯ УЧАЩИМИСЯ ФРАНЦУЗСКИХ ПРЕДЛОГОВ
И ПРЕДЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ**

Для современной педагогики очевидно, что результат учебы не достигнет цели, если содержание обучения или способы обучения окажутся недостаточно хорошими.

В области изучения иностранных языков изучение некоторой базы – определенной грамматической функциональной структуры, которая обеспечивает собственно функционирует.

В настоящее время, когда методисты отдают предпочтение коммуникативным, активным и компетентностным методам, грамматика как учебная дисциплина утрачивает важность. тем не менее, изучение иностранного языка не может быть успешным без освоения основ грамматики.

Предпринятое нами исследование ставит целью обобщить результаты проведенной работы на занятиях по французскому языку как иностранному в средней школе. В качестве объекта исследования была взята совокупность текстовых записей объяснения грамматического материала на занятиях, которые проводились различными преподавателями. Тема занятий – употребление в речи французских предлогов и предложных конструкций. Цель проведенного анализа – выявить наиболее удачные, соответственно, более эффективные подходы в объяснении, а также найти те подходы в объяснении учебного материала, которые оказались наименее удачными.

Краткий перевод – канд. филол. наук И.И. Ковалевская

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

*Канд. филол. наук Е.И. Беседина (Санкт-Петербург)
elivbesedina@mail.ru*

О РЕЗУЛЬТАТАХ ОДНОГО НЕОПУБЛИКОВАННОГО ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Настоящая работа представляет результаты одного из психолингвистических экспериментов, цель которых состояла в подтверждении существования ассоциативной связи между округлостью денотата и лабиальными фонемами [Воронин, 1982; Besedina, 2016].

Респондентам-носителям русского языка предлагалось по произвольной модели придумать название для абстрактного округлого предмета. Предмет представлял собой тело, напоминающее по форме большое зерно фасоли (длинной 35 см с окружностью в среднем 25 см), вылепленное из воска желтоватопрозрачного цвета.

В качестве респондентов выступали носители русского языка обоих полов в возрасте от семи до 9 лет. Эта группа силу своего возраста и, соответственно, определенного этапа языкового развития, представляется одной из наиболее интересных и ценных при проведении подобного рода экспериментов. Каждый ребенок участвовал в эксперименте только один и только один раз.

Обработка данных экспериментов проводилась с использованием статистических методов анализа экспериментальных данных. Применение статистических методик для выборок достаточно большого объема позволяет получить для произвольно распределенной случайной величины надежные оценки важных параметров. Обработка данных экспериментов проводилась с использованием стандартных статистических методов анализа экспериментальных данных [Носенко, 1981; Худсон, 1970; Herdan, 1964].

Применение статистических методик для выборок достаточно большого объема позволяет получить для произвольно распределенной случайной величины надежные оценки таких важнейших параметров распределения, как \bar{x} – выборочное среднее значение случайной величины и его доверительный интервал, S_x (выборочное) среднеквадратичное отклонение, S_x/\sqrt{n} – среднеквадратичное отклонение среднего (здесь n – объем выборки), V_μ – коэффициент вариации среднего значения случайной величины, а также $\rho(x, y)$ – коэффициент корреляции двух случайных величин.

Для характеристики степени достоверности полученных оценок вводят понятие доверительного интервала. Как следует из центральной предельной теоремы, для произвольно распределенной случайной величины x в случае выборки большого объема распределение \bar{x} приближается к нормальному. Таким образом, при больших n можно говорить о приближенных $100\alpha(1-p)\%$ доверительных пределах параметра μ , выражение для которого дается в виде:

$$\mu = \bar{X} \pm V_p \frac{S_x}{\sqrt{n}}$$

где x и S_x определяются выражениями (5) и (7), а V_p - значение стандартизованной нормально распределенной величины, для которой $V \geq V_p$ с вероятностью p . Так для 95%-ого доверительного интервала $V_p = 1,96$, а для 99,9% доверительного интервала $V_p = 3,29$. Такой метод дает надежные доверительные пределы для среднего значения при $n \geq 30$.

Полученные в результате эксперимента 60 квазислов для обозначения абстрактного тела округлой формы были обработаны на наличие лабиальных фонем. Статистическая обработка данных с использованием случайной величины x , подчиняющейся биномиальному распределению, для 95% доверительного интервала дает следующие результаты: по фонемотипу лабиальных – $\mu = 0,464 \pm 0,057$; $V_\mu = 6,3\%$; по лабиальным гласным – $\mu = 0,654 \pm 0,091$; $V_\mu = 7,2\%$; по лабиальным согласным $\mu = 0,357 \pm 0,069$; $V_\mu = 9,8\%$.

Чтобы оценить действительную значимость полученных данных необходимо сравнить их с частотой появления данного фонемотипа в словах русского языка в целом. Для этой цели была «сгенерирована» случайная выборка русских существительных.

В результате обработки были получены следующие величины, характеризующие относительные частоты появления лабиальных фонем, для которых μ/μ_{ϕ_1} варьирует – $1,67 < 2,03 < 2,43$; в случае лабиальных гласных – $2,01 < 2,57 < 3,57$; а лабиальных согласных – $1,23 < 1,65 < 2,14$.

Представлялось также интересным проанализировать полученный материал с точки зрения относительной встречаемости квазислов, имеющих лабиальные в своем фонемном составе.

Используя прежний формализм, был проведен сравнительный частотный анализ «появление» квазислов с лабиальными относительно фона. Результаты анализа могут быть представлены следующим образом: для квазислов с лабиальными фонемами μ/μ_{ϕ_1} заключено в пределах $1,31 < 1,37 < 1,43$; для монолабиальных образований эта величина варьирует – $0,14 < 0,30 < 0,49$, а для полилабиальных – $1,82 < 2,33 < 2,97$.

Таким образом, результаты данного эксперимента не только убедительно подтверждают существование звукосимволизма как языкового явления, но и однозначно подтверждают с высокой степенью достоверности наличие у респондентов устойчивой фоносемантической корреляции между округлостью денотата и фонемотипом лабиальных.

Литература

- Воронин С. В. Основы фоносемантики. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 219 с.
 Носенко И. А. Начала статистики для лингвистов. – М.: Высшая школа, 1981. 157 с.
 Худсон Д. Статистика для физиков. – М.: Мир, 1970. 295 с.

Besedina Ye. Sound Symbolism in Designations of Roundness. – Anglistics of the XXI century, vol. 2. Phonosemantics: in commemoration of Professor Dr. Stanislav Voronin's 80th anniversary / St. Petersburg state univ. Fac. of philology; ed. by M. A. Flaksman, O. I. Brodovich. – St. Petersburg: [s. n.], 2016. – Pp. 20–24.

Herdan G. Quantitative linguistics. – London: Butterworths, 1964. 284 pp.

Преподаватель А.Д.Гумаева (Ульяновск)
aliagimaeva2704@gmail.com

НЕСПЕЦИФИЧЕСКИЕ, ОТНОСИТЕЛЬНО И АБСОЛЮТНО СПЕЦИФИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЗВУКОВЫХ ПРОДЛЕНИЙ

Данная статья посвящена неспецифическим, относительно и абсолютно специфическим свойствам звуковых продлений.

Под звуковым продлением, в соответствии с лингвистической традицией, понимается такое материально выраженное фоносемантическое средство, сущность которого заключается в увеличении – сверх обычного – длительности произнесения какого-либо звука [А.В. Пузырёв, 2014, с. 263].

“You won't be getting anything for Christmas,” Harry told him, thrusting Omniculars into his and Hermione's hands. “For about ten years, mind.”

“Fair enough,” said Ron, grinning.

“Oooh, thanks, Harry,” said Hermione. “And I'll get us some programs, look –” [J.K. Rowling, 2016, p. 79]

– Ты ничего не получишь на Рождество, – успокоил его Гарри, протягивая омнинокли ему и Гермионе. – В ближайшие десять лет!

– Тогда ладно, – улыбнулся Рон.

– О-о-о, спасибо, Гарри, – слегка растерялась Гермиона. – А я тогда куплю нам программки... (перевод М. Литвиновой).

В данном примере продлению гласного подвергается междометие – морфологический разряд, для которого продление звуков типично и конгруэнтно. Оговоримся, что тема статьи раскрывается на материале серии романов Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер».

Как в своё время справедливо заметил проф. Ю.М.Скребнев [Ю.М.Скребнев, 1975, с. 33], система любого субъязыка предполагает три разновидности (класса) языковых единиц:

1) абсолютно специфические единицы;

2) относительно специфические единицы, т.е. единицы, которые, наряду с данным субъязыком, принадлежат также одному или нескольким другим субъязыкам;

3) неспецифические единицы – общие для всех потенциальных субъязыков данного языка, в равной мере принадлежащие каждому субъязыку.

Полагаем, что данное разграничение трёх классов языковых единиц позволяет поставить и обсудить вопрос о неспецифических, относительно и абсолютно специфических свойствах звуковых продлений в субъязыке жанра фэнтези. Данный вопрос обсуждается главным образом на материале оригиналов и переводов всех семи романов Дж.Роулинг «Гарри Поттер».

Под свойством при этом понимается то, что присуще какому-либо предмету и характеризует его само по себе и обуславливает его различия и общность с другими предметами и обнаруживается в его отношении к ним [Философский энциклопедический словарь, 1983].

Очевидно, что увеличение – сверх обычного – длительности произнесения какого-либо звука является существенным, неспецифическим свойством звуковых продлений. Истинность данного утверждения вытекает хотя бы из того, что оно может быть отнесено даже к продолжительной паузе – нулевому фоносемантическому средству.

Так, например, знаменитую финальную полутора минутную немую сцену комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», возникшую после слов жандарма: «Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице» – есть все основания рассматривать как продление нулевого фоносемантического средства (как продление паузы): «Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавес опускается». Специфика данного контекста заключается в том, что продление паузы, как указывает автор комедии, здесь достигает длительности почти в полторы минуты.

Пример паузы приведён потому, что весьма существенным представляется суждение А.А. Реформатского о том, что «без нуля мыслить нельзя» [А.А.Реформатский, 1987, с. 262], а пауза и является нулевым фоносемантическим средством.

На первый взгляд, таким же неспецифическим свойством звуковых продлений является то, что они выражаются удлинением как гласных, так и согласных звуков. Но уже следующий пример (см. ниже) показывает, что удлинение в оригинальном тексте согласного [w] в слове What может передаваться в переводном тексте продлением гласного звука [a]:

And she offered him the flowerpot.

Harry stared at them all watching him.

'W-what am I supposed to do?' he stammered.

'He's never travelled by Floo powder,' said Ron suddenly. 'Sorry, Harry, I forgot.' [J.K. Rowling, 2014b, p. 49]

Миссис Уизли протянула ему горшок.

Гарри растерянно взглянул на горшок, потом на хозяев, явно что-то от него ожидавших.

– А... а что надо сделать? — спросил он, заикаясь.

– Он никогда еще не летал при помощи «летучего пороха», — сказал Рон. — Прости, Гарри, я совсем об этом забыл (перевод М. Литвиновой).

Заметим сразу, что в данном случае нас интересует не искусство перевода и переводчиков, а общетеоретическая возможность рассматривать продления гласных и согласных с точки зрения степени выраженности в них специфических и неспецифических свойств.

Очевидно, что выражение звукового удлинения в конкретном контексте именно гласным (или согласным) может оказаться относительно специфическим свойством этого удлинения. Степень этой специфичности/неспецифичности должна быть и будет выявлена в специальном исследовании.

Точно так же вопрос о степени специфичности/неспецифичности свойств звуковых продлений должен быть и будет решён в специальном исследовании функций продлений, их морфологической и синтаксической выраженности.

Абсолютно специфическим свойством звукового продления в конкретном оригинальном тексте может оказаться отсутствие подобного продления звука в переводном тексте или замена его другим языковым средством:

And his mistress was mad with grief, because Master Regulus had disappeared, and Kreacher could not tell her what had happened, no, because Master Regulus had f – f – forbidden him to tell any of the f – f – family what happened in the c – cave ... (J.K Rowling, 2014f, p. 159)

А его хозяйка сходила с ума от горя, потому что хозяин Регулус пропал, а Кикимер не мог рассказать ей, что случилось, нет, потому что хозяин Регулус вежливо ему не говорит никому в семье о том, что было в пещере... (перевод М. Лахути, С. Ильина)

В данном случае удлинение звука [f] в слове *f – f – forbidden* передаётся повтором слогов в словах *вежливо, семье, пещере*.

Полагаем, что выявление степени специфичности/неспецифичности свойств звуковых продлений может оказаться предметом специального лингвистического исследования, которое приведёт к нетривиальным выводам общетеоретического (в целом) и фоносемантического характера (в частности).

Цитируемая литература

Пузырёв А. В. О системном подходе в лингвистике : учебное пособие для студентов филологических специальностей. – М. : ВНИИГеосистем, 2014. 520 с. (серия «Библиотека духовной культуры», вып. 47).

Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1987. 264 с.

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: Учебное пособие для студентов и аспирантов филол. спец-тей. – Горький: ГГПИИЯ, 1975. 175 с.

Философский энциклопедический словарь / Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983.

Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. – London: Bloomsbury, 2014b. 360 p.

Rowling J.K. Harry Potter and the Goblet of Fire. – London: Bloomsbury, 2016. 617 p.

Rowling J.K. Harry Potter and the Goblet of Fire. – London: Bloomsbury, 2014f. 620 p.

К. филол. н. М.А.Еливанова, к. филол. н. В.А.Семушина (Санкт-Петербург)
melivanova@yandex.ru ; haleria@yandex.ru

ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Р.Л.СТИВЕНСОНА «THE LAND OF COUNTERPANE» СИНЕСТЕТАМИ

Природа звукоизобразительности языка лежит в подсознании. Как указывал И. Н. Горелов [1985], формирование и функционирование отношений между мотивированностью и немотивированностью происходит на подсознательном уровне, где вербальное сообщение накладывается на предварительно выраженную в нём невербальную систему коммуникации и осуществляется синестетическая ассоциация звучания и значения.

Согласно К. Г. Юнгу [1968], бессознательное и сознание представляют собой два слоя психики, между которыми постоянно происходит обмен впечатлениями, идеями, образами и чувствами и имеются отношения компенсации. Бессознательное может проникать в сознание в виде символических образов, происхождение и смысл которых обычно непонятен человеку и нуждается в объяснении.

Двум синестетам с художественным типом ВНД и средним уровнем эмпатии предлагалось для прослушивания и чтения стихотворение Р. Л. Стивенсона: *When I was sick and lay a-bed, | I had two pillows at my head, | And all my toys beside me lay, | To keep me happy all the day. || And sometimes for an hour or so | I watched my leaden soldiers go, | With different uniforms and drills, | Among the bedclothes, through the hills; || And sometimes sent my ships in fleets | All up and down among the sheets; | Or brought my trees and houses out, | And planted cities all about. || I was the giant great and still | That sits upon the pillow-hill, | And sees before him, dale and plain, | The pleasant land of counterpane.*

Задание состояло в том, чтобы описать звукоцвет текста и сообщить о образно-символических с ним ассоциациях. Трактовка образных символов давалась по справочнику юнгианского толкователя снов Г. В. Врублевской [2002], значения оттенков синего и красного цвета – по В. Я. Обухову [1996; 1997].

О. Турьева. Графемно-фонемный синестет с соощущениями цвета и фактуры звуков. Английским не владеет. Неоднократно прослушала стихотворение, отслеживая по тексту и не зная смысла слов. Текст стихотворения видится как ткань. Из-за сочетаний *oi* и буквы *s* ткань вязаная. Сначала цвет небесно-голубой, затем под влиянием тёмных согласных – тёмно-синий, в конце из-за светлых гласных он снова светлеет. Ассоциация возникла со свободой. Тёмная полоса – это тёмные времена или затруднения в жизни, после которых снова будет рассвет и свобода. Текст кажется наполненным воздухом и лёгкостью, и в то же время он непростой и какой-то извилистый, как связанная нить.

Подчёркнутые нами образы имеют определённое символическое значение. ТКАНЬ – это символ качества жизни. Её тип указывает на характер переживания, узоры на ткани – сами переживания. СИНИЙ ЦВЕТ создаёт атмосферу доверия, безопасности и покоя. НЕБЕСНЫЙ ГОЛУБОЙ – символ спокойствия, свободы и беззаботности. ТЁМНО-СИНИЙ цвет здесь имеет негативное значение. РАССВЕТ означает победу света над тьмой, дня над ночью, надежду. ВОЗДУХ – знак свободы духа, творчества, способности подняться над проблемами и разобраться в них. НИТЬ – связь тела и духа, неба и земли. Порвать нить – потерять какую-то часть себя. СВЯЗАННУЮ НИТЬ можно понять поэтому как символ восстановленной целостности «я».

Т. Гриценко. Фонемно-графемный синестет с соощущениями цвета и фактуры звучания. При прослушивании стихотворение окрашено в темные тона. Большинство слов имеет коричневую окраску, часто встречаются также серые и черные. Из общего цветового фона выделяются слова *dale* и *plain*, имеющие доминантный белый цвет. В слове *dale* имеется также розовый цвет, причём респондент не знает, откуда он. Стихотворение похоже на ночное звездное небо, которое простирается как шелковая ткань. Символы прослушанного варианта: таинство (покров) ночи, звёзды, долины, берега.

Написанный вариант текста черный, коричневый и зеленый, есть синие места. Цвет фразы *Among the bed-clothes, through the hills* светлый, почти бежевый, в причудливых формах, что-то вроде пирамиды. *All up and down among the sheets* – подобная же пирамида оттенков. В словах *dale* и *land* имеется не присущий буквам розовый цвет. По ассоциации с звукоцветом текста на ум пришли слова одеяльные долины.

НЕБО означает душевное состояние, которое соотносится с его видом. Красивое небо – гармония и лёгкость чувств. ЗВЁЗДНОЕ НЕБО символизирует врата в незнание. НОЧЬ в виде символа связана с таинственной тьмой и материнским лоном. ПОКРОВ – сокрытие определённых аспектов истины. ДОЛИНА – символ ограниченного пространства и периода счастья или имеющего границы бедствия. БЕРЕГ – знак прочности и ожидания благих перемен. ПИРАМИДА – символ некоей тайны и знания. ОДЕЯЛО выражает потребность в защите, скрытые мысли, невидимые обстоятельства. РОЗОВЫЙ ЦВЕТ подсознательно олицетворяет собой детство, беззаботность, наивные фантазии и мечтания, отвлечение от плохих мыслей, и успокоение.

Ассоциированные синестетами с звукоцветом текстов символические образы являются отражением в их сознании чувств и установок поэта через уровень подсознания, формирующего сферу бессознательного на основе синестемии (соощущений и созмоций). Они обусловлены фонологической системой языка поэта, а также индивидуальными особенностями синестезии и личным опытом синестетов.

Благодарим синестетов за анализ текста стихотворения.

Литература

- Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М.: Наука, 1985. 240 с.
- Врублевская Г. В. Пять уроков по толкованию снов. – СПб.: Литера, 2002. 320 с.
- Обухов Я. Л. Красный цвет. // Журнал практического психолога. –1996. – № 5. – С. 39–47.
- Обухов Я. Л. Синий цвет. // Журнал практического психолога. – 1997. – № 1. – С. 30–41.
- Jung, C. G. [1968]. Zugang zum Unbewussten. // Der Mensch und seine Symbole. Olten: Walter-Verlag. S. 20–105.

*Канд. филол. наук И.В. Кузьмич (Санкт-Петербург)
irinakuzmich@inbox.ru*

К ВОПРОСУ О ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СЛЕНГЕ

Многие исследователи, изучающие новую лексику английского языка, отмечают, что заимствования иноязычной лексики наиболее характерны для просторечия, особенно американского. Заимствования относятся к "сильным" неологизмам, поскольку обладают высокой степенью коннотации новизны. Они отличаются нехарактерной для английского языка фонетической дистрибуцией, отсутствием мотивации, нетипичным морфологическим членением [Заботкина, 1989]. Экстралингвистической причиной значительной восприимчивости американского просторечия в целом и сленга, как его экспрессивного ядра, к заимствованиям является этническая неоднородность американской нации, постоянно пополняющейся за счёт иммиграции из других стран. Однако развитие любого языка происходит в соответствии с его внутренними законами, т.е. процесс отбора и закрепления заимствований определяется особенностями языка-реципиента. Одной из причин пополнения языка за счёт заимствований является необходимость номинации новых понятий. Однако в сленге заимствования, обозначающие новые понятия, появляются нечасто. Подавляющее большинство заимствуемых в сленг слов номинируют не новые понятия, а уже имеющиеся в языке, т.е. здесь имеет место избыточная номинация. Это связано с тем, что характерной чертой экспрессивной лексики, к которой принадлежит сленг, является ослабление и даже утрата экспрессивности в процессе употребления. В связи с этим сленг постоянно испытывает потребность в новых, более выразительных, экспрессивных, "сильных" словах и удовлетворяет эту потребность путём заимствования из других языков. Высокая степень экспрессивности заимствований определяется самой их новизной, необычностью формы и звукового оформления.

По мнению В.П. Подсушного, более 90% заимствованных просторечных лексем лишены для носителей английского языка всякой этимологической мотивированности [Подсушный, 1990]. Действительно, если говорить о предметно-логической мотивировке заимствования, то она, как правило, не усваивается вместе с заимствуемым словом. Однако отсутствие мотивированности в заимствованиях только кажущееся, поскольку здесь мы можем вести речь о фонетической мотивированности, которая связана со звуковой изобразительностью. В рамках нашего исследования был проведён анализ заимствований в американском сленге с использованием элементов метода фоносемантического анализа [Воронин, 1982], который свидетельствует о наличии примарной или вторичной звукоизобразительности (ЗИ) сленгизмов. Среди наиболее интересных примеров можно назвать следующие:

kaput (sl) (a) "беспольный, неэффективный, недействующий", от нем. *kaputt* "разбитый, сломанный", в «Новом словаре американского сленга» отмечается звукоизобразительность (echoic-symbolic) исходного немецкого слова, однако её характер не раскрывается [Chapman, 1987].

klutz/clutz (sl) (n) "1. глупец; 2. неуклюжий человек", заимствование из немецкого через идиш - от *Klotz* (букв.) "колода, чурбан", ср. англ. ЗИ *clot* "ком, сгусток" --> (sl) "тупица, болван".

schnockered (sl) "пьяный", юмористический вариант (квази-заимствование из идиш) английского слова *snockered* "пьяный", которое, в свою очередь, является образованием от диалектно-звукоподражательного *snock* "удар, звонкий шлепок".

Создание в американском сленге квази-заимствований из идиш свидетельствует о том, что звукокомплекс **sch** + согласный, прочно ассоциирующийся у носителей английского языка с языком идиш, обладает ярким, экспрессивным значением. Этот звукокомплекс имеет определённое фонетическое значение - значение чего-то презираемого, неприятного [Ретунская 1988]: **schlemazel/schlemozzle** "нелоккий, неудачливый человек", **schlemiel/schlemihl** "дурак, глупец", **schlock** "товар низкого качества, барахло". Особенно силён символизм начального **schm**-. Этому звуковому комплексу посвящена отдельная словарная статья в Оксфордском словаре английского языка. Там отмечается, что этот элемент выделен на основе многочисленных слов из идиш и используется либо вместо начального слога какого-либо слова, либо сливается с ним в начальной позиции, образуя таким образом слово, не имеющее смысла, которое добавляется к исходному слову для выражения презрения, пренебрежения, отказа: **crisis-schmisis**, **child-schmild** [The Oxford English Dictionary, 1989]. В нашем материале такими квази-идиш образованиями являются **fancy-schmancy** "напыщенный, претенциозно элегантный", **Joe-Schmoe** "неудачник, серый, ничем непримечательный человек" (ср. рус. танцы-шманцы).

Применение метода фоносемантического анализа по отношению к заимствованиям в американском сленге показывает, что они могут рассматриваться в рамках общей звукоизобразительной системы языка, и выделение заимствований в отдельную группу проводится лишь в силу традиции, по которой заимствования рассматриваются как специфический разряд лексики. В рамках

нашего исследования мы проводили фоносемантический анализ всей выборки сленгизмов без разделения их на исконные и заимствованные. Результаты этого анализа показывают, что сленгизмы-заимствования подвергаются в американском сленге определённым фонетическим изменениям в соответствии с фонологической системой английского языка. Однако эти изменения проходят в рамках определённой фоносемантической группы, к которой то или иное заимствование может быть отнесено. С другой стороны, заимствования в сленге стремятся к сохранению такой формы и звучания, которые на фоне исконных слов выделяются высокой степенью аномальности.

Таким образом, заимствования-сленгизмы являются образованиями, характеризующимися наличием фонетической мотивированности, высокой экспрессией и значительной звукоизобразительной силой.

Литература

Воронин С. В. Основы фоносемантики. – Л.: ЛГУ, 1982.

Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. – М., 1989.

Подсушный В.П. Лексические заимствования в английском экспрессивном просторечии США. Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1990.

Ретунская М. С. Роль словообразовательных средств в создании оценочных номинаций // Социальная и стилистическая вариативность английского языка (межвуз. сб. науч. трудов). – Пятигорск, 1988. – С. 71–78.

Chapman R.L. New Dictionary of American Slang. – New York, 1987.

The Oxford English Dictionary. 2nd ed., vol. I-XX / Prep. by J.A.Simpson, E.S.C.Weiner. – Oxford, 1989.

*Канд. филол.н. М. А. Флакман (Санкт-Петербург)
mariaflax@gmail.com*

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПОЭМЕ «БЕОВУЛЬФ»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Настоящая статья посвящена исследованию звукоизобразительной системы древнеанглийского языка на примере известного памятника англосаксонской литературы – поэмы «Беовульф».

В статье рассматриваются общая сатурация древнеанглийской поэмы ЗИ лексикой, состав ЗИ лексикона и его особенности.

Отбор материала проводился методом сплошной выборки из текста поэмы «Беовульф» (под редакцией Дж. Джорджа). Звукоизобразительный статус лексем проверялся по этимологическому словарю *Altenglisches Etymologisches Wörterbuch* Ф. Хольтхаузена [Holthausen, 1974], а также методом фоносемантического анализа [Воронин, 2006, с. 90–91].

Всего в тексте поэмы, состоящей из 3182 строк, насчитывается 134 употребления ЗИ единиц, неравномерно распределённых в тексте. Неравномерность распределения звукоизобразительных слов продиктована контекстом. Так, описание сражений, похорон, застолий требует особенного, звукового, оформления, поэтому сатурация ЗИ лексикой в таких контекстах велика:

783 *Sweg up astag*
niwe geneahhe; Norðdenum stod
atelic egesa, anra gehwylcum
785 *þara þe of wealle wop gehyrdon,*
gryreleoð galan godes ondsacan,
sigeleasne sang, sar wanigean
helle hæfton.

В переводе на русский язык строки В. Тихомирова [Западноевропейский эпос, 1977, с. 41] строки 783-788 звучат следующим образом:

Крики в зале,
рѣв и топот!
Жуть одолела
северных данов,
когда услышали
там, за стенами.
стон и стенания
богоотверженца
– песнь предсмертную,
вой побежденного.
воплъ скорбящего
выходца адского.

В целом, количество ЗИ слов от общего числа (17779, включая служебные) составляет менее 1% (0,75%). Однако следует учитывать, что выделенные 143 слова употребляются в поэме многократно. Всего нами было выделено 43 неповторяющиеся ЗИ основы. Ниже приводятся наиболее частотные из них:

Слово	Перевод на современный английский	Количество употреблений
GRETAN	to speak to, call upon, hail, greet, welcome, salute, take leave of, bid farewell to; to approach, come to, visit, touch, attack, treat;	20
SORG, SORGIAN	care, anxiety; sorrow, grief, affliction, trouble; to care, be anxious, feel anxiety; to sorrow, grieve, be sorry;	13
WĒA	woe, misery, evil, affliction, trouble; evil, wickedness, malice;	13
YRRE	anger, wrath;	10
BELGAN	to cause oneself to swell with anger, to make oneself angry, irritate oneself, enrage oneself; to swell with anger, to be angry, to be enraged;	9

SWĒG	unregulated, confused sound, noise, din, crash; modulated or articulate sound; sound made by living creatures, voice, cry or note of a bird, song;	7
SANG, SINGAN	a song, singing; a singing, chanting; song, poetry; a song; to sing, to compose verse, narrate; to narrate in verse, write.	7

Из выделенных 43 лексем до современного английского дошли 15 (35%) – *dynian* 'to din', *hleahtr* 'laughter', *hringan* 'to ring', *singan* 'to sing' и другие.

Оставшиеся 28 (65%) вышли из употребления – например, *sweg* 'a confused sound, noise', *wōp* 'a cry of grief, wailing', *hlynsian* 'to sound, resound' и т.д.

Наблюдаемая картина согласуется с выдвинутой нами гипотезой звукоизобразительного круговорота [Флакман, 2015, с. 145], согласно которой *появление новых звукоизобразительных лексем в результате языковой эволюции оказывается predeterminedо непрекращающейся деиконизацией старых*. Под «деиконизацией» мы понимаем [Флакман, 2015, с. 100] *процесс постепенной утраты иконической связи между фонетическим обликом звукоизобразительного слова и его денотатом в ходе языковой эволюции*. Деиконизацию вызывают, с одной стороны, регулярные фонетические изменения, действующие в языке, с другой – семантическое развитие лексики. Всего мы выделяем четыре стадии деиконизации.

Из рассматриваемых 43 слов, больше половины (24 слова) находились на поздних стадиях деиконизации (СД-3 и СД-4) в древнеанглийском, что косвенно подтверждает выдвинутую гипотезу.

Комплексное изучение звукоизобразительной лексики в древних языках помогает лучше понять её роль в системе языка в целом.

Литература

An Anglo-Saxon Dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. Comp. Sean Christ and Ondřej Tichý. Faculty of Arts, Charles University in Prague. URL: <http://www.bosworthtoller.com> (Дата обращения: 23.02.2019).

Beowulf. A student edition. [ed. by George Jack]. Oxford: Oxford University Press. 1994.

Holthausen, F. Altenglisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1974.

Беовульф. Пер. с древнеанглийского В. Тихомиров / Западноевропейский эпос. Ленинград: Лениздат, 1977.

Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.

Флакман М. А. Звукоизобразительная лексика английского языка в синхронии и диахронии. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФОНОСЕМАНТИКИ

Мне посчастливилось слушать лекции проф. В.И. Кодухова по курсу Введение в языкознание, когда я еще была первокурсницей ЛГУ. Он поразил меня тем, какой увлекательной и легкой для усвоения казалась в его изложении сложная наука о повседневном использовании языка. Даже экзамен превращался из вызывающего страх испытания в занимательное упражнение. С чувством глубокой благодарности посвящаю ему эту статью.

Ни одно обсуждение вопросов связи языка и мышления не может обойтись без обсуждения проблем мотивированности языкового знака (глубокий анализ научной литературы по проблематике соотношения познания мира и языка содержится в книге В.Б.Касевича [Касевич, 1996, с. 88-107]). Существенно упрощая положение дел, можно сказать, что называние предметов и явлений, соотнесение понятия и слова, т.е. придание проявлениям действительности словесного обозначения, является одной из заключительных стадий процесса познания этих предметов и явлений. При этом форма имени может, и, скорее всего, будет указывать на некоторые свойства именованных предметов и явлений, т.е. окажется мотивированной. (Тот факт, что со временем, по мере развития как формальной, так и содержательной сторон языка мотивировка слова может полностью или частично утрачиваться, в данной работе остается за рамками рассмотрения.)

При обсуждении вопросов фоносемантики на первый план выходит мотивированность фонетическая. Последняя, как известно, подразделяется на звукоподражательную и звукосимволическую [Воронин, 1982].

Поскольку в основе функционирования иконических [Peirce, 1994], т.е. примарно мотивированных языковых знаков лежат универсальные ментальные основания [Горелов, 2003; Fodor, 1980], следует предположить их когнитивную валентность, т.е. значимость для адекватного восприятия и оценивания элементов действительности.

Актуальность и востребованность данных лингвистических явлений подтверждается использованием примарно мотивированных знаков в наиболее прагматически организованном типе дискурса, а именно в дискурсе рекламы. Так, автором статьи были зарегистрированы следующие маркетинговые ходы: использование названия *Bubba* для обозначения объемного округлой формы термоса и *Schnipps-Schnapps* в качестве названия парикмахерской в одном из городов Германии. Первое представляет собой архитипический звукосимволизм обозначения округлого при помощи лабиальных звуков, а второй – редуплицированное звукоподражание (инстант-континуант с чередованием гласных,

по универсальной классификации ономастов [Воронин, 2004]) пощелкиванию ножниц при стрижке.

Звукоподражательная и звукосимволическая подсистемы языковых иконических знаков демонстрируют как универсальные, так и специфически-языковые характеристики. Оба типа свойств лингвистических единиц имеют прямое отношение к особенностям познания окружающего мира носителями того или иного языка.

Звукоподражательная мотивировка языкового знака отражает лингвистическую интерпретацию носителями данного языка довольно сложного акустического денотата [Воронин, 2004]. При общей онтологической значимости теории С.В.Воронина, когнитивные (и, следовательно, лингвистические) стратегии обозначения акустических явлений носителями разных языковых культур могут различаться. Например, анализ звуковой формы глаголов - звукоподражаний звукам, издаваемым собакой, 8 языков разной степени системной близости обнаруживает, что отдельные языки демонстрируют специфические предпочтения в репрезентации схожих звучаний посредством разных классов ономастов. Если в романских, славянских и балтийских языках среди обозначений лая преобладают континуанты и фреквентативы (т.е. отображения длительных звучаний и вибраций, или воя, скуления и рычания), то в германских – инстанты (т.е. отображения ударов, резких вокализаций) [Шамина, 2017]. Данное наблюдение позволяет поставить вопрос о наличии звукоподражательного фрагмента в общей картине мира.

Звукосимволическая мотивировка языкового знака отражает неакустические свойства денотата посредством звуковых и / или артикуляторных характеристик экспоненты. Так, эмотивные наименования лиц, предметов и свойств могут быть представлены «языковыми жестами» [Поливанов, 1968], отображающими мимические представления эмоций. При этом губные и заднеязычные артикуляции (в области согласных) с большей очевидностью могут быть связаны с негативной эмоциональной оценкой (звуковые жесты плеванья и презрительного искривления губ, с одной стороны, и отхаркивания и рвоты, с другой стороны), чем артикуляции переднеязычные. Эти умозрительные заключения находят фактическое подтверждение как при анализе зарегистрированного языкового материала [Shamina, 2009], так и в экспериментальных исследованиях по восприятию иноязычной лексики [Шамина, 2015]. Англоязычные сленгизмы-пейоративы демонстрируют явное предпочтение к лабиальным согласным и лабиализованным гласным в их звуковом составе, в то время как русскоязычные жаргонизмы с негативным эмоциональным значением – к заднеязычным и шумным щелевым согласным. При восприятии иноязычного языкового материала как пейоративного или мелиоративного респонденты также статистически достоверно реагируют на наличие в составе воспринимаемого слова звуков, иконически связанных с изображением презрения или восхищения.

Следует признать, что фоносемантические наблюдения, накопленные за десятилетия существования школы фоносемантики С.В.Воронина, имеют непосредственное отношение к проблематике когнитивной лингвистики. Фоносе-

мантические исследования должны с необходимостью войти в реестр приоритетных направлений когнитивных исследований.

Литература

Воронин С. В. Основы фоносемантики. – Ленинград: изд-во ЛГУ, 1982.

Воронин С. В. Английские ономотопы: Фоносемантическая классификация. – СПб: Геликон Плюс, 2004.

Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе // Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. – М.: Лабиринт, 2003. С. 15-104.

Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996.

Поливанов Е.Д. По поводу "звуковых" жестов японского языка // Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. С. 295–306.

Шамина Е.А. Репрезентация лая в языке: свидетельство в пользу существования звукоподражательной картины мира // Актуальные проблемы языкознания. Материалы 6 Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. – СПб.: СПбГЭУ ЛЭТИ, 2017. С. 326–329.

Шамина Е.А. Семантика оценки в экспериментальном исследовании звукообразности // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований. Материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике 30 сентября – 2 октября 2015. Москва – Тамбов – Санкт-Петербург. 2015. С. 308–310.

Fodor, J.A. The Language of Thought. N.Y., 1980.

Peirce, C. S. Peirce on Signs: Writings on Semiotic. James Hoopes (ed)., Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1994.

Shamina. E.A. The Interaction of Phonetic and Phonological Levels of Analysis in Respect to Sound Symbolism // Sound and its Research Aspects: Methodology and Practice. Vilnius: Lietuviu kalbos institutas 2009. P. 235–243.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

*Докт. филол. наук Г.В. Векишин, студентка Ю.А. Бушунова (Москва)
philologos@yandex.ru ; julia-bushunova@yandex.ru*

ОБРАЩЕННЫЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ В ЗВУКОВОМ СТРОЕ РУССКОЙ ПОСЛОВИЦЫ

Часто природу ритма связывают с ритмичностью, цикличностью деятельности человеческого организма и цикличностью процессов в природе. Все возвращается. Но свое сердце мы начинаем чувствовать тогда, когда его ритм дает сбои. Этим задано функциональное противопоставление ритма и метра. Метр – это регулярность, которая создает инерцию, быстро входит в привычку, – регулярность автоматическая. А ритм, в частности в том значении, которое вкладывают в это понятие структурная теория литературы и стиховедение, – то, что, будучи согласованно с метром, одновременно преодолевает его.

То же существенно и для параллелизма как способа синтагматической организации речи, ее членения. Параллелизм и ритм – две стороны одного принципа в строении текста. Известно, что ритм основан на периодичности речи и сопоставимости периодов, почему этот принцип иногда называют **принципом возвращения**. «Существо поэтической техники состоит в периодических возвратах и это проявляется на каждом уровне языка. Фонемы и последовательности фонем, морфологические, лексические, синтаксические и фразеологические единицы, оказываясь в метрически или строфически аналогичных позициях, неизбежно ставят в нашем сознании или подсознании вопросы, а именно: являются ли взаимоподобными, в каких отношениях и в какой степени, эти сущности, находящиеся в аналогичных позициях» [Якобсон, 1987, с. 99]. Именно подчиненность принципу возвращения делает множество пословиц произведениями поэтического искусства.

Параллелизм работает там, где на его фоне возникает **асимметрия**, диспропорция, сдвиг. Смысл этого сдвига – в обмане ожиданий. Закон обманутого ожидания обеспечивает напряженность смыслового соотнесения сопоставленного с сопоставляемым, эмфатическое выделение фрагментов, не предсказанных инерцией регулярности. Такого рода акцентуация участков речи оказывается важнейшим элементом механизма предикации на разных уровнях языковой структуры, который сопоставим с актуальным членением высказывания.

Нас будет интересовать уровень звуковой организации пословицы, которая создается позиционно маркированными звуковыми повторами и контрастами и находится в сложных отношениях с ее просодической организацией, ритмико-синтаксической структурой и семантической композицией.

Мы придерживаемся силлабоцентрического понимания звукового повтора, в соответствии с которым элементарным шагом в развертывании речи выступа-

ет слог, а любой согласный в его повторении становится ощутим только благодаря тому, что он определенным образом встроен в сегментную и просодическую организацию слога и далее – в просодический рельеф слова и фразы. В соответствии с таким подходом простейшей операциональной единицей в звуковой композиции речи выступает фоносиллабема, которая представляет собой полный и частичный «слепок» сегментно-звуковой структуры слога, обеспечиваемый повторением звуков, – своего рода звуковой экстракт потенциального слога (структуры, образуемой гласной со всем ее консонантным окружением) [Векшин, 2006].

Для строения пословицы характерен глубокий параллелизм, охватывающий грамматику и распространяемый далее на сегментно-звуковую и просодическую организацию речи вплоть до структуры слога, где действует принцип просодического и сегментно-звукового (эквиритмического и эквифонического) уподобления параллельных частей:

- Журба твоя часовая, гульба моя вековая.
- Страшен сон, да милостив бог.

В первой пословице главные компоненты каждой из грамматически параллельных конструкций в их «вертикальном» соотношении полностью эквиритмичны друг другу – совпадают как по ритмическим моделям (2/2 – 4/3), так и по их сегментной структурно-слоговой организации (cvccV – cvcvcVcv). Во втором случае эквиритмичны лишь односложные существительные в позиции субъекта (сон, бог), на фоне которых предикаты (страшен, милостив) просодически ассиметричны, что усиливает эффект противопоставления и контраста. Ср.:

- Родился мал, вырос глуп, помер стар/пьян.

Все рематические компоненты (мал, глуп, стар/пьян) здесь односложны, согласные в каждом из них расположены рамочно, а вторая и третья ремы и во все полностью эквиритмичны. Тематические же компоненты – глаголы – выровнены лишь частично (родился, вырос, помер). Примечательно, что варианты этой пословицы с заменой последнего слова (стар/пьян) сохраняют эквиритмию, что, как и во многих подобных случаях, свидетельствует о том, что просодический и структурно-слоговой рельеф фразы хранится в сознании носителя языка как самостоятельно значимый образ и отражается в пословице как в фольклорном явлении. Ср.:

- Бог помилует, царь пожалует.
- Кого милует Бог, того жалует царь.
- Богат Бог милостию, государь жалостию.

Перед нами три пословицы, практически идентичные в смысловом плане, но различные по своей структурно-слоговой и просодической организации. В первом случае мы обнаруживаем полную эквиритмичность тематических (бог, царь) и рематических (помилует, пожалует) компонентов, а также явный грамматический параллелизм. Второй случай также дает полную эквиритмию частей, однако мы видим, как поменялись просодическая и структурно-слоговая конструкции: в этом варианте присутствуют уже не два, а три компо-

нента, и тема/рема поменялись местами – глаголы (*милует, жалуует*) стали тематическими, а существительные (*бог, царь*) – рематическими компонентами. Третий вариант наиболее интересен. Полностью эквиритмичны здесь только рематические компоненты (*милостью, жалостью*). Зато в тематической части вместо слова *царь* использовано *государь* – таким образом части уравниваются по слоговой длине (*бо-гат Бог, го-су-дарь*) и поддерживается структурно-слоговой параллелизм пословицы. Метафонические повторы (*ог-ог-го*) асимметрично усложняют конструкцию, обеспечивая эмфазу второго субъекта и усиливая тем самым противопоставление.

Грамматический параллелизм иногда даже уступает звуковому, отдавая ему инициативу формообразования пословицы. В этом случае действует грамматическая асимметрия, углубляющая контраст частей фразы:

- Не в Польше жена, – не больше меня.

Параллелизм актуального членения частей с ремой в начальной позиции входит в противоречие с асимметрией грамматического членения, в то время как звуковые повторы (*ольше-ольше, ена-ена*) эквифонически возвращают конструкции структурное равновесие. Подобные сдвиги – важнейший инструмент речевой организации пословицы. Ср.:

- Не всяк кУСает, кто УСом трясет.

Здесь асимметрия возникает за счет метафонического соотнесения глаголов финальных позициях, однако в метафоническую цепочку вплетается и неконечная часть (*сАет-тоУс-асОт*), притом что тенденцию к равновесию поддерживает равноточность частей.

- Без топора – не плотник, без иглы – не портной.

В этой пословице соблюдается актуально-синтаксический и грамматический параллелизм, однако наперекор ему строится звуковой ряд. Грамматические компоненты различны по своей звуковой организации (*топора – иглы, плотник – портной*). Однако сильным звуковым повтором с параномастическим, этимологизирующим элементом скрепляются крайние, грамматически разнородные члены конструкции (*топора|не – не|портно*), образуя в этом отношении зеркальную симметрию, звуковой хиазм, окольцовывающий пословичную конструкцию.

Случается, что грамматический параллелизм в пословице вовсе отсутствует, в то время как звуковой с помощью эквифонии, местами усложненной метафоническими созвучиями, обеспечивает периодичность речи, сопоставимость отрезков:

- Кошка скребёт на свой на хребет.
- Мужик богатый гребет деньги лопатою.

Итак, пословица высоко ценит звук и в каком-то смысле вырастает из него. Ее семантическая, синтаксическая, просодическая организация не может существовать без звукового параллелизма: там, где ломается грамматический параллелизм, звуковой сохраняется, перехватывая инициативу в композиционном оформлении всей пословичной конструкции; и наоборот: обращенный звуковой

параллелизм оказывается важнейшим организующим и акцентирующим элементом именно там, где грамматическая структура повторяется.

В.И. Даль точно заметил, что пословица является как бы творением самого языка – его «собью», которая «не сочиняется, а рождается сама» [Даль, 1882, с. 334]. И это рождение зачастую происходит благодаря способности звука создавать особые синтагматические отношения в поэтическом тексте. Пословица оказывается естественно рождаема, запоминаема и воспроизводима во многом благодаря своему звучанию, звуковой композиции [ср. Пермяков, 1988].

Если, согласно Пушкину, «поэзия... должна быть глуповатой», то не переоцениваем ли мы значимость сентенции в пословице? Истинная мудрость пословицы – результат самораскрытия возможностей языка в построении афористического высказывания. Исходным моментом, провоцирующим рождение пословицы, вероятно, может быть вовсе не ее стремление стать емким «знаком ситуации» [Пузырев, 1995] самим по себе, а некая немотивированная аналогия в самом языке, которая, будучи представлена в форме параллелизма, получает тем или иным образом мотивацию, узаконивается, а затем уже «нащупывает» себе опору во внеязыковой действительности, теперь уже получая «легальный» статус готовой номинативной единицы, открывающей мудрость родного языка как закономерность связи звука с грамматикой и семантикой речи.

Литература

Векшин Г. В. Метафония в звуковом повторе: к поэтической морфологии слова / Г. В. Векшин // Новое литературное обозрение. – 2008. – №90. – С. 229–250.

Векшин Г. В. Очерк фоностилистики текста. Звуковой повтор в перспективе смыслообразования: монография. – М.: МГУП, 2006. 462 с.

Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля: В 4-х тт. – 2-е изд., испр., доп. – Спб., М.: Изд. М.О. Вольфа, 1882. – Т. 3. – 584 с.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1988. 237 с.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка : Опыт системного осмысления: монография / А.В. Пузырев. – М. Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. 378 с.

Яacobсон Р.О. Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Р.О. Яacobсон. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. С. 99–132.

*Канд. филол. наук С.Б. Кураш (Мозырь, Беларусь)
text2005@mail.ru*

ФОНЕТИЧЕСКАЯ И МЕТРО-РИТМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

На обыденном уровне поэзию мы воспринимаем прежде всего как необычный язык, которым изложены те или иные мысли. При этом звуковая сторона

поэтической речи традиционно оценивается как основа её специфичности в сравнении с речью прозаической. В.М. Жирмунский отмечал, что «...звуки языка не безразличны для поэта. Это — не пустые места в художественном произведении, не беспорядочные шумы, сопровождающие течение поэтических „образов“, а существенные средства художественной выразительности. Звуки поэтического языка упорядочены и организованы; особый выбор звуков особое их расположение отличаю поэтическую речь от прозаической» [Жирмунский, 1928, с. 40]. В одной из наиболее известных работ, посвящённых фоносемантике, её автор, А.П. Журавлёв, характеризует звук как «живую плоть стиха» [Журавлев, 1991, с. 78].

Понятие звуковой (фонетической) метафоры уже имеет определённую историю функционирования в лингвопоэтике. Под ним понимается семантическое сближение двух понятий на основе ассоциаций по сходству звуковой стороны языкового знака, т.е. своеобразная семантически нагруженная идеофония и эвфония (звукопись), а с другой стороны – превращение звуков в самостоятельные смысловые единицы, фоносемантизация [Векшин, 2006; Пузырёв, 2013; Сомова, 2017 и др.].

Данное явление широко представлено в русской поэзии, ср.: *Колокола. Коллоквиум / колоколов. / Зарево их далекое / оволокло* (С.Кирсанов); *И гнались за мною / Сто тысяч берёз, / Стеглянной стеною / Струился мороз* (А. Ахматова). Звуковые повторы в каждом из приведённых примеров лежат в основе создания фонетических метафор, имитируя соответственно колокольный перезвон (С. Кирсанов), создавая ощущения холода, свиста морозного ветра, дрожания (А. Ахматова).

Не менее интересными в этом плане, но при этом гораздо менее описанными являются метаязыковые образы звучащей речи, получившие метафорическое воплощение, ср.: *Трепет лира: / В струнах позабытых / Я звуков согласных / Я звуков живительных / В восторге ищю* (А. Дельвиг); *Звуки на а широки и просторны, / Звуки на и высоки и проворны, / Звуки на у, как пустая труба, / Звуки на о, как округлость горба, / Звуки на е, как приплюснутость мель, / Гласных семейство смеясь просмотрел* (Д. Бурлюк); *Буду слушать гортанный, / Слово клетот орлиный, язык горожан* (П. Антокольский); *Так звуки У и О приемлют гул трамвая / И завыванье проволок тугих* (К. Вагинов). Как видно из примеров, фоника используется здесь не только как изобразительно-выразительное средство, но и становится самостоятельным поэтическим, в том числе метафорическим, образом, тематическое поле которого представлено такими лексемами, как *звук, звонкий, глухой, гласный, согласный* и др. Подобного рода рефлексии над языком некоторые исследователи называют типологической особенностью русской литературы XX в. и в качестве наиболее показательных в данном отношении называют идиостили таких авторов, как В. Маяковский, С. Кирсанов, Б. Пастернак, И. Бродский, А. Вознесенский, Д. Сухарев, Б. Ахмадулина и др. [Фатеева, 2017]

Звуковые метафоры могут также основываться на прецедентных феноменах и интертекстовых отношениях, ср.: *Звук звенит за звуком и за словом слово, / Как в стихотвореньях Гумилева / Из «Чужого Неба»...* (И. Одоевцева).

Помимо метафоры звуковой, можно говорить и о метро-ритмической метафоре, когда «метро-ритм, являясь закономерностью динамической структуры стиха, оказывает организующее влияние на словесный ряд, открывая возможность для формирования текстовых корреляций. Он актуализирует фонемный и морфологический повтор, а также формирует регулярный характер повтора синтаксических конструкций. Возникающие при этом соответствия выстраиваются в параллелизм. Он устанавливает подобие более крупных элементов образной структуры и способствует формированию семантической двуплановости» [Толочин, 1996, с. 39]. Ср.: *Скорый поезд, скорый поезд, скорый поезд! / Тамбур в тамбур, буфер в буфер, дым об дым! / В тихий шелест, в южный город, в теплый пояс, / к пассажирским, грузовым и наливным! (С. Кирсанов). Ритмика и размер (шестистопный хорей) данного отрывка, повтор взрывных, шипящих и свистящих согласных создают впечатление движения поезда (стук колёс в такт движению, свист ветра и др.).*

Таким образом, звуковая и метро-ритмическая фактуры русских поэтических текстов, образуя своеобразные «фактурные ансамбли» (К.Э. Штайн) с лексической семантикой, словесно-образными рядами текстов, нередко выступающие в качестве акцентированного прагматико-стилистического приёма, могут рассматриваться в том числе и как потенциальные метафорогенные ресурсы художественной речи.

Литература

Векшин Г.В. Очерк фоностилистики текста: Звуковой повтор в перспективе смыслообразования. – М.: Изд-во МГУП, 2006. 444 с.

Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы. – Л.: Academia, 1928. 358 с.

Журавлев А.П. Звук и смысл. – М.: Просвещение, 1991. 173 с.

Пузырёв А.В. Место анафонии и анаграмм в сфере фоносемантических средств языка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Ежегодный журнал. Выпуск XV. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2013. С. 222–230.

Сомова Е.Г. Национальная обусловленность звуковой метафоры в поэтическом тексте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 4. С. 158–166.

Толочин И. В. Метафора и интертекст в английской поэзии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 95 с.

Фатеева Н.А. Поэзия как филологический дискурс. – М.: Изд. дом ЯСК, 2017. 360 с.

*Канд. филол. н. О.Г.Мукина (Ульяновск)
mukina_o@mail.ru*

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СИНЕСТЕЗИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Антропоцентрическая направленность лингвистики на текущем этапе её развития выражается в отходе от понимания языка как замкнутой системы и

предопределяет акцент внимания современных исследователей на отношениях «язык – внутренний мир индивида».

Возникновение антропоцентрической парадигмы в языкознании было предопределено, поскольку сам язык антропоцентричен по своей сути: «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, свое отношение к предметному и непредметному миру, природе... свои отношения к коллективу людей и другому человеку» [Арутюнова, 1979, с. 148]. Взгляд исследователя перемещается с объекта познания на субъект, анализируется человек в языке и язык в человеке. В центре внимания оказывается личность носителя языка. Новый подход учитывает роль человеческого фактора в языке, вместо опоры на форму появляется опора на содержание, не на механизм, лежащий в основе языка, а на его применение.

Перекидывая мостик от вышесказанного к вопросу синестезии (с греч. – «совместное ощущение»), отметим, что данный феномен поэтами используется исключительно тонко для создания поэтического настроения, для придания образности и выразительности повествованию, достижения большей сжатости языка. В синестетических словосочетаниях типа «*сладкий голос*», «*ледяной взгляд*» и др. в качестве основного предметного значения выступает обозначение характеристик человека, его душевно-эмоциональное состояние либо описание окружающей действительности через призму восприятия человека, в чем и проявляется антропоцентричность синестезии [Мукина, 2016, с. 94].

Так, например, обратим внимание на отрывок из стихотворения М. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» и предпримем попытку объяснить, почему лирическому герою так важен и дорог этот лелеющий слух *сладкий голос*?

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне *сладкий голос* пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

[Лермонтов, 1953, т.1, с. 92]

Безусловно, можно по-разному трактовать заключительные образы лермонтовского стихотворения. Возможно, они навеяны воспоминаниями поэта о своём детстве. В записи, датированной 1830 г., Лермонтов пишет: «Когда я был трёх лет, то была песня, от которой я плакал: её не могу теперь вспомнить, но уверен, что если бы услышал её, она бы произвела прежнее действие. Её певала мне покойная мать». По мнению Г.В.Адамович, *сладкий голос* в стихотворении выступает как символ нежного, любящего материнского начала, а тёмный дуб – как символ мощного, сурового отцовского начала [Адамович, 1996, с. 232].

Символика родительского начала мотивируется характером самого раннего детства поэта. Как известно, мать Лермонтова умерла совсем юной, 22-летней, а с отцом он был разлучен по воле бабушки сразу после смерти матери. И теперь он словно хочет оказаться в колыбели мироздания, чтобы вновь их обрести, уже навсегда, вечных, как сама природа, чтобы никто не мог отнять их у него и ничто не могло разлучить их. Пусть его дом был разорен, но в мечтах герой побеждает свою «ужасную судьбу» – он строит новый, вечный, непри-

косновенный дом. В своей мечте герой видит себя окруженным нежной, домашней, обращенной именно к нему заботой: *мой слух лелея, мне сладкий голос пел, надо мной... тёмный дуб склонялся и шумел*. И он может безбоязненно погрузиться в сон, спокойный, умиротворенный – так спать можно только в своем уютном доме, где чувствуешь себя защищённым, в полной безопасности [Там же. С. 234].

Художественное произведение, в частности, поэтический текст, репрезентирует один из «возможных миров» автора, его картину мира в звуках, красках, эмоциях, оценках. Всё: «узоры конструкций, узоры структуры, несут в себе у подлинного художника глубочайший поэтический смысл, не тот, что определяют как «содержание» литературного произведения, а скорее тот сверхвысший духовный смысл, который хочет быть выражен поэтом и может быть воспринят читателем» [Фортунатов, 1999, с. 132]. Формируется звуко-цветовая картина мира писателя – это фрагмент его общей поэтической картины мира; отраженное в идиостиле совокупное представление субъекта о мире звука и цвета; система собственно эстетических смыслов, выявляемых в процессе художественной коммуникации.

В качестве итога подчеркнём, что использование синестезии поэтами в своём творчестве «говорит о напряженности человеческих чувств, об активном восприятии мира» [Флоря, 2003, с. 33] и обусловлена, полагаем, не столько желанием украсить стих, а сколько особенностями восприятия и мышления автора.

Литература

Адамович, Г. В. *Одиночество и свобода* [Текст] / Г.В. Адамович. – М. : Республика, 1996. 315 с.

Арутюнова, Н. Д. *Языковая метафора* [Текст] / Н. Д. Арутюнова // *Лингвистика и поэтика*. – М. : АН СССР Ин-т рус. яз., 1979. 173 с.

Лермонтов, М. Ю. *Полное собрание сочинений* [Текст] / М. Ю. Лермонтов. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1953.

Мукина, О. Г. *Феномен синестезии в русской поэзии XIX-XX веков* [Текст] / О. Г. Мукина. – *Поволжский педагогический поиск*, 2016. – № 4 (18). – С. 93–95.

Флоря А. В. *Русская стилистика. Курс лекций: Словообразование. Лексикология. Семантика. Фразеология*. – Орск : Изд-во ОГТИ, 2003. 53 с.

Фортунатов Н. М. *Эффект Болдинской осени. А. С. Пушкин: сентябрь-ноябрь 1830 года. Наблюдения и раздумья*. – Н.Новгород : Деком, 1999. 304 с.

Доктор филол. наук Г.Г. Хисамова (Уфа)
galiya.khisamova@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В АСПЕКТЕ «ДИАЛОГА КУЛЬТУР»

В последние годы усиливается интерес ученых к анализу художественного текста как национально-культурного феномена. Изучение русского языка и литературы в поликультурной среде характеризуется вниманием к проблеме от-

ражения в языке национально-культурной семантики: «Если говорить о национально-культурной самобытности художественного текста, то следует отметить, что она базируется на национально-культурной семантике языковых единиц разных уровней, а также за счет коннотативной и фоновой информации, закодированной в тексте» [Хайруллина, 2016, с. 21].

Задача лингвокультурологического анализа текста – показать, как в тексте отражается лингвокультурная ситуация, каково его общее культурное содержание и ценностные ориентиры. Культурный смысл текста проявляется в его тематике, в композиции (сюжет, фабула, персонажи) и в заглавии, поэтому на лексико-фразеологическом уровне выявляются единицы с национально-культурной семантикой (безэквивалентная лексика, фоновая и коннотативная лексика; фразеологизмы; афоризмы, крылатые выражения; прецедентные тексты; изобразительно-выразительные средства) и сопоставляются с фактами родного языка и культуры, кроме того, выделяется общее и национально-специфическое в языковых единицах [Хисамова, 2018].

При изучении русскими и иностранными учащимися текстов художественной прозы, в которых отражаются культура и быт тюркского народа, его обычаи и традиции, этические нормы, особенности образного мышления, особая роль отводится тюркизмам-регионализмам [Саяхова 2017, с. 59-60].

Русские писатели, в творчестве которых нашли отражение башкирские мотивы, умело использовали региональную лексику башкирского происхождения.

Так, С.Т. Аксаков включает в текст тюркизмы при описании природы Башкирии, для создания реалистической картины быта башкир и других народов, издавна населяющих этот край: *«Обильною жатвой награждается ленивый и невежественный труд пахаря, кое-как и кое-где всковырявшего жалкою сохой или неуклюжим сабаном, твою плодоносную почву! ... Уже поспел жителительный кумыс, закис в кобыльях турсуках. и все, кто может пить, от грудного младенца до дряхлого старика, пьют допьяна целительный, благодатный, богатырский напиток. После этого исчезают недуги голодной зимы и даже старости...»*; *«Прекрасен ты, чудесный край, свежи, зелены и могучи стоят твои раздольные леса, и рои диких пчёл шумно населяют рукотворные борти твои, заноса их душистым липовым мёдом...»* («Семейная хроника»).

У П.П. Бажова безэквивалентная региональная лексика вводится в текст сказов, где используются мотивы и образы башкирского фольклора: *«Здравствуй, Айлып! ... Не возьмёшь ли меня замуж? – А какой, – спрашивает, – за тебя калым, платить?»*; *«... Дорогу примечать стал: где лесину затешет, где на камне свою тамгу выбьет, где ещё какой знак поставит»* («Золотой волос»). Региональная лексика в уральских сказах помогла Бажову более полно охарактеризовать рассказчика – старого бывалого горщика (от его имени ведётся повествование), передать своеобразие горнозаводской речи, в которой было немало заимствований из башкирского языка: *«Кому в это вникать не доводилось, тому – что бор, что парма, что урман, что тайга – всё лес, а на деле разница есть... Урман от тайги большую отличку имеет. По урману не то что пешему, а и конному пробираться просто, там всегда прогалы есть... Ну а тайга – лес*

слошняком. *Через такой не скоро прoderёшься*» («Дорогой земли виток»).

Национально окрашенная (безэквивалентная региональная, а также фоновая) лексика органично вписывается в современную русскоязычную прозу и поэзию Башкортостана, широко и разнообразно представлена в переводах с башкирского языка на русский.

Многочисленны термины родства, которые используются в речевом этикете башкир, например: *атай, эткэй* (отец), *картатай, олатай, зурэтэй, бабай* (дедушка) *эсей, инэй, эней, эни, энкэй* (мать), *картэсэй, зурнэй, инэкэй* (бабушка), *абый, абый* (дядя), *апа, тутей* (сестра), *кызым* (дочь), *улым*. (сын), *кейэу* (зять), *килен* (невестка), *енгэ* (жена брата, дяди), *бей анна* (свекровь), *бей ата* (свёкор), *кэйнеш* (младший брат жены), *балдыз* (младшая сестра жены) и т.п.

Для создания в русском тексте специфической образности используется и фоновая лексика, связанная с жизненным укладом башкирского народа (кочевой образ жизни, скотоводство, бортничество): *«Мой Закир ... долго жил там. Больше родного аула любил он, мой жеребёночек, этот город...»* (З. Бишпева); *«Сижу в одиночестве и обливаюсь слезами, точно верблюдица, разлучённая с верблюжонком!»* (Х. Давлетшина).

Национальный колорит художественного произведения создаётся также при помощи специальной этикетной лексики (*ассалям агалейкум, хуш, рахим. итегез*) и междометий (*ай-хай, гы, абау*), традиционных формул корана (*иншалла, бисмилла, астагфирулла*), передачей на русском языке башкирских пословиц и поговорок: *«Едва башкир становится турэ, сразу вешает лапти в переднем углу»*, *«Кумыс хорош пенистый, а совет - уместный»*, *«Мужчина родится в юрте, а сражается в поле»*; типичных оборотов речи, приветствий, пожеланий: *«Слава аллаху, пусть пойдёт он тебе сыновей для продолжения рода! – привычным приветствием ответил Хаким»* (Я. Хамматов); *«Асылбика встретила невестку со всеми полагающимися почестями: – Лёгкой ногой войди в дом!»* (Г. Ибрагимов); терминов восточного летоисчисления (*год дракона, год зайца и т.п.*).

Отражение национальной специфики (быта, обычаев, самосознания, мировоззрения) путем использования в русской литературе и в русскоязычных художественных текстах разнообразных пластов лексики (историзмов, архаизмов, экзотизмов и др.) создает ту неповторимую картину, которая позволяет учащимся наслаждаться художественным произведением, понимать его.

Литература

Саяхова Л.Г. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. 152 с.

Хайруллина Р.Х. Лингвокультурологический анализ художественного текста. – Уфа: Диалог, 2016. 117 с.

Хисамова Г.Г. Художественный текст как средство формирования билингвальной личности // Уральский филологический вестник. Вып. 2: Материалы Международной научной конференции «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления. – Екатеринбург, 2018. – С. 471–477.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алиханова Ирада Мирзаматовна, магистр Международного университета Silkway (Шымкент, Казахстан). Email: *irada.irada1985@mail.ru*

Антонова (Сычёва) Елена Николаевна, доцент кафедры русского и иностранных языков ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству» (Москва). Кандидат филологических наук, доцент. Email: *stchl@yandex.ru*

Ануфриева Е.И., студентка факультета иностранных языков Государственного гуманитарно-технологического университета (Орехово-Зуево). Email: *anufrieva.96@inbox.ru*

Артыкбаева Фазила Ильмаровна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой «Иностранная филология» Международного университета Silkway (Шымкент, Казахстан). Email: *artykbaieva.fazila@mail.ru*

Беседина Елена Ивановна, кандидат филологических наук; доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, доцент. Email: *elivbesedina@mail.ru*

Бушунова Юлия Алексеевна, студентка Московского политехнического университета (Москва). Email: *julia-bushunova@yandex.ru*

Васильева Анна Александровна; ассистент кафедры русского языка МГИМО МИД РФ (Москва). Email: *vasilyevaaa_mgimo@mail.ru*

Векшин Георгий Викторович, доктор филологических наук, профессор Московского политехнического университета (Москва). Email: *philologos@yandex.ru*

Виноградова Светлана Евгеньевна, аспирант кафедры русского языка и истории литературы Московского политехнического университета (Москва). Email: *vinogradova.91@ya.ru*

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, РУДН (Москва). Email: *yusvlad@rambler.ru*

Воеводина Анна Андреевна, студентка 5 курса факультета иностранных языков Государственного гуманитарно-технологического университета (Орехово-Зуево).

Воробьева Анна Евгеньевна, студентка 2 курса ВШПиМ Московского политехнического университета (Москва). Email: *anna_vorobyova14@mail.ru*

Даулет Фатимабиби Ногайкызы; кандидат филологических наук, исполняющая обязанности профессора Казахстанского национального университета им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан). Email: *fatima-dauletova@mail.ru*

Демидович Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка и социально-культурной адаптации Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Волгоград). Email: *demidovicht@mail.ru*

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор Южно-Казахстанского государственного педагогического университета (Казахстан, Шымкент). Email: *nvdmitr@yandex.ru*

Еливанова Мария Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент РГПУ им. Герцена (Санкт-Петербург). Email: *melivanova@yandex.ru*

Ершов Виктор Иванович, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и переводоведения факультета лингвистики и межкультурной коммуникации МГИМО МИД России, Одинцовский филиал, доцент (Москва). Email: *ershovik@mail.ru*

Жуков Анатолий Власович, доктор филологических наук; профессор, профессор кафедры литературы и русского языка ЛГУ имени А.С.Пушкина (С.-Петербург). Email: *angen.zhosse@yandex.ru*

Зацепина Елена Александровна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского и иностранных языков ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству» (Москва). Email: *myshila@mail.ru*

Карабулатова Ирина Советовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (Москва). Email: *radogost2000@mail.ru*

Касаткина Ольга Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романо-германской филологии ГОУ ВО Московской области «Государственный гуманитарно-технологический университет» (Орехово-Зуево). Email: *olga_kasatkina49@mail.ru*

Качанова Юлия Витальевна, студентка 2 курса ВШПИМ Московского политехнического университета (Москва). Email: *kachanovayuliya@gmail.com*

Ковалевская Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии ГОУ ВО Московской области «Государственный гуманитарно-технологический университет» (Орехово-Зуево). Email: *irinakovalevsk@yandex.ru*

Красина Елена Александровна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (Москва). Email: *elena_krassina@mail.ru*

Крашенинникова Ирина Вячеславовна, преподаватель общего английского языка организации дополнительного образования «Корпоративный университет Группы компаний Волга-Днепр». Email: *irino4ka90@list.ru*

Кузьмич Ирина Васильевна, доцент, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (ЛЭТИ). *irinakuzmich@inbox.ru*

Кукушкина Елена Юрьевна; Кандидат филологических наук, сотрудник издательства "Азбуковник". Email: *helenaqq@inbox.ru*

Кураш Сергей Борисович, доцент, кандидат филологических наук, доцент УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П.Шамякина». Email: *text2005@mail.ru*

Ларина В.В., аспирант (Орехово-Зуево). Email: *verun1993@mail.ru*

Лю Фанбин (Liu Fangbing), аспирант кафедры «Лингвистика и перевод» Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (Институт лингвистики и международных коммуникаций). Китай (провинция Хэйлунцзян, Харбин, Зона развития Лимин). Email: *fangbing90@mail.ru*

Мукина Ольга Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики естественнонаучного образования и информационных технологий факультета дополнительного образования ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова». Email: *mukina_o@mail.ru*

Нелюбова Наталия Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». Email: *nat.nelubova@mail.ru*

Никитина Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт языкознания РАН», доцент. Email: *m1253076@yandex.ru*

Огольцева Екатерина Васильевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка ФГБОУ МПГУ (Московский педагогический государственный университет). Email: *tertiumcomp@mail.ru*

Писарева Галина Романовна, старший преподаватель кафедры иностранной филологии Международного университета Silkway (Шымкент, Казахстан). Email: *galina_ro@list.ru*

Пузырёв Александр Владимирович, кандидат психологических наук, доктор филологических наук, профессор, профессор ФГБОУ «Московский педагогический государственный университет» (Покров). Email: *puzyrev-a-v@yandex.ru*

Рзаева Сара Маис кызы, аспирантка кафедры романо-германской филологии ГОУ ВО Московской области «Государственный гуманитарно-технологический университет» (Орехово-Зуево). Email: *sara5775@mail.ru*

Сахно Сергей Львович (Париж), доктор филологических наук, доцент Университета Париж-Запад (Нантер) / Université Paris Ouest (Nanterre, France). Email: *ssakhno@u-paris10.fr*

Сёмина Полина Сергеевна, аспирант Российского университета Дружбы Народов. Email: *karovapauline@gmail.com*

Семушина Валерия Анатольевна; кандидат филологических наук, старший преподаватель Института иностранных языков (Санкт-Петербург). Email: *hale-ria@yandex.ru*

Соколова Вера Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики английского языка (факультет английского языка) Московского государственного лингвистического университета (Москва). Email: *sokolova_mglu@mail.ru*

Султанкулова Шахноза Мирсалиевна, магистрантка Международного университета Silkway (Шымкент, Казахстан). Учительница русского языка школы-лицея № 107 (Шымкент, Казахстан). Республика Казахстан, Город Шымкент, Каратауский район, Улица Айрит, 1/39. Email: *sultankulova9696@mail.ru* ; *sultankulovash@yandex.ru*

Труфанова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологического образования Московского института открытого образования (Москва). Email: *illokucia1@rambler.ru*

Филатова Нина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Государственного гуманитарно-технологического университета (Орехово-Зуево). Email: *ninafilatova@live.ru*

Флакман Мария Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков СПбГЭТУ «ЛЭТИ» (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»). Email: *mariaflax@gmail.com*

Хисамова Галия Гильмулловна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета. Email: *galiya.khisamova@yandex.ru*

Черемошкина Любовь Валерьевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии факультета педагогики и психологии ФГБОУ «Московский педагогический государственный университет». Email: *lvch2007@yandex.ru*

Шамина Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, доцент. Email: *Elena_shamina@hotmail.com*

Шатилова Любовь Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Государственного гуманитарно-технологического университета (Орехово-Зуево). Email: *shatilova-79@mail.ru*

Шишони娜 Натали Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент Пятигорского государственного университета (Пятигорск). Email: *89850967988@rambler.ru*

Юдина Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор, директор Владимирского филиала ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Email: *dr.yudina@mail.ru*

Юсупова Гузаль Таджихановна, преподаватель кафедры «Иностранная филология» Международного университета Silkway (Шымкент, Казахстан). Email: *Guzal.Yussupova@inbox.ru*

Krasovec David, PhD (France). Красовец Давид, PhD (France). Доцент ИГСУ РАНХиГС (Москва). Email: *davidkrasovec@yahoo.fr*

SADI Nabil (Laboratoire LESMS – Université de Bejaia – Algérie), Docteur. Лаборатория «Специальность по иностранным языкам в социально-профессиональной среде: подготовка к профессионализации». Университет Беджая (Алжир). Координатор проекта создания лаборатории. Email: *sadinabil@hotmail.com*

ASSIAKH Sofiane ((Laboratoire LESMS – Université de Bejaia – Algérie), аспирантка отдела французского языка. Лаборатория «Специальность по иностранным языкам в социально-профессиональной среде: подготовка к профессионализации». Университет Беджая (Алжир). Email: *assiakh_sofiane@yahoo.fr*

Научное издание

Язык и мышление:
Психологические и лингвистические аспекты
Материалы XIX-й Международной научной конференции
(Покров, 15-17 мая 2019 года)

Ответственный редактор *А.В. Пузырёв*
e-mail: puzyrev-a-v@yandex.ru

Печатается в авторской редакции

Электронный набор *А.В. Владимиров*
Компьютерная вёрстка *А.В. Владимиров*

Подписано в печать 28.04.19.
Формат 60х90/16.
Уч.-изд. л. 8,1. Усл. печ. л. 7,9.
Тираж 100 экз. Заказ 80/2019

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии OZ-Print
ИП Козаченко Е.Л.
Адрес: 142600, Россия, г. Орехово-Зуево, ул. Егорьевская, д. 17.
Тел. (8496)415-05-09.